

СИЯЖАР

СИЯЖАР

СКАЗАНИЯ
МОРДОВСКОГО НАРОДА

Собрал
и литературно обработал
ВАСИЛИЙ РАДАЕВ

Перевел
с мордовского-эрзя
СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1989

ББК 82.3(2)
С41

С41 **Сияжар: Сказания мордовского народа /Собрал и
литературно обработал В. Радаев; Пер. с мордовского-
эрзя С. Поделкова; Худож. Н. Протасов.— М.: Совре-
менник, 1989.— 303 с., ил.**

ISBN 5—270—00602—2

Эпос «Сияжар», созданный на основе мордовских народных сказаний, песен, бал-
лад героического содержания поэтом Василием Радаевым, сейчас известен в нашей
стране и за рубежом. Главное в «Сияжаре» — идея защиты родной земли, братства
русского и мордовского народов, борьбы за честь и достоинство человека.

Один из знатоков финно-угорского эпоса, профессор Будапештского университета
Петер Домокош поставил сказание о мордовском народном герое Сияжаре и его товари-
щах рядом с прославленной «Калевалой».

С 4702000000—235 200—89
M106(03) — 89

ББК82.3(2)

ISBN 5—270—00602—2

© Мордовское книжное издательство, 1976 г.
© Издательство «Современник», 1989 г.

«СИЯЖАР» И ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Мордовский народ (мокша и эрзя) — один из древнейших и самых крупных финно-угорских народов нашей страны. С давних времен он известен своим трудолюбием, жизненным оптимизмом и поэтичностью мировосприятия. И, видимо, не случайно в национальной лексике мордовских языков нет слова «война». За оружие мордва бралась только тогда, когда к этому ее вынуждали. А так в ее многовековой истории было не раз: в период монголо-татарского нашествия, не отделяя своих национальных интересов от интересов других народов, вместе с русскими, марийцами и чувашами она сражалась за общую свободу Руси, в годы крестьянских движений, возглавленных Степаном Разиным, Иваном Болотниковым и Емельяном Пугачевым, активно боролась против крепостничества.

Родившееся в веках и на века стремление мордовского народа жить в мире и согласии с другими народами стало самой характерной особенностью его национального самосознания. Как клятва русичам оно отразилось уже в «преданьях старины глубокой», в многочисленных песнях и легендах, и в особенности в героических сказаниях о богатыре Сияжаре. Будучи вынужденным прервать свой мирный труд, Сияжар вместе с русскими воеводами Славой и Вольгой храбро защищает Русь от общих врагов. Обращаясь к русским богатырям от имени своего народа, он говорит:

Мы пойдем всегда бок о бок с вами,
Через реки бурные — мы с вами,
Сквозь огонь бушующий — мы с вами.
Как один, плечо к плечу, — мы с вами.

Дружба и взаимопонимание — важнейшее социальное, этическое и эстетическое благо в отношениях между людьми и народами — такова главная идейная основа представленных в этой книге мордовских сказаний о богатыре Сияжаре.

Владимир Ильич Ленин придавал народному эпосу, как известно, исключительно большое социально-историческое и эстетическое значение, видел в нем подлинно народное выражение общечеловеческих устремлений каждой нации. В. Д. Бонч-Бруевич в своей статье «Ленин о поэзии» вспоминал, как однажды, когда зашла речь об устном поэти-

ческом творчестве, Владимир Ильич попросил дать ему посмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал! — сказал он... — Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных»¹.

Илья Сельвинский, цитируя эти мысли В. И. Ленина, писал: «Нужно ли комментировать эти слова? Нужно ли ломиться в открытую дверь, доказывая, что, по мнению Владимира Ильича, речь в былинах идет не только о борьбе за национальную свободу Руси, но и за социальное освобождение русского народа?»² А. М. Горький, познакомив И. Сельвинского с этим высказыванием Ленина, посоветовал ему написать эпopeю на основе киевских былин, при этом потребовав от него не рабского монтирования текстов былин, а новаторства. «Не преклоняйтесь перед каждой строчкой былины только потому, что это-де святая старина, — говорил Горький. — Былина не молитва. В былинах происходит подспудная борьба между крестьянским, боярским и поповским направлениями. Задача поэта — слышать эту борьбу и принять в ней участие на стороне народа»³.

Высокая оценка произведений народного эпоса В. И. Лениным, А. М. Горьким и другими выдающимися деятелями советской многонациональной культуры, сама живучесть и специфика исторического содержания и эстетического смысла народных героико-эпических традиций вызывали и вызывают неизменный интерес многих национальных литераторов нашей страны. Подтверждением тому являются и мордовские сказания о Сияжаре, собранные и литературно обработанные мордовским писателем Василием Радаевым и переведенные на русский язык поэтом Сергеем Поделковым.

Мордовские предания и легенды о Сияжаре имеют чрезвычайно важную особенность, подтверждающую мысль выдающегося русского ученого А. Н. Веселовского о том, где надо искать наиболее древние формы памятников народного эпоса. Исходя из обусловленности жизни разных народов историческими обстоятельствами, Веселовский пришел к выводу, что «древнейшие варианты поэтических памятников лучше всего сохраняются народной памятью в более подходящих условиях, т. е. там, где наблюдаются значительные пережитки древних обычаев и нравов, а не обязательно в географической близости от очагов первона-

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. М.: «Художественная литература», 1979, с. 694—695.

² Сельвинский Илья. Три богатыря. Отрывки из эпopeи. — «Октябрь». 1963. № 5, с. 110.

³ Там же.

чального распространения, где они, как правило, видоизменяются до неузнаваемости¹.

Именно такой оказалась и судьба мордовских сказаний о Сияжаре, лучше всего сохранившихся у мордвы Куйбышевской и Оренбургской областей. В самой же Мордовии эти легенды и предания действительно видоизменились до неузнаваемости, что для некоторых исследователей послужило даже поводом для утверждений о нехарактерности такого рода сказаний для мордовского фольклора или же об их искусственном происхождении.

На самом деле решение этого вопроса оказалось более сложным. Суть дела состояла не в отсутствии у мордвы героико-эпических сказаний, а в причинах задержки их оформления в самостоятельные цельные произведения национально-героического эпоса. У мордвы, как и у некоторых других народов Поволжья (марийцев, удмуртов, чувашей), ни насыщенные былевыми элементами волшебнo-героические сказки, ни бытовавшие отдельно от них разрозненные сказания в самостоятельный цикл произведений героического характера сложиться не успели. Причина задержки, по мнению многих исследователей, объясняется тем, что в начальной стадии объединения мордовских племен в народность их застигло монголо-татарское иго, оказавшееся настолько тяжелым, что становление национального самосознания, с которым связано развитие героического эпоса и, в частности, сказаний о Сияжаре, Нарчатке и Тюштяне, было явно заторможено. В более поздние времена, с изменением социально-исторических условий жизни народа, их место заняли эпические произведения уже иных жанров.

В современных условиях особой популярностью у разных народов мира и нашей страны пользуются так называемые «книжные» эпосы героико-исторического характера, в которых органически соединились начала народной поэзии и литературного творчества. В истории духовной культуры народов мира такие эпосы имеют древнейшие традиции. Таков, например, эпос народов древней Индии «Махабхарата» (авторство приписывается поэту и мудрецу Вьяса), героические сказания французского эпоса (предполагаемый автор — Турольд, создавший «Песнь о Нибелунгах»). Таковы и эпические сказания многих народов нашей страны: карело-финская «Калевала» Э. Лёнрота, эстонский «Калевипоэг», собранный и литературно обработанный Ф. Крейцвальдом, латышский «Лачплесис», составленный по фольклорным материалам поэтом Андреем Пумпуром. Все эти произведения, войдя в сокровищницу мировой культуры, давно уже расцениваются как выдающиеся памятники народного героического эпоса. К такого же рода «книжному» эпосу относится и

¹ Цит. по кн.: Горский И. К. Александр Веселовский и современность. М., «Наука», 1975, с. 158.

мордовский «Сияжар», представляющий собой особую разновидность «книжных» форм эпоса — эпос историко-героический.

Такие формы народного эпоса оказали большое воздействие на развитие многих наций, их национального характера, культуры, им принадлежит значительная роль в формировании жанров, поэтики и эстетики национальных литератур. Как подчеркивает венгерский фольклорист и литературовед Петер Домокош, являющийся одним из инициаторов публикации «Сияжара» на венгерском языке (Будапешт, изд-во «Европа», 1984), в жизни малых народов, в том числе и поволжских финно-угров, эпос по настоящее время «играет... и политическую роль... такую же, какую он играл сто и более лет назад в жизни больших народов и наций»¹. Такова, в частности, роль «Калевалы», «Калевипоэга», «Лачплесиса» и некоторых других произведений народной литературы, относящихся к «книжным» формам героического эпоса. Все они являются результатом объединения и обработки так называемого «сырого материала», или «наивного эпоса», хотя, как заметил Петер Домокош, «наивного эпоса в конкретном смысле слова в действительности и не существует». Эти мысли венгерского ученого в значительной мере помогают уяснить суть тех разногласий, которые, то затухая, то вновь выдвигаясь в центр научных споров, характерны сегодня для современных дискуссий об исторической и художественной сущности национальных эпосов в целом и мордовского «Сияжара» в частности.

В. Г. Белинский, рассуждая о понятии «эпос», подчеркивал, что народно-эпическая поэма есть «идеализированное представление такого исторического события, в котором принимал участие весь народ, которое слито с религиозным, нравственным и политическим существованием народа и которое имело сильное влияние на судьбы народа»². Но как быть, продолжал Белинский, если у народа такой поэмы «не явилось в полусторическую эпоху... политического существования? — Очень просто: если ее не создал дух и гений народа, — ее должен создать какой-нибудь записной поэт»³.

Выдающийся советский ученый, академик А. И. Белецкий, ссылаясь на К. Маркса, отмечал, что термином «большая эпическая форма» теория словесности обычно обозначает «героическую поэму, эпопею типа Илиады или Одиссеи, — жанр, который тщетно пытались возродить поэты новой Европы»⁴. Монументальное словесное искусство, как показал К. Маркс, не может возродиться в условиях капиталистического об-

¹ Домокош П. Рядом с «Калевалой». — Газета «Советская Мордовия», 1984, 27 окт.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 т. М., 1964. Т. 7, с. 360.

³ Там же, с. 404.

⁴ Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964, с. 360.

щества, вообще не благоприятствующего развитию искусства. «Возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и, тем более, типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии с появлением печатного станка»¹.

Многие исследователи, ссылаясь на эти слова К. Маркса, часто не учитывают того, что сказаны они были применительно к эпохе капитализма. Но и тогда, как показало развитие духовной культуры разных народов, потребность в монументально-эпических поэмах, в искусстве большого исторического и социально-героического характера оставалась. В советскую эпоху потребность эта возросла еще больше. Удовлетворить ее, как свидетельствуют «книжные» эпосы, могло только осознание народами мира своей исторической причастности к судьбам цивилизации. Иначе говоря, факты появления «книжных» эпосов, попытки собирателей фольклора и литераторов расширить сферу воздействия устного народного творчества, стремление по-новому взглянуть на народно-эстетическое миропонимание и заставить фольклор служить историческим, нравственным, политическим и философским целям современности — все это по-разному отражает специфику современного духовно-культурного прогресса, отражает давнюю мечту творческой интеллигенции о создании большой эпической формы, развитию которой у многих народов препятствовали и феодально-крепостнический, и капиталистический строй.

Еще А. Н. Веселовский отмечал, что «с появлением «Калевалы» (феномена иной исторической природы, чем известные прежде), «старая схема эпоса оказалась несостоятельной»². Да и современные исследователи на основе сравнительного изучения героических эпосов мирового фольклора приходят к выводу, что теория целостных эпосов, бытовавших в историческом прошлом того или иного народа, не имеет под собой почвы. «Появление целостных эпосов, — пишет Эндель Нирк, — начиная со времен античной Греции, всегда было результатом сознательной организации материала, большей или меньшей литературной обработки, объединения и слияния многочисленных вариантов. И это вполне закономерно, так как при устной передаче даже самый выдающийся народный певец-импровизатор не мог бы точно запомнить сказания и легенды, достигающие порой объема в десятки тысяч строк»³. И хотя в наше время в понятие «народно-героический эпос» вкладывается прежде всего представление о произведениях, пришедших в науку непосредственно из уст народных певцов и сказителей, игнорировать «книжные» эпосы было бы неправомерным, так как такого рода произведения, несущие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 гг.). Соч., 2-е изд., т. 12, с. 737.

² Цит. по кн. Типология народного эпоса. М., 1975, с. 3—4.

³ Эндель Нирк. Эстонский эпос «Калевипоэг». — В кн.: Калевипоэг. Эстонский народный эпос. Таллин, 1961, с. 356.

идеи самоутверждения наций и народностей, не только вносят определенные коррективы в теорию развития народно-эпических жанров, но и тесно связаны с социально-эстетической сущностью современного духовного прогресса.

Между тем некоторые поборники девственно целостного характера народного эпоса и поныне всячески стремятся отторгнуть «книжный» эпос от фольклора. Так уже не раз было и с «Сияжаром». В критике его первые оценки были даны известным мордовским фольклористом А. И. Маскаевым, который, опираясь на тезис об отсутствии у мордвы крупных по объему фольклорных поэм эпической типа и якобы присущий и для мокши, и для эрзи преимущественно лишь хоровой способ исполнения произведений народного творчества, категорически отрицал причастность «Сияжара» к фольклорным формам эпоса. «Объемистые произведения в мордовском фольклоре встречаются редко,— писал он.— Поэтому мы решительно отвергаем, не принимаем в расчет романы и поэмы, сочиненные современными поэтами и выдаваемые за фольклорные героические поэмы. Эти стилизованные под фольклор поэмы не только не являются народными, но и противоречат характеру мордовской эпической поэзии»¹. Другие же исследователи, напротив, видели в «Сияжаре» «великолепное творение мордовского народного эпоса», «героическую эпопею огромного исторического звучания»². Сторонники народного происхождения «Сияжара» исходили из положения о том, что народно-эпические сказания — это не просто сумма раз и навсегда застывших в первоначальной форме произведений, а явление, подвергающееся исторической трансформации, и в процессе развития духовной культуры народа, не меняя своей содержательно-исторической сущности, испытывающее воздействие «форм» времени, и «духа» времени. Оппоненты этой точки зрения видят в народном эпосе лишь его как бы «законсервировавшийся» мифологический пласт, произведения о возникновении земли и вселенной, о происхождении человека и его борьбе за овладение богатствами земли, находящимися во власти мифологических сил.

Обращаясь к публикациям о «Сияжаре», невольно обнаруживаешь, что и сторонники и противники его народного происхождения часто ведут споры, глубоко не вникая в само существо понятия «народно-героический эпос». А между тем только обращение непосредственно к художественной, образной структуре и исторической основе «Сияжара» может рассеять многие спорные и противоречивые оценки. К тому же: важно учитывать, что «Сияжар» вовсе не претендует на представление всего многообразия форм народного эпоса мордвы, а является лишь одной из форм исторического бытия фольклора в современных условиях.

¹ Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, с. 37.

² См.: Черепкин Н. И. В братском содружестве. Саранск, 1969, с. 75; Инжеватов И. К. На службе народа. Саранск, 1973, с. 88.

Типологическое и национально-генетическое исследование эпического наследия народов СССР в советской фольклористике пронизано, как известно, идеей о том, что народный эпос, в особенности историко-героический, у всех народов формируется в ходе их этногенеза, в процессе складывания народностей и государств. Именно такие явления и отражает сюжетная основа «Сияжара». Речь в нем идет о сложных процессах консолидации мордовской народности в составе Российского государства, о борьбе мордвы и других народов Поволжья против монголо-татарских завоевателей. Правда, отдельные мотивы и детали радаевского эпоса оказались несколько смещенными во времени, не свободными от прямолинейного воздействия современной художественности. Но это вполне объяснимо, если учесть, что собирателем и интерпретатором древних легенд и преданий явился наш современник, к тому же — член Союза писателей. Но все же даже и это обстоятельство не противоречит глубоко народной основе «Сияжара» как в его содержании, так и в поэтике.

Первые записи фольклорных текстов о Сияжаре были сделаны В. Радаевым еще в начале 30-х годов. Почти за сорок лет им было собрано немало легенд и преданий, бытовавших в мордовских селах Куйбышевской области, а позднее зафиксированных и в мордовских селениях Оренбуржья. По словам уроженцев этих мест, как сообщает один из участников фольклорно-этнографической экспедиции 1958 года, — «Сияжар — это человек-герой, предводитель мордовского народа во время его борьбы против татарских и ногайских орд в XV—XVI веках»¹.

В. К. Радаев свою главную задачу видел в том, чтобы на основе сохранившихся фрагментов и им самим собранного материала представить по возможности шире единые контуры сказаний о Сияжаре. Разумеется, работа над составлением таких произведений зависит от характера имеющихся материалов.

Восстанавливая единый сюжет «Сияжара», В. Радаев исходил из того, что процесс консолидации мордовских племен, начавшийся в IX веке, с началом монголо-татарского нашествия на длительное время приостановился. И лишь позднее, добровольно войдя в состав Российского государства, мордва окончательно сформировалась в народность и навсегда освободилась от ига восточных завоевателей. Этот огромный по своему историческому значению акт, явившийся единственным средством спасения от жестокого феодального гнета Казанского ханства, запечатлелся в мордовском фольклоре как свидетельство уважения к русскому народу. Многие из легенд, сказаний и песен о тяжелом монголо-татарском иге и легли в основу радаевского эпоса «Сияжар» («Три брата», «Дуболго», «Саманька», цикл песен о ногайском полоне и другие произведения мордовского историко-героического фольклора).

¹ К о р с а к о в И. М. Русско-мордовские связи в фольклоре. // Литературная Мордовия. 1960. № 19—20, с. 308—309.

Учитывая опыт предшественников — Э. Лёнрота и Ф. Крейцвальда — в организации и обработке имеющегося материала, В. Радаев опирался прежде всего на их традиции. Так, Лёнрот в «Калевале» использовал многочисленные карело-финские руны в их непосредственно самим народом созданной форме. Составитель лишь творчески переработал и объединил разрозненные истории в одно логическое целое, расширив содержание «Калевалы» за счет других жанровых форм фольклора — лирических песен, заклинаний и т. д.

Задача В. Радаева в организации материала была близка задаче Лёнрота, но вместе с тем она была и значительно сложнее. Взяв за основу имеющиеся материалы о Сияжаре, Радаев вынужден был восполнять «пробелы» песнями и легендами, не имеющими непосредственного отношения к преданиям о Сияжаре, в некоторых случаях вносить отдельные литературные дополнения, как это делал, например, и составитель эстонского «Калевипоэга» Ф. Крейцвальд. Но все это не противоречит характеру эпических сказаний о Сияжаре, их возникновению в период складывания мордвы в народность в условиях борьбы с монголо-татарскими завоевателями. Об этом свидетельствует, например, сама композиционная структура «Сияжара» — отчетливо проведенный через все повествование принцип семейно-генеалогической циклизации сказаний.

Такая особенность «Сияжара» не случайна. Она объясняется двумя причинами. С одной стороны, наличием сильно развитой социально-бытовой традиции в мордовском фольклоре, а с другой — и самим временем складывания сказаний о Сияжаре в период монголо-татарского нашествия, когда особенно острой была необходимость выдвижения в сознании народа, живущего в условиях распада родоплеменных отношений, единого эпического героя-богатыря. В «Сияжаре» все его многообразие и богатое содержание так или иначе связано с эпической биографией центрального героя, которая начинается с изображения взаимоотношений Сияжара с возлюбленной Нуей и кончается их женитьбой, включая в эту рамку сюжетные линии, связанные с судьбами отца Сияжара Дуболго, матери Вармавы, брата Сафара, сестры отца Кемаши и других героев, находящихся в родственных и неродственных связях и участвующих в общей борьбе.

Наряду со сказаниями, непосредственно связанными с Сияжаром, В. Радаев широко использовал и не относящиеся к нему песни, легенды и предания. Так, например, в эпос вошел сюжет исторической песни «Саманька», в которой рассказывается о том, как мордовская девушка во время штурма Казани подсказывает русскому царю идею скорейшего взятия города. Правда, у Радаева эта роль отведена Сияжару (сказ тридцать четвертый). На протяжении всего повествования в эпосе встречаются мотивы и сюжеты мордовских песен о полоне, свадебные, трудовые песни, причитания и другие жанровые разновидности мокшанского и эрзянского фольклора.

Нашли свое место в «Сияжаре» и фольклорные мотивы о русских богатырях Славе и Вольге, на основе свободной интерпретации передающие идейную и сюжетную основу мордовской легенды «Дуболго», в которой рассказывается о том, как русские богатыри помогают мордовским освободить из заточения пленников, захваченных ханом Алаяром. Все эти мотивы и образы в «Сияжаре» подчинены общей идее — показу борьбы мордовского народа за свою независимость вместе с русским народом.

Самоотверженное служение родной земле и народу, непримиримый гнев против чужеземных угнетателей — вот та глубоко народная, патристическая идея, которой проникнуто каждое из тридцати восьми сказаний «Сияжара». Образ главного героя эпоса объединил в себе черты могучего богатыря, соответствующие идеалу героической доблести и физической силы, свойственных персонажам народно-эпических сказаний. Вместе с тем черты идеализированного героя-богатыря в Сияжаре причудливо переплетаются с чертами реального, земного человека. С одной стороны, Сияжар архангел, особенно в описаниях сверхъестественной силы богатыря, его неуязвимости (от тела Сияжара отскакивают мечи и стрелы; выдернув из спины ядовитую стрелу, он тут же обретает прежние силы), а с другой стороны, например, в сценах, рисующих мирный труд мордовских крестьян, их повседневные заботы и обычаи, Сияжар, как и все, — обычный трудолюбивый землепашец и охотник.

Главное в «Сияжаре», как в произведении народного эпоса, — идея защиты родной земли. С особой выразительностью она раскрывается в картинах тяжких сражений и пленения Сияжара (сказы тридцатый, тридцать первый). Прикованный к каменным стенам подземелья, Сияжар олицетворяет потерю народом свободы. В тридцать первом сказе, где передается эта картина, как и во всем эпосе, неизменно звучит надежда на освобождение богатыря, то есть народа, из любой тяжелой ситуации.

Борьба Сияжара против алаяровских войск — напряженная и драматическая. Противники мордовского богатыря особенно опасны, потому что они рассчитывают на обман и коварное предательство, на различные колдовские средства, а у Сияжара, кроме его физической силы, разума и смекалки, нет почти ничего сверхъестественного. К чудодейству своих противников он относится с чувством превосходства, говорит о них с иронией, хотя иной раз и сам использует их же волшебные средства борьбы (на лету ловит стрелы и направляет их в сторону противника). Никакие волшебные силы не могут спасти Алаяра и его богатырей от возмездия.

Примечательной особенностью «Сияжара» является его антирелигиозная направленность. Победа Сияжара над врагами, использующими колдовские средства, — это по существу вызов религии и сверхъестественным силам, логическое их отрицание. И хотя в «Сияжаре» нет непосредственных мотивов богоборчества, таких, например, как в получивших мировое распространение мифах о Прометее, образ прикованного к камен-

ной стене Сияжара по своей идейной и содержательной направленности заключает в себе то прометеевское начало, которое нашло отражение, например, в грузинском героико-мифологическом эпосе об Амирани. Если в сказаниях об Амирани за противоборство богам героя ожидает вечная кара и он, прикованный железными цепями к скале, тянется и не может дотянуться до своего меча, чтобы разрубить им оковы, то ситуация с закованным в цепи Сияжаром заканчивается благополучно: отравленную стрелу из спины мордовского богатыря извлекают русские люди, и этим в произведении символизируется избавление мордвы от вечных мук и страданий. Иначе говоря, в таком реалистическом истолковании мифологического мотива — одна из существенных особенностей «Сияжара».

Дружба и сотрудничество с русским народом в сюжете произведения отражены как важнейшее звено в борьбе против монголо-татарского нашествия. Сияжар не только поддерживает дружеские отношения со Славой и Вольгой, но и активно участвует в организации отрядов из мордвы под предводительством русских воевод и богатырей.

В традиционном духе народно-эпических сказаний в «Сияжаре» разработаны и картины мирной жизни трудолюбивого мордовского народа, изображение его традиций и обычаев семейно-бытовой жизни. Целеустремленный и созидательный труд является главным источником благосостояния жителей Гайрусы, олицетворяющей в произведении образ счастливой мордовской земли, которую защищают от врагов ее богатыри. Прославляя мирную жизнь, эпос показывает огромные тяготы и страдания, которые приносят с собой войны. Мордовские богатыри ценят свободу выше золота и серебра. Главным мерилom нравственной чистоты человека для них является честность и верность долгу. В произведении резко осуждаются измена и переход в лагерь врагов народа. Храбрым патриотам родной земли Сияжару, Бурною, Гамзуру, не щадя своей жизни сражающимся с врагами, в эпосе противопоставлены предатели и изменники Анжай и его сын Андямо, которых ненавидит вся Гайруса и за измену предает самой страшной участи — одиночеству и отлучению от людей.

В свойственных произведениям народно-героического эпоса традициях показываются в «Сияжаре» поединки между мордовскими и ногайскими богатырями. Алаяровские богатыри стараются запугать противников похвалой своей силой и могуществом, что является неизменным условием богатырских поединков в произведениях народного эпоса. Эпизоды же, рисующие картины массовых сражений, обычно заканчиваются бегством врага, сотни из них уничтожаются, остальные сдаются в плен. Такие батальные сцены в «Сияжаре» имеют характер грандиозных сражений, часто встречающихся в произведениях героического эпоса разных народов.

При всей гиперболизации, свойственной «Сияжару» как народно-эпическому повествованию, действия и поступки его героев, образ их мышления, характер и жизненная логика взаимоотношений между собой

остаются в рамках земных реалий. У Сияжара добрые и достойные родители, испытывающие многие превратности судьбы простого человека. В обрисовке Дуболго — отца Сияжара — древние черты эпической традиции проступают более отчетливо. У Дуболго верным другом, помогающим ему в беде, является традиционный для народных эпосов богатырский конь, который, где бы ни оказался хозяин, всегда приходит на его зов. Конь Дуболго способен мчаться сквозь дремучий лес, перепрыгивать через реки и горы. Именно такой конь и должен быть у родителя эпического героя. От всей обрисовки Дуболго веет миром сказочного прошлого, его образ вырастает в символ жизненной мощи народа.

Архаической чертой «Сияжара» можно назвать и наличие в нем мотивов волшебных сказок, например о взаимоотношениях девушки и медведя. Те места эпоса, которые связаны с образом невесты главного героя — Нуи, сохраняют следы темных взглядов мордвы и свидетельствуют о древнем происхождении сказаний такого характера. В поисках Сияжара Нуя очутилась в лесу и, отдыхая на поляне, неожиданно столкнулась с разъяренным медведем, у которого в спине торчала стрела. Девушка оказала помощь медведю, и тот в знак благодарности помог ей выбраться из леса. Переданное в этом эпизоде описание символа жизни — солнца, шествия по земле теплого летнего дня, картины, рисующие образ могучего девственного леса и целомудрие нагого девичьего тела, выражают в эпосе единство человека и природы, создают зримые образы древне-эпического мирозерцания мордвы. Все это еще раз свидетельствует о том, что в «Сияжаре» главную, ведущую роль играют прежде всего мотивы и образы, созданные самим народом. Своеобразному героическому миру «Сияжара» присуща и не противоречащая народному эпосу поэтика. Для него характерны динамичное повествование, спокойный тон и плавное течение изображаемых событий. Подобные описания, традиционно-фольклорные повторы и перечисления, обилие картин и сцен, повествующих о грандиозных сражениях, — все это создает монументально-эпический стиль произведения, придает ему подлинно народный характер.

Говоря о поэтике «Сияжара», важно еще раз подчеркнуть своеобразие образов богатырей. Как известно, в фольклористике существует представление, согласно которому в устном народном творчестве заложена общая структура внутреннего психологического мира народа, определяемого не только социальными условиями, но и географическими и климатическими факторами. Так, например, характером горной природы у народов Закавказья во многом определяется и повышенный гиперболизм армянского, азербайджанского и грузинского эпосов. В «Давиде Сасунском», «Кероглы» и эпосе об Амирани в действиях богатырей преобладают мотивы гиперболизированного драматизма и трагизма, ибо сам образ жизни закавказских народов всегда был связан с повышенными трудностями и опасностями.

У народов Поволжья, где географические и климатические условия, хозяйственно-экономические и бытовые занятия совсем иные, в большей мере связанные с сельскохозяйственным трудом и охотой, богатырские мотивы эпоса имеют более земной характер. Тенденция гиперболизированного трагизма и героических подвигов в мордовском эпосе представлена в гораздо меньшей мере. Как народ сельскохозяйственный, мордва в действиях своих богатырей зафиксировала прежде всего явления, события и факты, которые характерны для повседневных забот социально-бытовой жизни земледельца. Иначе говоря, поэтическое воображение у мордвина более умеренно и более реалистично, чем, например, у грузина. Возможно, поэтому своеобразием богатырства в мордовском народном эпосе является некоторое «ослабление» и «снижение» мотивов мистического трагизма, так характерного для закавказских народов. Особый интерес к быту, к миру конкретных явлений повседневной жизни в «Сияжаре» является, таким образом, свойством генетического характера.

Глубоко демократическая сущность «Сияжара», содержащиеся в нем мотивы борьбы против угнетения и несправедливости, свойственный ему дух жизнелюбия, бодрости и отваги делают это сказание близким советским людям. Как форма выражения общественного сознания, мордовский народно-героический эпос не просто лишь художественно отражал общественное бытие среднеповолжских народов, в частности процесс их национальной консолидации в составе Российского государства, но и оказывал положительное воздействие на этот процесс, так как по-своему пропагандировал идею единения малых наций и народностей Поволжья с русским и другими народами.

Таким образом, легенды и предания о Сияжаре, собранные и литературно обработанные В. Радаевым как одно произведение мордовского историко-героического эпоса, еще раз подтверждают положение о том, что социализм создает благоприятные условия для восстановления древнеэпических сказаний, которые у многих народов в пору капитализма были обречены на забвение. Это своеобразное «возрождение» древнего эпоса в литературе XX века объясняется, с одной стороны, характером художественных исканий современной эпохи, стремлением связать представление о героическом с понятием исторического оптимизма советских народов, а с другой — возросшим интересом деятелей национальной духовной культуры к выявлению в фольклорном наследии народов нашей страны тех фактов и явлений, которые свидетельствуют об их участии в исторических судьбах Российского централизованного государства.

Андрей Алешкин

СКАЗ ПЕРВЫЙ

Молод Сияжар, силен и крепок,
Он любил охоту на медведя,
С хитрых лис, с волков снимал он шкуры.
Исходил леса охотник-парень,
Исходил овраги и долины,
Побывал в местах непроходимых,
Где играют белки и куницы,
Где кипят озера жирной рыбой,
Где танцуют журавли-красавки,
Где гусей и уток перелеты...
Раз добрался до раздольной Волги,
На земле ногайской очутился,
И в лесу густом, прибрежном, темном
Он увидел девушку неожиданно!
Перед ним — с лица заря сияла,
Звезды удивленные глядели,
В волосах ночь темная дрожала,
Через плечи косами струилась,
Звоном золотых монет звенела.
Ах, лицо у девушки грусмено,
Щеки-ягодки слезой омыты,
А в глазах испуг, застыв, таится,
Как у осторожной певчей птички.
Сияжар окаменел на месте,
Наблюдал из-за сосны за нею.
Сила красоты околдовала
Силу мощного мужского шага,
Силу мощных рук и силу сердца.
Он и слова вымолвить не может,
Напугать ее, должно, боится,
Невзначай красу заставить вздрогнуть.
Он хотел тихонько, незаметно
Ускользнуть между деревьев толстых,
Все ж, как столб, стоял вблизи поляны
И не двигался, не знал что делать...

Вдруг послышался недалний топот,
Верховых с десяток показалось,
Кони шумно, тяжело дышали...
— Вот она где! — всадники вскричали,
Девушку завидев на поляне, —
Вишь, куда бежала от отца-то...
Ах, бесстыдница! — ругаться стали. —
Твой отец добра тебе желает,
А ты прятаться... от счастья бегать...
Ну, домой! Айда сейчас же с нами!
— Убирайтесь вы отсюда, злыдни! —
Закричала девушка. — Отец мой
Душегуб, и не отец мне больше!..
Лучше я умру в лесу, погибну,
А назад к злодею не пойду я... —
Кинулась она бежать, но сразу
Всадники ей путь загородили,
Трое спешились. Она метнулась
В сторону и встала перед ними,
Нож в руке сверкнул, огня острее,
А глаза острее ножа сверкнули.
— Только подойдите! Плохо будет! —
Угрожающе заговорила. —
Я решу и вас и свое сердце! —
Но один коварно изловчился,
По руке ударил — нож и выпал.
И ее схватили, завернули
В кожу белую, запеленали,
Чтобы увезти на конском крупе.
Девушка кричала, вырывалась,
Плакала и отбивалась горько,
Помощи просила у аллаха...
И тогда-то голос Сияжара
На весь лес, как гром, раздался, так что
Рядом вяз столетний раскололся.
— Эй, вы! От нее все отойдите!
Прочь! — И он ступил на край поляны.
И насильники остановились
И замешкались на мгновенье,
Опустили девушку на землю.
И один из них на Сияжара
Посмотрел насмешливо и косо:
— Это кто такой? Откуда взялся?
А, видать, здесь место ихней встречи,

Потому она тут и скрывалась.
На коня ее! Скорей! Немедля!

Сияжар метнулся к ним свирепо,
Одного отбросил с маху к дубу,
Тот хребтом о ствол — и растянулся.
Но с коней другие посигали
И пошли на Сияжара скопом.
Зашумела, затрещала драка,
Кулаки аж, как цепи, летают.
Сияжар силен, но и злодеи,
Много их, они не лыком шиты.
Одного эрзянский парень стукнет,
Глядь, другой остервенело лезет,
Свалит бешеного — третий сбоку,
Третьего отбросит — прет четвертый,
Как-нибудь, наотмашь иль с размаху,
Угостить стремится Сияжара.

Сияжар настороженно бьется,
Держит недругов на расстоянии.
Бросили аркан на Сияжара,
Как удавом охватили тело.
Он напрягся и порвал веревку.
Смотрит — вынули они кинжалы,
И ножи кривые заиграли...
Длинный нож и у него имелся,
Нож — острее языка зарницы,
Он ходил с ним смело на медведя.
Но, с одним ножом, — что можно сделать,
Если супротив людская стая?
Выдернул сосну оглобли толще...
Размахнулся Сияжар — и вихрем
Яростно лесина загудела
И пошла, пошла летать по кругу;
Как заденет — так и стон раздастся,
То один — с ногою перебитой,
То другой — с разбитой головою
Падает плашмя в траву густую.
Те, что увернулись от лесины,
В страхе на коней своих вскочили
И скорее наутек — и скрылись...
Выбитые махом Сияжара
Острые ножи в траве зеленой,

Отливая синевой, мерцали.
Раненые злобные душманы
Охали, стонали, проклинали...
Сияжар им приказал убраться —
И одни ползли на четвереньках,
А другие еле шли, хромая,
К лошадям, привязанным к деревьям.
Сияжар, как подобает храбрым,
Сжалился и сесть помог им в седла.
И когда копытный стук истаял,
Из-за елочки тихонько вышла
Раскрасавица — причина драки,
Поклонилась низко Сияжару
И сказала: — Молодец, спасибо! —
Сияжар застенчиво и молча
Перед девушкой стоял, и руки
Как-то неожиданно ослабли,
И глазам глядеть неловко стало.
Он потупился, разгоряченный
Только что закончившейся дракой,
Поднял нож ногойский, что валялся
В спутанной траве перед ногами,
И, на красоту украдкой глядя,
Нож за острие держа, промолвил:
— Я-то думал, что ты убежала...—
Было невдомек ему, что вскоре
После нападения душманов,
После — как пошла косить кругами
Пущенная в дело им лесина,
Девушка себя распеленала,
Отползла от пут, от кожи белой,
В заросли кустов, за край поляны,
И, дрожащая, там затаилась...
И теперь она опять сияла
Перед его сердцем и глазами,
Перед его яростным дыханьем,
Перед юным робким удивленьем.
Подошла поближе и зарделась
И, зардевшись, мило прошептала:
— Кто ты и откуда — я не знаю,
Как тебя зовут, храбрец,— не знаю,
Только доброта твоя видна мне,
И, как солнце, душу твою чую,
Свет ее, и мужество, и силу,

И порыв — горячность благородства.
Ты же спас меня, ты спас от горя,
Спас от слез и тяжких унижений,
Спас, как птицу, от смертельной клетки...
Мой отец поладил выдать замуж,
Выдать меня замуж за седого,
Злого и немилого мне старца,
Продает за золото меня он...
Продает... Я из дому бежала,
Я бежала в страшный лес навеки,
Я хотела умереть сегодня...
Как же я за старика-то выйду,
Если полюбила молодого,
Молодого парня золотого...
Если я люблю, его забыть ли?
Пусть погубит смерть мой век девичий,
Пусть глаза мои закроет тьмою,
Пусть же сердце перестанет биться
И в земле несчастное истлеет.

Сияжар, растерян молчавший,
Думал — и не мог никак придумать,
Чем утешить, как же успокоить
Девушку, которая кого-то
До самозабвения любила,
Девушку, что перед ним ладонью
С милого лица, прекрасней чуда,
Хлынувшие слезы отирала.
— Буду я тебе сестрой названной,
Имя мое — Зара. Стань мне братом!
Стань мне братом, добрый мой спаситель...
Как тебя зовут? — она спросила.
— Сияжаром, — он ответил тихо...
И красавица ему на плечи,
Улыбнувшись, руки положила,
Встав на цыпочки, поцеловала.
— Брат названный, что теперь нам делать?
Я боюсь, они вернуться могут... —
Сияжар нахмурился тревожно,
За руку взял Зару: — Остаться
Здесь в лесу, сестра, опасно очень... —
И вдвоем они между деревьев
По звериным тропкам побежали
К озеру, где в луговой лощине

Конь пастись оставлен Сияжаром.
Скоро их догнал отряд огромный,
Всадники бегущих окружили,
И казалось, что деревьев меньше,
Чем неисчислимых пик сверкало.
Что же делать им? Как быть? И Зара
Сникла и заплакала, прижалась
К названному братом Сияжару.
Грызло ее душу беспокойство:
Как бы с ним беды не приключилось...
Все она, она всему виною,—
Зара думала, себя корила...
А вокруг, как частокол,— всё пики,
Плотно стали — пальца не просунешь,
Даже ветру сквозь не просочиться.
Беглецы назад — а сзади сабли,
Вправо побегут — стоят душманы,
Влево кинутся — кричат злодеи.
Сияжар смекнул — не минет боя,
Он в петле опасности,— и снова
Выдернул сосну, затем вторую,
С Зарой вышел рядом на поляну,
Крикнул, чтобы слышали душманы:
— Всех, кто подойдет,— отправлю к богу,
Им домой к родным не возвратиться.
Девушку оставьте... Не замайте!
Лучше с миром по домам ступайте,
Попусту я сосен не ломаю!..
— Добрый молодец! — окликнул кто-то
Из-за дерева, старшой, должно быть.—
Милый парень ты. Зачем нам биться?
Мы и на словах раздор уладим,
Головы и наши не пустые.
У тебя, видать, губа не дура,
Меду-то она не прочь отведать.
На красавицу глаза уставил!
Краше Зары, парень, в целом свете
Ни за что не сыщешь, мы уж знаем.
Да и ты, что говорить, отважен,
Ум твой остр, и силу не похаешь,
Может, под светящимся-то солнцем
Храбреца такого не найдется...
Так зачем же поступать лукаво,
Зару увозить к себе украдкой?

А не лучше ли к отцу поехать,
А не лучше ль, парень, честь по чести,
По душам поговорить с ним, здраво?
Алаяр, наш повелитель, славен,
И велик, и храбрых уважает.
Коль поклонись ему — и Зару
Замуж выдаст за тебя охотно...

Сияжар смекнул, что фальшь таится
В шелковой, но ядовитой лести,
И душману напрямик ответил:
— Стелешь мягко, спать-то будет жестко...
Хочешь провести, друг, на мякине?
Выдумка твоя смешна, ногаец,
Истина неожиданнее... Ведь Зара
Замуж за меня не собиралась.
Я сюда охотиться приехал...
Кто она — и слыхом не слыхал я,
Ныне здесь, в густом лесу, впервые
Девушку случайно я увидел
Перед тем, как на нее напали...
Потому-то Заре и помог я,
Потому злодеев и рассеял!
— Так мы и поверили, охотник
На чужих невест. Ты лжешь умело.
Ишь орел нашелся поднебесный!.. —
И старшой ехидно улыбнулся,
А другие люто засмеялись.
— А поехать с нами все ж придется, —
Говорил ногаец Сияжару, —
Дочь любимую наш повелитель,
Может быть, и в самом деле выдаст
За тебя... Ну, тронемся, пожалуй!
Если не добром — так на аркане
Все равно доставим к Алаяру.
Нас тут много съехалось, охотник,
Силачей — и всех не пересилишь... —
Долго спорили и препирались
Мирный богатырь, эрзянский парень,
С посланцами злого Алаяра.
Сияжар обвел поляну взглядом:
Сколько их кишело за ветвями!
Как от них избавиться, поганных?
Он один бы — вырвался отсюда,

Он бы дал им бой... Но — Зара, Зара...
Сохранит ли он ее, кто знает...
В перепалке всякое бывает.
Биться — нет! В несчастье не оставит
Он сестру названую, он должен
Алаяра видеть непременно,
Перемолвиться... И он решился —
Побывать в его дому на Волге.
Зарыдала Зара, застонала:
— Ничего не выговоришь там ты,
Ничего не будет, кроме смерти!..—
Сияжар кивнул, мигнул утешно,
Ей в глаза заплаканные глянул
И промолвил: — Жизнь — всегда волшебник...—
И у Зары отлегло от сердца.
Подвели коней к ним. Сели в седла.
И поехали — кругом охрана.

СКАЗ ВТОРОЙ

Волга. Лес дремучий. У опушки
Дом на берегу — и хмур и мрачен,
Частоколом острым обнесенный.
Тут дубовые ворота — крепки,
Тут кленовые все двери — глухи,
Кованым обитые железом,
А на них надежные запоры,—
И семи чертям не отпереть их.
Ров с водой широкий вокруг дома,
Ров глубок, вода черна, как бездна.
В этот дом душе не достучаться,
В нем родитель Зары обитает,
Знаменитый Алаяр жестокий.
Вот сюда по узкому мосточку,
Перекинутому тонкой стежкой
Через ров с зацветшею водою,
Зару с Сияжаром проводили.
Шли они — и открывались двери
Тихо, по невидимому знаку.
Шли они, своих шагов не слыша,—
По полу медвежьей шкуры стлались...
В горнице одной остановились,
В горнице, увешанной оружием,
Стены пахли теплою сосною,
А в углу на возвышенье пестром,
На подушках, сложенных высоко,
Покрывалом шелковым накрытых,
Свирепеющий старик качался,
Злой-презлой, с козлиною бородкой,
Темный ликом, толстый и смердящий,
Как кадушка из-под солонины.
Сияжар глядел на Алаяра
Удивленно, добродушно, смело,
Зара твердо рядом с ним стояла,
Ненависть в ее глазах светилась.
И старшой отряда, что привел их,

Поклонился толстому владыке,
Ухмыльнулся и сказал такое:
— Посмотри, великий повелитель,
Вот какого зятя, повелитель,
Дочь тебе подобрала, скитаясь;
И не потому ли против воли
Своего отца она восстала,
И не потому ли в лес бежала
Супротив желания кормильца,
И скрывалась, чтоб не выйти замуж
За того, кому предназначалась... —
Щеки затряслись у Алаяра,
Гневно стали прыгать бородавки,
Зеленью зажглись глаза владыки,
Замерцали жгучими огнями,
Иглами ежа его борода
Вздыбилась, и заскрипели зубы.
Он, дрожа, взял золотую саблю,
По-козлиному с подушек спрыгнул
На пол, прямо на медвежьи шкуры.
Он слюною брызгал, сквернословил,
Широченными трясся штанами.
Р-раз! — и сабля над эрзянским парнем...
Думал: пополам его разрубит —
Сабля на три части разломилась.
Ни следа на теле Сияжара!

Вытарашил Алаяр глазищи,
Будто два яйца утиных, будто
Выскочат они вот-вот, казалось;
Медленно попятился к постели,
Сел, и вдруг за пику ухватился,
Со стены сорвал, привстал, ударил —
И она, как молния, сломалась.
Ни следа на теле Сияжара!
Тут-то Алаяр и улыбнулся,
Вероятно, за всю жизнь впервые.
Крикнул во всю мочь — и сразу
Верные богатыри сошлись.
Все сильнее сильного входили:
Первый, словно дуб столетний, кряжист,
И второй, как дуб, еще мощнее,
Третий был сутул, с медведем схожий,
А четвертый — еле в дверь пролазил.

И у каждого — кривая сабля,
А на поясе блестят кинжалы.

Алаяр стоял, ошеломленный
Неожиданною неудачей
(Гнева дождь со щек, дрожа, катился),
Показал рукой на Сияжара:
Мол, взгляните, силачи, на парня,
Мол, попробуйте его силенку.
— Начинай, Тархан, — сказал владыка, —
Ну-кось, как блоху... — и ноготь к ногтю
Алаяр прижал, слегка осклабясь.
И Тархан неспешно к Сияжару
Подошел, но Зара между ними
Встала и загородила парня.
Алаяр к ней подскочил — и тут же,
За руку схватив, ее отбросил.

Ухмыльнулся богатырь ногайский,
Оказавшись против Сияжара.
У Тархана в сердце недовольство
Шевельнулось: — Князь великий, право,
Стоит ли с таким юнцом возиться,
Грех один... Лишь душу замараешь... —
И тогда, дыша натужно, хрипло,
Алаяр всем показал обломки
Сабли золотой и острой пики,
Что валялись на полу на шкурах.
Слуги ахнули от удивленья!
Силачи все помнили и знали,
Как рубила золотая сабля,
Как пронзала огненная пика,
Сколько крови пролил повелитель,
Сколько жизней загубил невинных,
С хитростью оружием владея.
А Тархана любопытство брало.
Он прищурился: загадка-парень...
— Чей ты сын? — спросил он Сияжара. —
Для кого копать могилу будем?
— Сын отца честнейшего из честных.
А кого земля сырая примет,
Нагадать сорока не успела.
— У-ух! — захмыкал Алаяр злорадно.
— Эх какой! — Тархан заулыбался,

Отстегнул свою кривую саблю
И в углу поставил вместе с пикой,
Вынул из-за пояса кинжалы,
Положил тихонько в тот же угол;
Тронул пояс кожаный на чреслах
И кивнул: — Поборемся, приятель! —
Был в борьбе на поясах он мастер,
Сколько положил он на лопатки,
Сам к земле никем прижатым не был,
Не нашлось пока борца сильнее
Вплоть до моря по всему Поволжью.
Был Тархан честолюбив, тщеславен,
Чуял сладкий миг, когда он ловко
Перед повелителем великим
Хрястнет, сплющит этого пришельца,
Так, чтобы ребро с ребром сошлось.
— Может, имя назовешь, упрямец? —
Богатырь Тархан не унимался.—
Посмотри, как сноп, я подпоясан,
Сила хлебная во мне играет...—
Сияжар прищурился: — Да, вижу...
Сноп-то обмолоченный — солома.—
Как схватили жилистые руки
Кожаные пояса на чреслах,
Как уперлись,— двое друг во друга,
Растопырясь,— и пошла потеха.
Пробовал сперва Тархан пришельца:
Вправо тронул — и не сдвинул с места,
Влево тронул — тот не пошатнулся,
Приподнять хотел — не тут-то было.
Ой, как крепки ноги Сияжара,
Будто бы пустили корни в землю!
А потом и Сияжар напрягся,—
Хоть хвастливым слыл его противник.
Все-таки Тархан, непобедимый!
Молод Сияжар, а все ж ухватист,
Изловчился, сжал Тархана крепко,
Вправо двинул — оторвал от пола,
И его длиннющими ногами
Сбил стоявших близко двух ногайцев.
А как влево он махнул, так трое
Брякнулись, задетые ногами.
Алаяр скакнул через подушки,
Спрятался с испуга за постелью

И выглядывал оттуда хорем.
Сияжар под потолок Тархана
Вскинул, как намокшую онучу,
И торчком швырнул в постель владыки...
Сияжар на поединок вызвал
Силачей других, те отказались,
С ним никто не пожелал тягаться
И скорей во двор из дома вышли.
И тогда второй раз за день — криво
Алаяр хитрющий улыбнулся.
Что-то старый плут опять замыслил...
Вскоре снова силачей хозяин
В горницу позвал сердито, снова
Расшумелись вороньем ногойцы,
Ахали, аллаха вспоминали.
Спорили ногойцы и кричали,
А о чем спор — Сияжар не понял.
Он заметил плачущую Зару
У окна, поникшую березкой,
Подойти хотел... Но, окруженный
Недругами стихшими, услышал
Голос Алаяра: — Ну, пришелец,
Признаю душой — ты самый сильный!
Знаешь, я хочу, чтоб ты увидел
Во дворе моем большое чудо... —
И препроводили Сияжара
Очень вежливо и дружелюбно
В каменный сарай... И вдруг закрыли
Дверь, засов железный лязгнул.
Что такое? Поднимались стены
Трехсаженные, смердило тленом,
Вместо крыши голубело небо
Высо-о-ко. Впрямь каменная яма.
Сияжар осматривался долго,
Дверь другая виделась напротив,
Странная, скорей на щит похожа.
На полу обглоданные кости,
На стенах крутых на клювах крючьев
Черепя рассажены людские.
Сияжара холодом обдало,
В пот ударило, зашевелились
Волосы на голове от страха.
Прошептал: — Смертельная ловушка,
Ты умрешь, сын Дуболго, здесь в этом

Каменном узилище душмана,
И зверье твое изложет кости...—
Но — букет цветов лесных мерцавших
Перед ним упал неожиданно наземь.
Смотрит — а в цветах прелестных спрятан
Нож его, с которым на медведей
Он охотился в лесах, как с другом.
Поднял взгляд, а на стене — высоко —
Плакала, рукой махала Зара...
Но она исчезла, как виденье,
И на ее месте появился
Алаяр с ногайцами своими.
— Как, силач, тут не с кем потягаться?
Как знать, может, кое-кто найдется...
Чей ты сын, ты и теперь не скажешь?
Мы б родне твой череп отослали!..—
Так над ним ногайцы изгилялись,
Рожи корчили, кривлялись, ржали,
Пальцами показывали — вот он!
Сияжар увидел, что напротив
Дверь, как щит, приподниматься стала,
Холодно скрипя, — и три медведя,
Три продолговатых бурых зверя
В сумрачном проеме показались.
Их, огромных, с лошадь ростом, долго,
Вероятно, голодом морили.
Рявкая и разевая пасти,
Бешено пошли все к Сияжару.
Но раздался свист, аж показалось
На стенах стоящим, — промелькнула
Молния внизу меж Сияжаром
И зверьем, идущим на героя.
Сверху видно было, как медведи
Близко подбежали к человеку
И остановились, присмирели,
Как перед хозяином, и рев их
Оглушительный укоротился.
Старый Алаяр ждал казни парня,
Стоя на стене, млея от восторга,
От звериной радости, и руки
Складывал молитвенно, сгибался...
Что-то непонятное творилось.
Алаяр в гром превратился мигом,
Топал кривоватыми ногами,

Выпучив глаза, кричал, ругался,
Проклинал зверей, кипел, плевался,
Приказал наверх доставить камни,
Чтоб метать, чтоб ими бить медведей,
Разъярить и натравить на парня.
Стали сверху делиться душманы,
И от первого же попадания
Взрывы рева покачнули небо...
Молод Сияжар, да ум догадлив,—
Пожалел он, как друзей, медведей.
Чтобы косолапых не убили,
Он ловил летящие вниз камни,
В сторону отбрасывая быстро.
Еще пуще Алаяр взбесился,
Все нутро от злобы полыхало,
Бегал по стене остервенело.
— Жертву человеческую надо! —
Голосом охрипшим закричал он.—
Жертву, жертву! Поскорее жертву,
Чтоб медведей кровью раззадорить!
Сбросьте вниз Урума с Багульмою,
Эти слуги недовольны мною,
Ясно по их мордам — осуждают.
Им не по нутру мои деянья,
Эти недостойные собаки
Чтить хозяина не научились,
Пусть идут медведям на съеденье!

Слуг схватили. Первого швырнули.
Сияжар успел подставить руки,
На лету смягчил его паденье,
А второй ударился о зверя.
Взрывы рева... И пришлось бы туго
Багульме, но Сияжар так свистнул,
Ажно стены дрогнули от свиста,
И медведь отковылял от жертвы.
Алаяр притих, не понимая,
Что же, в самом деле, происходит.
Он себе, как еж, бормочет под нос,
Ноздри тихо-тихо шевелятся,
А глаза уставились в пространство
И, как без воды ковши, померкли.
Он ослаб, не понимая тайны,
Что его желанья пресекала,

Что его истачивала душу,
Что яр-сердце пуще распалало.
Нет, он должен все-таки дознаться,
Кто же, кто — пришелец бесшабашный,
Из каких же мест бесстрашный парень.
Почему медведи приутихли?
Может, за него и вправду Зару
Выдать замуж? Зять строптивый будет...
А богат он? Золото имеет?
Как нарыв, его томила тайна.
Уморился, видимо, владыка,
Мысль в башке, ослепшая от злобы,
Будто рыба в неводе, скакала.
Он с Тарханом кратко пошептался,
Что-то буркнул силачам молчавшим
И по лестнице спустился наземь.
Тотчас двери западни-сарая,
Будто рты голодные, раскрылись.
В дверь одну ушли, рыча, медведи,
В тот загон, где бросили им мясо,
Сияжар направился в другую —
Вместе с Багульмою и Урумом.

Опосля потешной неудачи
Старый Алаяр сел на подушки,
Пригласил радушно Сияжара
В горницу большую для беседы,
Вызвал многознающего старца,
Проницательного в разговоре,
Дабы самому не осрамиться,
Вспыльчивостью дела не испортить.
Многознающий мудрец бродячий
Толмачом служил и звездочетом,
Он же толкователь сновидений
И советник по любовной части.
Говорят, распутывал загадки,
Знал обычаи народов многих,
Говорят, все исходил дороги,
Был в земных опасных закоулках —
И не сдох, не протянул черт ноги!

Сел мудрейший с Алаяром рядом,
Головой кивнув на Сияжара,
Что-то стал нашептывать владыке.

Оба почесали поясницы,
Поскребли задумчиво затылки.
Наконец мудрейший из мудрейших,
Бороду поворошив седую,
Приступил к расспросу Сияжара
Дребезжащим голосом козлиным.
— Ты скажи, куда идешь, откуда?
Не скрывай, зачем на нашу землю
Занесло тебя. Чей родом, кто ты?
— Из присурского села пришел к вам,—
Начал Сияжар спокойно, внятно.—
Так случилось, что мои медведи,
Я которых пестовал три года,
В эту — вашу — местность убежали,
Их и догонял... А среди леса
Встретил Зару. На нее напали
Чистые злодеи, слуги ваши.
Зара плакала и убивалась
Оттого, что ее замуж силой
Выдать собрались за старикашку...—
Многознающий, приникши к уху
Алаяра, рассуждал о чем-то,
А потом и мудрецу владыка
Нашептал свои соображенья.
И мудрец, под зад подушку сунув,
Речь повел возвышенно, степенно:
— Умный Алаяр, наш князь великий,
Так сказал: «Он смел, он мне по нраву,
Сила парня ко двору пришлась бы,
Дочь свою я за него бы выдал,
Только пусть останется служить мне,
Зятем исполнительным пусть будет,
И властителя земель мордовских
Дуболго ко мне живым притащит.
Дуболго мне на Сурские земли
Бешено загородил дорогу,
В Гайрису — в свой город — не пускает,
Девушек показывать не хочет,
Не дает в Суре ловить нам рыбку,
Из лесов мордовских хворостинки
Уволочь — и то не разрешает...»
— Я сын Дуболго! С ума сошли вы!
Сияжар — я! — крикнул собеседник.—
Привести отца ногойцам в рабство?..

Ишь каким вы умыслом томимы —
Захватить отца... Да только суньтесь —
И своих голов не соберете...—
Сияжар со стен снял саблю с пикой,
Длинный нож за поясом поправил,
Дверь открыл... А там, за дверью, — Зара,
Вся в жару волнения и страха.
Он ее взял за руку и резко
Прямо обратился к Алаяру:
— Дочь просватать вздумал ты за старца?
Зара полюбила молодого!
Раз ее понять не захотели.
Что ж, она уйдет со мной. Прощайте! —
Дверь захлопнулась. Владыка крикнул:
— Стойте, стойте! — и с постели прыгнул,
Бросился к стене — ан нету сабли,
Бросился к другой — ан нету пики.
Мудрецу затрещину дал с маху,
Приказал: беги, верни, скажи им,
Что готов исполнить просьбу дочери,
Что ее за старика не выдам...

Многознающий вернулся с ними.
Алаяр с лица переменился,
Успокоился, смотрел светлее,
Но в его башке, как в преисподней,
Занялись злокозненные мысли.
С Алаяром снова пошептавшись,
Медленно заговорил мудрейший,
Вкрадчиво, улыбочиво и льстиво:
— Добрый молодец, прошу, послушай,
Положи мои слова на сердце,
Ты умен, силен и благороден,
Если любишь Зару, так зачем же
Ты ее родителя печалишь?
За тебя добром он дочку выдаст,
Самого подарками осыплет.
А куда ты девушку увел бы
Без напутствия отца и даже
Без святой молитвы материнской?
Ты подверг бы и себя и Зару
Гневу вечному — огню аллаха.
Нашему великому владыке
Твой поступок был бы неприятен.

Молодец, наш князь отходчив сердцем,
Огорчать людей, поверь, не любит,
Он ведь и с тобой расстаться грубо
Не желает. В Гайрусу родную
Поезжай и позови отца ты,
Пусть к нам Дуболго придет сватом,
По-хорошему устроим сговор,
По-счастливому сыграем свадьбу.
И ты будешь, Сияжар, любимым,
Несравненным зятем Алаяра.

— Что болтать все об одном и том же? —
Сияжар в сердцах ему ответил. —
Я сказал, что есть жених у Зары,
Парень тот ей по сердцу пришелся...
Незачем навязывать другого!
— Кто он, этот парень? — домогался
Высушенный мудростью старейший. —
Ты отцу ее, быть может, скажешь?
— Я с ним не встречался. Верьте Заре.
— Сияжар, ты юн, — мудрец заметил, —
И вселенского лукавства женщин
Не постиг еще, я это понял.
Верить женщине — принять страданье.
— Да, я молод. — Сияжар смутился. —
Лаской девичьей еще не пытан...
Но зато мне хорошо известно,
Что вралі в других себе подобных
Ищут, упиваются неправдой.
Верить женщине — пресечь страданье!.. —
Покачал башкой дотошный старец.
— Молодец, аллах тебе, я вижу,
Прицепил язык длины опасной...
Ну, тогда назвать попросим Зару
Имя полюбившегося парня.
Ждет от дочери отец словечка...
Честное признание — и сразу
Будем думать о веселой свадьбе. —
Зара смеркла, как грозой ушибло,
Долго слово вымолвить не смела.
Знала их давно, жестоких, алчных,
Никогда они, и перед богом,
Правды никому не говорили.
Глядя в их притворные личины,

И отцу и мудрецу сказала:
— Нет, не назову. Я вам не верю.—
Алаяр с мудрейшим взяли трубки,
Табаком набили, закурили,
Перекинулись словами глухо,
И наемник продолжал, как прежде:
— Прозорлив наш Алаяр великий,
Видит, как вы любите друг друга.
Он велел мне сообщить решение.
Вот его родительская дума:
«Ах, напрасно прямо не сказали,
Ах, напрасно вы любовь скрывали,
Вас никто разъединять не стал бы,
И теперь нет в помыслах такого...
Зять мой будущий, моя опора,
Поезжай-ка в Гайрусу скорее,
Доброго-предоброго к застолью
Привози-ка Дуболго с собою,
По-счастливому сыграем свадьбу
И роднею неразлучной станем...» —
На свирепом лике Алаяра
Расплылась медовая улыбка,
Сияжара подозвал поближе,
И язык его стал мягче шелка,
По спине ширококостной парня
Он похлопал твердою ладонью.
— Зара не ошиблась, выбирая
Будущего мужа, а мне зятя.
На приданое не поскуплюсь я! —
Это раздражило Сияжара,
Он готов был возразить владыке,
Он готов был разъяснить ошибку,
Что, мол, он тут ни при чем, что Зара...
Но, взглянув на девушку, осекся.
Сдвинув бровь, она ему мигнула.
Палец поднесла к губам... Он понял.
И сын Дуболго благоговейно
Алаяру низко поклонился,
Попрощался с Зарой — очи в очи,
На Суру стал собираться быстро,
В Гайрусу богатую, родную.
Сел на скакуна саврасой масти,
Мудрецу насмешливо кивая.
Распахнулись тяжкие ворота,

И ударили копыта гулко...
Старый Алаяр, когда стемнело,
Ласково, великодушно Зару
В нупаль¹ проводил, был добрым-добрым,
В лоб поцеловал на сон грядущий,
Вышел, дверь семью замками запер,
Бормоча, как еж колючий, под нос:
— Ста чертям не вырвать дочь отсюда,
Завтра же просватаю Азгару.
Он богат, он золото имеет...
Дуболго прискачет — обезглавлю!

¹ Нупаль — светлица.

СКАЗ ТРЕТИЙ

Алаяр лег вечером спокойно,
Утро встретил очень хлопотливо.
Он едва успел одеться,— слуги
Доложили о приезде гостя,
Уважаемого им Азгара.
Весело они за стол сажались,
От питья и яства раскраснелись,
И потом на пышные подушки
Важно возлегли для разговора.
Гость седые усики пошаркал,
Без обиняков беседу начал.
— Все о том же я, мой князь великий,
За меня когда же выдашь Зару?
Что ты требуешь за дочь — готово!
Серебро и золото — готово!
Скакуны прекрасные — готовы!
Если же тебе нужна охрана,
Если воины необходимы,
То считай своим все мое войско!
Если обессилеешь с годами,—
Как отца родного, обихожу.
— А твои-то губы сладость любят,—
Алаяр, прищурившись, ответил.—
Понимаешь, что, когда помру я,
Все богатство, нажитое тестем,
Все равно должно достаться зятю.
Впрочем, я не беспокоюсь... Зару
Мы сейчас просватаем... Согласья
Пусть аллах вам на всю жизнь дарует!
Малость потерпи, схожу за нею.—
И владыка дома покатился
В нупаль, как клубок. Оттуда
Прибежал он будто зачумленный.
Заорал сердито что есть духу:
— Вот змея! Она опять сбежала!

Лучше б сто чертей ее, паскуду,
Жгли в аду, полосовали плетью.
Дочь проклятая! Азгар, поди-ка.
Погляди-ка на мое несчастье.

В нупале такое перед ними:
Двери вышиблены с косяками,
И с пробоями, с замками — напроць,
В сторону отброшены, как вихрем,
Угол каменной стены обрушен.
— Что это? — Азгар развел руками.—
Гром ударил в девичье жилище?
Зара-то жива? Куда же делась?
— Знаем этот гром, вчера здесь был он.—
Алаяр с тоскою злой поведал.—
Лучших силачей моих могучих,
Как гнилые раскидал колоды.
Голодом моренные медведи
На него не кинулись, не смели.
Дунет на тебя — ты, как пушинка,
Отлетаешь. Просто сила бога!
Это он увел, собака, Зару,
Сияжар, сын Дуболго, эрзянин.
Черт принес с земли Сурской громилу.

Алаяр с Азгаром возвратились
За веселый стол весьма уныло.
— Я не знаю даже, что и думать,—
Начал гость печальные упреки.—
Ты меня обманываешь, вижу,
Дураком считаешь, водишь за нос.
Прошлый раз, ты говорил,— сбежала,
Нынче, говоришь,— увел эрзянин,
Что придумаешь, коль вновь приеду?
— Не мальчишка ты... Пустое мелешь! —
Разобиделся старик.— Ты лучше
Дай совет, как разыскать мне Зару.
Если не теперь — то будет поздно...
Сделать бы набег с большим отрядом,—
Алаяр мечтательно добавил.—
Гайрусу пустить по ветру пеплом,
Дочь нашли бы — и немедля свадьба.
— Алаяр, старик ты, знаю, хитрый,—
Размышляя вслух, Азгар промолвил,—

Ум твой делает сейчас ошибку,
Спешно драться — глупая затея.
Разве ты не ведаешь, что ветер
Дует в крылья мельницы не нашей,
Что московский царь, такие слухи,
Скоро доберется до Казани?
Сколько русских войск в лесах присурских!
Падают стволы под топорами,
Ладят города, остроги, струги.
Битвы будущей идет скопление.
Думаешь, дыханье этой битвы
Мимо пролетит, нас не коснется?
Много нам людей послать придется
В предстоящее с царем сражение.
Ну, а в славной Гайрусе, пожалуй,
И десятерым-то дела мало...
Лучше поезжай туда один ты,—
Не ругаться и не драться,— с миром.
Побеседуй с Дуболго хорошим
Полюбовно, как сосед с соседом.
Он силен, зато он очень добрый.
По душам поговори с ним,— верю,
Он отпустит Зару, не задержит.
Да еще накажет Сияжара.
— Нет, дружище, встреча невозможна,—
Старый Алаяр махнул рукою.—
С кем-нибудь другим, а с ним — не выйдет.
Сурский властелин меня и близко
Не подпустит к Гайрусе богатой.
Есть вражда давнишняя меж нами.
Так и быть, я расскажу об этом...
Понимаешь, так случилось в жизни.
У меня одна из жен, Кемаша,
Дуболго приходится сестрою.
Да, родной сестрой, умна,— вся в брата.
Я из-за нее чуть в лапы смерти
Не попал... Вот, видишь, шрам на шее?
Был я за Сурой тогда в походе,
Всякой всячины мы захватили,
Возвращались с крупною добычей.
Где-то возле Гайрусы богатой
На одну наткнулись деревушку,
Пичедром, кажись, ее название...
На конце селенья, у оврага,

Щебетал родник в замшелом срубе,
А кругом — и мужики и бабы,
Девки, парни, разоде́ты — бог мой!
Кто-то там играет на нудее¹,
Кто-то пляшет перед ним усердно,
А другие из ковша — по кругу —
Родниковую пьют воду, хвалят...
«Добрый день!» — приветствовал с коня я. —
Что за праздник, говорю, у вас тут?»
«Свадьба! — отвечают. — Вот молодку
Привели к колодцу, чтобы знала,
Помнила, таскать откуда воду».
«Может, угостите нас водою?» —
Пошутил я. — Одоле́ла жажда».
Тут же поднесли в ковше мне пуре²,
И моих людей всех угостили,
Приняли, ну, как гостей желанных.
Как хлебнул я — сердце заиграло,
Пил, — а глаза не спускал с молодки,
Больно хороша была Кемаша,
Сам аллах, знать, вел к деревне этой
Показать небесную мне птичку.
И желание на сердце мне пало:
Увезти красавицу чужую.
Я позвал — как будто не слыхала,
Пальцем поманил — и не взглянула,
Тронул лошадь — прямо к ней подъехал,
Думал враз схватить ее и скрыться.
Руку протянул — не тут-то было.
Встал меж нами здоровенный парень,
Новобрачный, как узнал я после,
За его спиной, как за горою,
Скрылася она... Ну, я за саблю!
Размахнуться не успел, как парень
Сбросил скакуна со мною вместе
Под откос, в овраг. Буланым вжатый
В грязь на дне, своим я зычно крикнул.
К парню бросились одни, другие —
Мне на помощь. Завязалась схватка.
Из оврага выбрался я быстро.
Окруженный всадниками, парень

¹ Нудей — свирель из тростника.

² Пуре — пиво.

Одного из наших сбил и саблю
Вырвал, и пошел крошить, как дьявол!
И к нему с дубинами большими
Двое прибежали на подмогу,
К ним на выручку еще спешили
С длинными оглоблями сельчане...
А когда я ухватил Кемашу,
Он мне рубанул по шее саблей.
Был силен жених, Тагаем звали.
Кое-как прикончили троих мы,
А своих двенадцать потеряли.
Я привез к себе домой Кемашу,
И она моей шестой женою,
Самой главной среди прочих стала.
Задушить хотел ее однажды,
Да аллах сдержал меня, наверно,
Ты, Азгар, послушай, что случилось...
Забрюхателя она — и сына
Родила мне. Как я рад был сыну!
Жены остальные мне рожали
Девоч. А тут — сын! Назвал — Сафаром.
Подрастал он... И я вскоре понял,
Что он от другого. Кровь чужая!
Светлорус, голубоглаз, ну, право, —
Вылитый Тагай. Хотел ребенка
Заколоть, но снова отнял силу
У меня аллах, нож острый выпал...
И, измучившись, я приказал ей:
«Куда хочешь, туда день мальчишку,
Чтоб живым его не видел больше!»
И уехал из дому надолго,
Побывал бог знает где; вернулся.
Умная Кемаша похудела,
Страшная с лица, переживала.
Но ребенка не было... Боялся,
Руки на себя жена наложит...
Много лет раскаивался позже.
Если бы остался ребяенок,
Стал бы мне помощником удалым.
Ведь другого-то богатыря мне
И не родила она доньше.
Царствует, как лед, Кемаша в доме,
Прочно скреплено хозяйство ею,
Прочих жен моих не обижает. —

На хозяина Азгар пытливо
Посмотрел: — А Дуболго известно,
Кто его сестру похитил дерзко?
— Стороною доходили слухи,
Что клянет меня, что угрожает...—
Алаяр задумчиво ответил.—
Встретимся — дождусь едва ли блага.
— Князь, поверь, как надо совершится! —
Гость настойчиво давал советы.—
Ты, как зять, к нему поехать должен.
Кто твоя жена — скажи, покайся.
Добрый Дуболго в объятья примет,
Как родного, и сюда прискачет,
Чтоб с сестрой любимой повидаться.

Старый Алаяр, чуть поразмыслив,
Теребя свою бородку козью,
Приподнялся, снова сел и хмыкнул.
— Ты, пожалуй, говоришь мне правду.
Сильный Дуболго — мужик спокойный,
Как медведь зимой в берлоге спящий,
Не тревожь его — он сам не тронет.
Стоит совершить к нему поездку,
Сладкими словами заморочить,
Одарить фальшивой добротой,
Там, глядишь, и на уду поймаю,
И, надеюсь, пленом, заточеньем
Хитрая уловка обернется.—
Он веселым расставался с гостем,
Приуныл, когда один остался,
Затревожился... Послал скорее
За гадалщиком, за ясновидцем,
Дабы в будущем не оступиться.

СКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Правильна догадка Алаяра:
Зара спасена была героем.
Сели на коней — и поскакали
В Гайрусу, к реке Суре лесами.
Мчались ночь и день, не отдыхая,
Опасались бешеной погони,
Лишь от мест сурских неподалеку
Возле родничка остановились.
Взмыленных коней пастись пустили.
Сами на поляне под березой
Ели хлеб и сыр и запивали
Родниковой сладкою водою.
Тихая текла в тени беседа,
Зара, будто реченька, журчала:
— Как тебя благодарить — не знаю,
Что мне думать о тебе — не знаю,
Как же твои чувства понимать мне?
Может быть, ко мне ты послан небом,
Может быть, сам бог тебя направил...
Одного лишь видела такого,
Ты вторым таким, наверно, будешь.
Знаю я, что за любимых женщин,
Жизни не щадя, мужчины бьются,
И за взгляды и за поцелуи
Бьются силой и оружием бьются,
Бьются золотом, конями бьются.
Ты как будто так же поступаешь.
Ты за волю мою дрался? Дрался!
Честь мою оберегал? Бессонно!
Ты из-за меня стоял пред смертью,
Око в око, и не отступил ты.
А ведь знаешь ты — люблю другого,
И не будет меня на другого.

Сияжар нисколько не смутился,
Посмотрел в ее глаза, как в тайну.

— Ах, сестра названная, признаться,
Ничего мне от тебя не надо.
Просто я хочу, чтоб не насилье
Правило везде, а справедливость.
Просто я оказываю помощь.
Назови лишь имя, кто он — этот
Обладатель будущего счастья.
— Слов не нахожу необходимых,
Чтобы передать веселье сердца,—
Зара, глубоко вздохнув, сказала.—
Пламенею, радуюсь, как вспомню
Нашу удивительную встречу.
В памяти его лицо сияет.
А в крови, как будто раздается,
Слышится его сладчайший голос.
Мне четырнадцать в то время было,
Я росла еще... Не понимала...
А уже сластолюбивых много
Богачей охотилось за мною.
В дом, бывало, с чем войдут — с тем выйдут,
Отправлял отец их восвояси.
Правда, поговаривали в доме,
Что отец, обычай соблюдая,
Вскоре после моего рожденья
Другу своему дал обещанье
В жены дочь отдать, как станет взрослой.

Мне отец ни в чем не прекословил,
Он по-своему любил, быть может,
Дочь за своенравность и упрямство,
Потому-то, вольная, как птица,
Делала я, что хотела делать.
Я ходила по лесам бесстрашно,
Я стрелять из лука научилась,
Я на скачках на своем саврасом
Часто и мужчин опережала.
Я росла, а сердце разгоралось,
Я жила каким-то ожиданьем,
Увидать кого-то мне хотелось,
А кого — сама не понимала.
Раз одна бродила я по лесу,
Что на волжском берегу разросся.
О заветном говорила песней
И в цветах тонула на полянах.

Ах, цветы, в них юности дыханье!
Я венок сплести себе решила,
Пела и плела, плела и пела.
Сердце странно билось, билось, билось,
Будто тот, кого во сне видала,
Близко, рядом. Чувствовала телом,
Что он смотрит на меня и взглядом
Согревает мои щеки, губы,
Руки, даже волосы. И вот я
Голову вдруг подняла зачем-то...
Боже мой! Да это он, мой милый,
Суженый, какого ожидала.
Он стоял совсем неподалеку,
Опершись плечом о ствол березы.
Ласково меня касался взглядом
И держал за стебелек ромашку.
Истинная правда, брат названный,—
Я в тот миг уверовала: выпал
Жребий жизни, исканный душою.
Эта встреча — предопределение.
Бога словом поблагодарила.
Если, знай, любви попросит сердце,
То и счастьем с ним не разминуться.
Рассуди, не осуди, пойми ты.
Я сдержать порыва не сумела,
Сладостно в груди любовь заныла,
Вырвались на волю смело чувства,
Смелость пьяная мной овладела,
Я к нему вприпрыжку подбежала,
За руку взяла, заговорила.
А о чем, признаться,— не припомню.
Застеснялся, покраснел мой милый
И в ответ не обронил ни слова.
Мне отрадно стало, а не стыдно,
Обняла его, поцеловала,
Отскочила в сторону, как ветер.
Улыбнулся он — и мне вдогонку
Кинулся, ловил между деревьев.
Мы, играя, бегали, как дети,
По траве, по зыбким пятнам солнца,
Радость наша так была огромна,
По беспамятству равна безумью.
Лес крутился, странно птицы пели,
И ручей бросался из распадка

Поперек смеющегося бега;
И, казалось, не существовало
Леса, птиц, реки в просветах дальних,
Только он и я, два жарких сердца,
Я да он, меня в руках несущий...
Утомясь, мы под березкой сели.
Обнимали мы друг друга нежно,
Будто два цветка, расцветших вместе,
Целовались пылко... Мы любили!
Сколько времени мы так любили,
Даже удивительно — не знаю,
Может, целый век, мгновенье, может...
А когда опомнились мы с милым,
Поняли: расстаться невозможно,
Поклялись прожить на свете вместе,
После смерти быть в одной могиле.
Я, тревожась, милому сказала,
Что отец давно кому-то в жены
Обещал отдать меня и может
В день любой исполнить обещанье.
Ах, любовь, — она само бесстрашье!
Мы тогда условились с любимым,
Что за мной на берег Волги тайно
Он прискачет и в лесу близ дома
Он по-соловьиному засвищет,
Я на посвист соловьиный выйду,
И уедем, чтоб не расставаться.
Да не вышло так, как мы решили,
Радость заменили нам страданьем,
Вместо счастья, посетило горе,
Соглядатаи отца, должно быть,
Увидали милого со мною,
Донесли о том, что до опушки
Провожал меня нездешний парень.
Сразу заперли меня в светлице,
И отец замки на дверь повесил,
И поставил у окна охрану.
Долго никуда не выпускали,
Много раз я соловьиный посвист
Слышала — то звал меня любимый.
Но держали каменные стены
И железные замки на двери.
Заставляли и страдать и плакать,
Исходить огнем впустую чувства.

Понял ли он, нет ли, что со мною,
Догадался ль о моей неволе,
О моей кручине — я не знаю.
Больше, видимо, не приезжал он.
Где теперь искать его — не знаю.
Восточку послать куда — не знаю.
Не случилось ли какой беды с ним?
Пусть умру, но за другого замуж
Никогда не выйду. Брат названный,
Ты хороший человек, ты верный.
Разыскать его ты не помог бы?
— Просьба ни к чему! Я помогал же.
Помогу еще раз... Имя парня? —
Сияжар подумал и добавил:—
Из какой он местности, не знаешь?
— Звать его Сафаром. Да, Сафаром.—
Зара дважды повторила имя
И слегка смутилась и зарделась.—
А откуда он и чей — не знаю.
— Про такого молодца слышал я
От других охотников Поволжья.—
Сияжар уверенно сказал ей.—
Вот как на реку Суру приедем,
Там на воле отдыхать ты будешь,
Ну, а я поеду нашу землю
Мерить конским скоком, острым оком
И разыскивать тебе Сафара.
Милая сестра, о жизни вот как
Старики, бывало, рассуждали:
«Если ты в любви другим поможешь,
То и к самому прихлынет счастье».
Что ж, сестра, поди, пора в дорогу.
До селенья засветло б добраться...

Снова сели на коней ретивых,
В Гайрусу по лесу поёскакали.
Зара рада, Зара беспокойна:
Скачет-то куда? Куда доскачет?
Мысли разные тревожить стали.
Тень боязни по лицу скользнула:
Как чужая сторона приветит,
Как к чужим обычаям привыкну,
С кем и с чем придется повстречаться?

От незнаемого, вероятно,
В сердце вспыхнул черный пламень скорби,
С земляничных губ улыбка стерлась.
Сияжар почувствовал кручину,
Беспокойство девушки молчавшей.
Не нашелся чем ее утешить,
Резко тронул жесткие поводья.
Конь вперед рванулся, будто ястреб.
Стали подходить к Суре их кони,
Стали сосны радостно кивать им,
Ветками тяжелыми махая;
Вдруг стрела над ними засвистела,
И упала, как подарок парня,
Девушке на грудь березы ветка.
Испугалась Зара, осмотрелась
И взяла березовую ветку.
Сияжар, натягивая повод,
Осадил коня среди поляны.
Конь заржал и на дыбы поднялся,
И ему другой ответил ржаньем,
Где-то сбоку в зарослях лещины.
Зара в глубь лесную поглядела.
Сияжар сказал ей: — Не волнуйся!
На Суре здесь лишь один так шутит.
Мой хороший друг, зовут Бурнаем.
— Правду говорит! — раздался голос,
И из гущи леса показался
Меж деревьев разудалый всадник;
Радостный подъехал к Сияжару.
Кони обок, морда с мордой кони.
— Погоди, сначала расцелую,
Дорогой беглец, потом расскажешь,
Где летал, где пропадал, где дрался.—
Как два дуба, обняли друг друга
Два богатыря, поцеловались,
Грусть с души, ну, как сосну, свалили
За Сурой-рекой в бору дремучем.
Прискакал Гамзур, примчался Сырезь.
И опять объятья и вопросы.
Но Бурнай, оглядывая Зару,
Восклидал: — Вай, Нишке паз!¹ Красива!
Сиянжар, откуда взял такую?

¹ Нишке паз — земной (пчелиный) бог.

Для себя везешь ее ты? Или
Ты кому-нибудь из нас уступишь? —
Сияжар нахмурился: — Без шуток!
Ты, Бурнай, мой друг, узнай сначала,
Кто она, зачем она со мною.
И подумай — стоит ли резвиться? —
И про долю горестную Зары
Сияжар друзьям поведал вкратце.
А Бурнай ей низко поклонился
И сказал: — Красавица, прости нас!
Ты моим словам не удивляйся,
На троих нас глянуть не мешает,
Все-таки мы парни холостые.
И, того гляди, отцы нас женят.
Если б выбрала из нас кого-то,
Не скрываю, счастьем одарила б
Широчайшую Сурскую землю.
Впрочем, это к слову. Знаем — любишь
Жениха, — видать, толковый малый,
Нам тебе помочь лишь остается.
Честно говоря, о нем слышали.
На обширном побережье Волги
Этот добрый юноша известен,
Как отчаянный храбрец-наездник.
Перепрыгивает через реки,
Через лес сигает, через горы,
Даже ветер парню не соперник.
Да, его как раз зовут Сафаром.
Мы его, хоть под землей, разыщем,
Целым и живым тебе доставим,
И твоя любовь восторжествует... —
Зару за реку Суру охранно,
Бережно и нежно проводили.

СКАЗ ПЯТЫЙ

День прошел, и два прошли, и третий,
И четвертый закатился в темень.
Зара отошла душой, дышала
Радостно, жила счастливой павой,
Завела подруг, и все гурьбою
Вдоль по берегу Суры гуляли,
Думали, мечтали, песни пели...
А на пятый — Зара загрустила,
Под глазами затаились тени...
И хозяйка Дуболго Вармава
Озабоченно ее спросила:
— Зара, почему ты затужила,
Точит ли какое беспокойство?
— Нет, не о себе моя тревога.
Не о юности своей забочусь,
Из-за матушки печально сердце,
Слезы катятся из-за родимой.
Думаю, как хватятся меня там.
Думаю, — узнают о побеге,
Матушку мою отец погубит,
Проклянет ее или зарежет.
Боже мой, услышь мои моления,
От родимой отведи несчастье.

В это время сторожа вскочили —
Верные залаяли собаки,
Будто чуя волка приближенье,
Иль шального шатуна-медведя.
Наконец донесся тяжкий топот,
Храп коней, в дороге утомленных.
Вот остановились на лужайке,
Возле дома Дуболго затихли.
Зара тотчас глянула в оконце
Тихой, мирной, радостной светелки,
Глянула она — и отступила

За простенок. У ворот тесовых
Алая сидел на аргамаке,
Двое верховых с ним были, сзади.
Видно, ждал он молча приглашенья.
Двое слуг, его сопровождавших,
Тоже ждали, опустив поводья.
Алая из бешеного волка
Превратился в хитрую лисицу,
Окрика сердитого не слышно
И не дергаются бородавки,
Все лицо освещено улыбкой.
— Доброго здоровья, мудрый, славный
Дуболго! — заговорил он сладко.—
Знаю, что ты дома, володетель
Сел и городов, земель присурских,
Почему ж со мной не хочешь знаться,
Почему ж встречать ты не выходишь?
И меня, приволжского владыку,
Ты принять, как гостя, не желаешь?
Мы с тобою давние соседи.
Незачем вражду таить извечно...—
Дуболго сначала рассердился,
Саблю взял и собирался драться,
Алаяру подлому хотел он
Голову снести... Жена сдержала!
Руки на груди скрестив, Вармава
Подошла, сказала: — Обожди-ка!
Человек к тебе пришел не драться.
Выслушай сначала, что он скажет.
Ты подумай, как его нам встретить —
Может быть, башку срубить придется,
Может быть, на шею кинуть петлю,
А быть может, и за стол посадим,
Лучшие поставим угощенья.
Сколько в жилах Дуболго есть силы,
Столько в сердце доброты и блага.—
«А жена, знать, верно рассуждает,—
Слушая, старейшина подумал.—
Почему б за стол не сесть душевно?...»
Дуболго на место бросил саблю
И раскинул во всю ширь ворота.
Алая моргнул злодейским глазом
Спутникам — и те долой из седел,
Помогли ему с коня спуститься

И хитро ступить на землю эрзи.
К Дуболго он подошел надменно,
И старейшину земли эрзянской
Захотел обнять полунебрежно,
Но рукою, как он ни старался,
До плеча его не дотянулся.
Он оружие — кинжал и саблю,
Стрелы огненосные в колчане
Перед Дуболго сложил покорно,
По-простецки низко поклонился:
— Дуболго, возьми. К тебе приехал
Не ругаться и не драться, с миром.
Ты здесь, на земле эрзян, властитель,
Ты велик, как царь, в кругу народа,
Как встречать меня — твоя забота:
Хочешь, голову сруби, а если
Ты поймешь мой нрав — прими, как гостя.

В дом свой Дуболго повел злодея,
И вдвоем за стол накрытый сели,
Сразу по ковшу хлебнули пуре —
И беседа потекла, петляя:
— Добрый Дуболго, я знаю, как ты
Обо мне судил, — разбойник, дескать, —
Алаяр тут, как лиса, стал вкрадчив. —
Виноват, не скрою, пред тобою,
Злобу затаил ты справедливо.
Это я твою сестру похитил.
Нет, не испытала мук рабыни,
Унижения не испытала,
Лучшею моей женою стала,
Самой старшею женою стала...
Коль когда-нибудь приедешь в гости,
Сам увидишь, как живет Кемаша,
В доме — полновластная хозяйка.
Много раз пытался я приехать,
Я мечтал к тебе приехать с нею,
Приглашенья ждал и не дождался.
Лишь одни проклятья доходили...
Если бы у моего порога
Ты, родня, мой шурин, очутился,
Я б, конечно, встретил, как родного,
Ты в мой дом, как в свой, вошел бы, шурин,
Ты сидел бы на почетном месте.

Искренне и долго, терпеливо
Ждал я, шурина, твоего приезда...
Лишь одни угрозы доходили!
А надумай ты приехать в гости,
Как друзья, мы на земле бы жили.
Друг о друге помнили б, как братья,
Никакой вражды и даже ссоры,
Поручусь, меж нами не возникло б.
— Волку раз поверили сельчане,—
Добрый Дуболго заулыбался,
Пуре в ковш большущий наливая.—
И, представь, все без овец остались.
— Добрый Дуболго, поверь, без шуток,—
Осушив весь ковш, сказал с обидой
Алаяр.— Я честно, без обмана...
А не веришь — пусть меня тут громом
Поразит аллах... Зачем же злобу
День за днем таить нам друг на друга?
Всемогущий учит: жить без ссоры
И жалеть друг друга заставляет.
— Кто упоминает часто бога,
Тот грешить разбойно не боится.—
Дуболго посмеивался, думал:
Верить ли ногойцу иль не верить?
— Вот что, Дуболго, скажу тебе я,—
Алаяр как будто огорчился.—
Я не шуточки шутить приехал,
Я не сказки сказывать приехал,
Истинная правда с уст слетает.
Прискакал к тебе я без охраны,
Двое слуг со мною... Что ж, не веришь?..
Да и тех отправил восвояси.
Добрый Дуболго, бери же саблю,
Отруби башку мне на пороге!
Прискакал я с чистою душою,
Я в твоих руках — руби же! С маху!

К Дуболго пришло успокоенье.
«Верно, он в моих руках... я волен
Сделать с этим гостем что угодно...» —
Размышлял старейшина эрзянский,
Вслух сказал, отставив ковш в сторонку:
— Хорошо, допустим, ты приехал
По-соседски, в гости, а не грабить...

Что же тебе нужно, гость незваный?
— О, благодарю тебя, создатель! —
Алаяр на потолок воззрился. —
Знать, моя дошла до бога просьба.
Слушай, добрый Дуболго, ты мудрый,
Я надеялся — поймешь. Ты понял.
Выложу, что у меня на сердце.
Ничего мне от тебя не нужно.
Лишь доверье, дружеские встречи,
За столом душевные беседы.
Если надобно что — все доставлю,
Серебро сверкающее — будет,
Золото искрящееся — будет,
Лошади рысистые — пригоним.
Глазом не моргнув, все принесу я,
Что невмочь — то привезу на седлах.
— За слова благие, князь, спасибо, —
Дуболго ответил. — Откровенность
Откровенностью и оплачу я,
Мне и серебра нисколько не надо,
В золоте я тоже не нуждаюсь.
О конях и поминать не стоит,
Некуда своих девать, седлают
Наши парни каждодневно свежих.
— Ты смотри, какой сосед — не алчный! —
Алаяр восторженно воскликнул. —
Ты не только не гребешь обманно,
Даже даровое взять не хочешь.
Незачем скрывать, признаюсь честно,
У меня есть маленькая просьба,
За нее бранить, сужу, не станешь
И обидною не посчитаешь.
Ты же сам отец, и я уверен,
Что поймешь мою печаль-кручину...
Зара, дочь моя, у вас укрыта,
Ей твой сын, знать, по сердцу пришелся,
Потому с ним из дому сбежала.
Мать-то дома с горя захворала,
Плачет день и ночь, не спит, жалкует.
Вот ведь жизни чудеса: когда-то
Я увез сестру твою насильно,
Умную красавицу Кемашу,
Ныне же с твоим могучим сыном
В Гайрису сама бежала Зара,

Дочь моя, красавица шальная.
Сгинула из нупаля — и все тут...
А куда ушла — никто не видел,
Я на след ее напал случайно...
Добрый Дуболго, теперь представь-ка,
Как из-за нее, капризной дочки,
Дома исстрадалась мать родная.
А уж о себе не говорю я...
Я прошу, поверь мне, как родному,
Зару отпусти домой дней на шесть,
Мать ей навестить необходимо,
Горе отведет — и возвратится.
Если выбор пал на Сияжара,
Прекословить дочери не стану,
Кто ей нравится — тот будет мужем.
Одного хочу я, чтоб за сына
Дочь мою ты сам, отец, засватал,
Как ведется меж людьми честными.
— Верно, мать не следует тревожить.—
Дуболго, расчувствовавшись, молвил.—
Зара в нашем доме, не скрываю,
Надо бы ее спросить сначала...
Зара бледная пришла к ним тут же,
На щеках ее волненья пятна,
Дверь за ней Вармава затворила.
Услыхав, зачем отец приехал,
Зара резко с ним заговорила.
— Нрав твой злобный с детства мне известен,—
Обожгла отца горящим взглядом.—
Из-за матери б ты не примчался,
Умерла б из-за меня — не охнул,
Ты за мною прискакал лукаво.
Я женой Азгара, знай, не буду,
И не думай. И не жди — не буду!
Лучше заколюсь иль в омут брошусь...
— За того, дочь, выходи, кто любый,
Никаких препятствий и не будет,—
Алаяр ей отвечал спокойно.—
За постылого никто не выдаст.
Слушайте, при всех при вас клянуся,
Всемогущему даю я слово...—
Он, молясь, на потолок воззрился.—
А не выполню, нарушу клятву,

Пусть великий гром меня расколет,
Молния испепелит за это.
Едем, Дуболго, ко мне на Волгу,
Умницу сестру свою увидишь,
Хочешь — и жену бери с собою,
Мне не знать гостей родней, любимей...—
Алаяр так убеждал и клялся
В верности, в добрососедстве, в дружбе,
Что Вармава слезы вытирала,
Тронутая сладкими словами.
Сильный Дуболго ему поверил,
Собираться начал в путь, на Волгу,
Очень уж хотел сестру увидеть,
Заодно и Зару, честь по чести,
Проводить необходимо было.
Но вернулся Сияжар с охоты,
Конь его гнедой весь в серой пене,
Торока набиты были дичью,
Шкур привез медвежьих, волчьих, лисьих...
Въехал он во двор и удивился,
Спешился, добычу сбросил наземь,
К Сырезю мгновенно обратился:
— Что такое, что за суматоха?
Собрались куда-то, брат, не скажешь?
Этот Алаяр откуда взялся?

Сырезь объяснил весьма подробно,
Что произошло с приездом гостя.
— Оказалось, наш отец поверил...—
Сияжар сперва заколебался
И среди двора стоял в смятенье.
К Заре кинулся, та покачала
Головою: — Странно, брат названный,—
Девушка почти что прошептала.—
Право, больно быстро помирились,
Удивительно как столковались.
Чем все кончится — не знаю.
— Эй, вы? Собираетесь куда вы?
Слушайте, иль жизнь вам надоела? —
Сияжар всем крикнул что есть мочи.
Вздروгнули готовые к отъезду,
На своих местах остолбенели,
Добрый Дуболго аж удивился,
Подошел вплотную к Сияжару,

Говорил с ним строго и серьезно,
Втолковать пытался цель поездки,
По-отечески журил за грубость.
Сияжар пословицей ответил:
— Сколько волка ты не потчуй мясом,
Все равно поглядывает в лес он.
Так-то, батюшка. А в хлев кольпустишь —
Ни одной овцы он не оставит.
Вы домой оттуда не вернетесь!

Алаяр, увидев Сияжара,
Враз смекнул: мне этого, конечно,
Обвести вокруг пальца не удастся.
Все ж рывком из ножен вынул саблю,
Смело протянул он Сияжару.
— Я один здесь, — уверял усердно, —
И со мною никакой охраны.
А не веришь мне — вот моя сабля, —
Под ноги ему ее он бросил, —
Отруби мне голову, охотник,
На своем дворе гостеприимном. —
В жилах Сияжара кровь взыграла,
Сузились глаза и заострились,
Быстро он подпрыгнул к Алаяру
И метнул в него слова, как стрелы:
— Хочешь взять на удочку, которой
Ты отца так подцепил умело?
Я не клюну! Не хитри! Я знаю
Цену всем твоим обетам, клятвам...
На, возьми свою кривую саблю, —
Он поддел ее ногой и в морду
Алаяру бросил. — Я своею
Отрубить тебе башку сумею... —
И сверкнула сабля Сияжара!
Миг еще — и голова слетела б.
Но тут Дуболго вмешался гневно,
Сияжара за руку схватил он,
Быстро вырвал саблю на замахе
И промолвил голосом дрожащим:
— Не в свое ты дело, сын мой, лезешь,
Не к тебе сосед приехал в гости,
Не тебе и провожать соседа!
Как нам поступать в соседском деле,
Разрешенья у тебя не спросят!

А за дурость наказать придется.
Вы, старейшины села! — Властитель
Раздраженный громко обратился
К покштям¹, проводить его пришедшим. —
Посадите тотчас Сияжара
Под замок в амбар, да чтоб покрепче!
Пусть сидит до моего приезда,
Ворочусь — и проучу за это
Безрассудное самоупрямство.
Пусть поймет, кого учить, а пуще —
Слушаться кого, и прежде думать —
На кого замахиваться саблей.

Алаяр стоял, окаменевший,
Будто полотно, лицо белело,
Смерти ледяной крылатый промельк
Испугал его, язык отнялся...
Несколько старейшин Сияжара
Увели, он — поперек ни слова,
Головой лишь покачал прискорбно,
Изумился, почему не понят...
И старейшины переглянулись,
Высказали Дуболго сомненье:
— Справедлив поступок Сияжара...
С ним бы надо прежде объясниться,
Незачем спешить тебе на Волгу.
Кто не знает этого злодея?
Утром пуре пьет с тобой по-братски,
Вечером тебе башку отрубит.
Кто б туда к нему ни отправлялся —
Не было ему назад дороги,
Сгинет — и ни слуху и ни духу.

Добрый Дуболго ответил так им:
— Ни к чему пустое беспокойство,
Ни к чему худое предсказанье.
Никому, старейшины, пока что
Обмануть меня не удавалось,
И на этот раз, да, не удастся.
Навещу сестру, она к нам в гости,
Может быть, приедет. Пир устроим.

¹ Покштя — старейшина.

Сварим пуре, чтоб трещали кадки,
Чтобы сладко головы шумели,
Ковш хлебнул — и ноги сами в пляску,
Два хлебнул — и сутки пел бы песни.
Беспокойству не должно быть места
В ваших думах и сердцах горячих.
Нет, старейшины, нам с Алаяром
Близкое родство не помешает.
Как два лука в цель одну мы будем
Направлять одновременно стрелы,
Ни один не сунется к нам недруг...
Будьте здоровы! Ну, до скорой встречи!
Мы через неделю возвратимся.
— Пусть сам Нишке паз тебе поможет,—
И старейшины все поклонились.—
Дай бог невредимыми вернуться,
С нетерпеньем будем ожидать мы.

Широко ворота растворились,
Тронулись отрадно верховые.
И уехал Дуболго на Волгу.
Сына Сыреза лишь взял с собою,
С ним-то Зара, понукая лошадь,
Разговаривала всю дорогу.

СКАЗ ШЕСТОЙ

Как доехали они до Волги,
Вышли любопытные навстречу.
Алаяр моргнул кому-то, тут же
Помогли ему с седла спуститься.
К Дуболго он подошел, и руку
Подав, и на собственную землю
Слезть ему помог с коня гнедого.
В дом огромный слуги расторопно
Бережно хозяина и гостя
На руках внесли и опустили
На кошму на мягкую — обоих.
Алаяр привстал и поклонился
Доброму эрзянскому покштяну,
Дуболго ему ответил тем же.
Дальше по ковровой по дорожке
Двинулись они в глубь дома вместе,
В горнице, украшенной оружием,
Сели на подушки, как родные.
Зара Сыреза в другое место,
В уголок уютный проводила.

Старый Алаяр немедля вызвал
Старшую свою жену, эрзянку, —
И пришла красавица Кемаша,
Дуболго сестра. И поклонилась.
Шелк на ней струился и светился,
Сшита серебром была рубашка,
Как лучами, золотом расшита,
Бугорки сосков обозначались,
Две луны оттягивали мочки,
На запястьях дутые браслеты,
Капли бирюзы на них грустили.
Теплились глаза голубизною,
Звездочками скорбными сверкали.

— Зря ты, Дуболго, мне слал проклятья,—
Алаяр пенял самодовольно,—
Захватить меня хотел, повесить...
Вот твоя сестра, взгляни-ка зорче,
Мне сам бог ее назвал женою!
У царей на целом белом свете
Нет ни у кого такой красивой,
Нет ни у кого жены умнее.
Если б ты ее увел обратно,
Вверх тормашками все полетело б,
Стал бы дом как без колес кибитка,
Будто без узды скакун упрямый.
Сорок лет исполнится ей скоро,
Но — свежа, но — молода, царица!
Ну, наедине вы потолкуйте,
Звать гостей на сладкий пир пора мне.—
И ушел хозяин, дверь захлопнул.

Кема кинулась на шею брату,
Обожгла его слезой горящей,
Молча, глухо плакала; хотелось
Тихо выплакать ей грусть всей жизни.
— Нишке паз, прими благодаренье! —
Прошептала наконец Кемаша.—
Увидать родного человека
Довелось мне, бедной, горемычной.
Брат, хоть слово голосом певучим
Ты скажи на языке эрзянском,
Успокой целебным звуком сердце,
Сердце сжатое мое тоскою.
Наша мать-кормилица жива ли?
Жив-здоров ли батюшка родимый?

— Нашу матушку убило горе,—
Сдерживая слезы, брат ответил,—
С того дня, когда тебя украли,
Убивалась, по тебе страдала,
От беды растаяла, как свечка.
Батюшка живет еще на свете,
О тебе, сестра, не забывает.
— Я умру, причитывая, братец,
Изойду горячими слезами,—
Жаловалась Дуболго Кемаша.—
Зару провожать тебе не надо б...

Я сама, конечно, очень рада
Твоему приезду, милый братец;
Что тебя увидела — спасибо!
Одного боюсь — его коварства,
Не случилось бы с тобой несчастья.
Сердцу беспокойно, сердце ноет.
Это дом обмана, и отсюда
Ни один не уходил обратно.
— Алаяр мне издавна известен, —
Озабоченно ответил брат ей, —
Как паук огня, боится правды.
Клятву даст, спиною повернется —
И откажется от клятвы тут же.
Дома я сомненью не дал ходу,
Понадеялся на Нишке паза,
На его охрану — и поехал...
Говори, сестра; и не тревожься,
Слаще меда для меня твой голос,
Ты язык родной не позабыла,
Разговариваешь, как и прежде,
Будто песнь эрзянскую поешь ты,
Выйдя на берег Суры любимой.
— Разве речь родную позабудешь! —
Вся в слезах воскликнула Кемаша. —
А когда, бывает, я неожиданно
Слышу говорящих по-эрзянски,
Кажется, слова расцеловала б,
В глуби сердца спрятала б навечно.
А когда печаль, как соль, жжет сердце,
Запою о Гайрусе любимой,
Унесусь на крыльях песни в небо.
Долечу я до села родного,
Над Сурой, как пташка, полетаю,
Воздухом отчизны подышу я...
Для меня язык наш — это воздух,
Голос мой — души скорбящей сила.
Наш язык в ушах моих, в сознание
Будет, как ручей, звучать до гроба,
А умру — он надо мной раздастся
Звоном колокола вечного,
Звоном солнца в божеской лазури.
Не могу с тобой наговориться,
На тебя никак не нагляжуся...
— Подожди! Сама-то как живешь ты? —

Дуболго спросил, в лицо ей глядя.—
Дети есть? Большие? Что ж молчишь ты?
— Обошло меня большое счастье
Стороной — и навсегда забыло.—
Глубоко вздохнув, Кемаша сникла.—
Одного я родила ребенка,
Сына родила я от Тагая...

На второй день нашей свадьбы — горе,
Алаяр напал на нас внезапно,
Суженого моего, Тагая,
Подлые ногайцы зарубили...
Алаяр — насильник, тать кровавый,—
Был сперва обрадован, ребенка
Он назвал Сафаром. Рос мальчишка,
И черты чужие обострялись...
А когда два годика сравнялось
Малышу... Тут Алаяр все понял:
Родила я сына от другого.
Я боялась — он его заколет...
И однажды он пришел угрюмый
И сказал, нагайкою играя:
«Куда хочешь, туда день мальчишку,
Чтоб живым его не видел больше!»
И уехал вновь с ватагой грабить.
Ой, когда бы знал ты, милый братец,
Сколько выплакано слез над сыном,
Сколько мной исхожено селений.
Долго я бездетный дом искала,
Чтоб отдать надежным людям сына...
К счастью, добрый человек нашелся,
Это был Пиняй, эрзянин славный.
Проживал Пиняй в селенье Чиндя
И служил табунщиком у хана,
Пас он скакунов в степи просторной.
Он и взял в свою семью Сафара.

Возвратился Алаяр обратно,
Не нашел ребенка... Из набега
Много он привез добра чужого,
Пир затеял, хвастался добычей,
Пленников показывал и пленниц...
На пиру до бешенства напился,

Разогнал гостей, и на постели
Липочку, одну из жен, зарезал.
Мы с ней в доме очень дружно жили.
Девочкой ее, еще пугливой,
Он из русского села похитил.
После гибели ее осталась
Годовалой сиротою Зара.
Алаяр однажды, протрезвевший,
Принести ко мне велел малышку.
«Вот тебе, сказал он, дочка. Слышишь,
Как свою расти! Заменишь мать ей».
Так я стала матерью сиротки.
Зара с той поры мне — дочь родная,
И она, моей души утеха,
Ничего об истине не знает.
— А Сафар твой жив? Теперь-то где он?
Дуболго спросил сестру тревожно.—
Он, поди, большой. Ты с ним встречалась?
— Виделась с трудом...— она вздохнула.—
Каждым летом опосля отъезда
Алаяра в долгие походы
Я ходила повидать Сафара.
Крепким, сильным, смелым рос мой мальчик,
Вылитый отец — широкоплечий.
Объезжал коней десятилетним,
Воробья сбивал стрелою с лету.
Как ему четырнадцать сравнялось,
Пало горе на мальчишьи плечи:
Жеребец весной убил Пиняя...
С той поры я сына не видала,
Отлучаться мне не удавалось
Из-за слежки алаярских татей.
А уже семь лет прошло... Наверно,
Я из памяти его исчезла.
Только слухи до меня доходят,
Будто богатырь в лесах приволжских
Объявился. Носится верхом он,
Соловьем зазывно в рощах свищет.
Мне сдается — это сын, Сафар мой...
Честно я скажу тебе, мой братец,
Если б не Сафар, ушла б со света,
Руки на себя я наложила б.
Жаль еще мне Зару. Мне порою
Кажется, что я ее рожала...

Дочь давно обещана Азгару —
Старцу, богачу и сластолюбцу.
Дочери моей ему не видеть.
Да она заколется скорее,
Но не выйдет поневоле замуж
За постылого... Я знаю Зару.
Зря ее ты выдал Алаяру,
Дочь бежала из дому не просто...
Мне она открылась. Зара любит,
А кого — пока осталось тайной.
Кто он? Имени не называет.
Девушка по нем истосковалась...
Алаяру что... Он бессердечен,
Жаден. Дочь свою продаст хоть черту.
Лишь бы выкуп получить богатый...

Брат с сестрой еще бы говорили,
Но вернулся Алаяр обратно
И прервал их горькую беседу.
Началось веселое застолье.
Видимо, созвал на пир владыка
Весь свой род огромный, было много
Всяческой родни и отовсюду.
Будто бы обычай соблюдая,
Поздравляли Дуболго усердно,
Посадили рядом с Алаяром.
Стали пить, и стали есть, и стали,
Захмелев, петь свадебные песни.
Дуболго с сестрой своей Кемашей
Всем о Тюште спели по-эрзянски.
Спели песню о Суре прекрасной,
Спели о селе родном, любимом.
Угощали Дуболго ретиво
И вниманьем ласковым дарили:
Ел он смачно с золотого блюда,
Из ковша серебряного пил он.
Распинался Алаяр лукаво:
— Враждовали мы с тобой напрасно,
Недовольство ширилось напрасно.
Заставляло ссориться нас, драться.
Пользы-то мне не было от распри
И тебе хорошего нисколько...
Дуболго, давно люблю тебя я,
Я хотел все встретиться с тобою,

Сам аллах теперь помог нам в этом,
Свел навек на пиршестве веселом.
Навсегда роднею крепкой станем!
Пусть же люди, что живут в Присурье,
Дружат с нами, мы, волжане,— с ними.
Пусть ко мне, как гости, приезжают,
Да и сам не забывай дорогу
В сторону родного Алаяра.
Разве плох я, Алаяр известный?!
Дуболго, запей, заешь обиды,
Лучшее, что я имею в доме,
Все перед тобой на стол поставил,
И твоя сестра, моя Кемаша,
Празднично тебя здесь угощает.
Что ж, живи у нас, ты — гость желанный,
Надоест — к себе домой поедешь,
Отпущу свою жену с тобою,
Чтобы навестила дом родимый.
Ты, поди, устал, почтенный покштя,
Здесь у нас ты отдохнешь, как дома,
Там, на берегу Суры великой.

Пир смолкал. Гудели разговоры.
Под конец все за здоровье гостя
По ковшу вина хлебнули шумно.
Дуболго устал, впадать стал в дрему,
И его, хмельного, уложили
Бережно на мягкие подушки.

СКАЗ СЕДЬМОЙ

Сон какой же Дуболго приснился?
Что привиделось во сне глубоком?
Он проснулся, очень удивился:
Ночь густая странная стояла...
Дуболго не там, где лег, проснулся,
Не подушки были под спиною,
Дуболго проснулся в подземелье
На камнях, как лед, холодно-знобких.
На руки наручники надеты,
Ноги больно схвачены цепями,
Что приклепаны к стене ослизлой.
Темь, как слепота, вокруг молчала,
Обжигало мускулы железо,
И пронизывала тело сырость.
А ему никак не повернуться,
А ему нельзя пошевелиться,
А ему от пола ледяного
Даже на вершок не оторваться.
Тело, кажется, окаменело.
Темноту глазами обежал он,—
В дырочку одну над головою
Острый тонкий света луч продернута,
Он вонзился в стену, будто пика.
Двери нет. Как занесен сюда он?
Стены пахнут плесенью поганой,
Капли то и дело, будто шило,
Мощное покалывают тело.
Дуболго вздохнул, и беспокойство
Заворочалось в груди неловко,
Да, старейшины, остерегая,
Истинную правду говорили:
«Можно сто раз, милый друг, споткнуться,
Если дружеский совет отвергнешь».

Дуболго услышал чей-то голос,
Заворочался какой-то камень,

Где-то глухо что-то заскрипело,
Небольшой проход в стене открылся,
Мутный свет упал на камни пола,
И вошли со смехом в подземелье
Алая с мудрейшим из мудрейших,
Чтоб на Дуболго полюбоваться.

— Сильный Дуболго, непобедимый,
Как твои прикованные кости —
Успокоены? Им даден отдых. —
Алая злорадно издевался,
И мудрец, кивая, ухмылялся. —
Не болит башка? Не принести ли
Сладкого вина опохмелиться?
Гордый Дуболго, чего ж молчишь ты?
Может быть, хозяином обижен?
Ты не обижайся. Тут прекрасно.
Места лучшего желать не надо.
Вороны украсть тебя не смогут!..

Дуболго мучителям ответил:
— Ты, видать, владыка, очень слабый,
Если в доме духу не хватило
На жестокий разговор и драку.
Мне так поступить бы было стыдно!
Сбросьте цепи. И сразимся сразу.

— Да ты больше, — Алая вдруг взвизгнул, —
И во сне свободы не увидишь!
Голову твою ждет кол сосновый!
Я мечтал с тобой здесь повстречаться,
Знай, отсель живыми не выходят.
Кто хоть раз входил сюда, те смотрят
На тебя уже как на соседа.
Ты окинь глазами подземелье...

И тогда-то Дуболго увидел:
В мутном свете кругло выделялись,
Жутко скалясь, черепа людские,
Вдоль стены расставленные ровно,
На камнях ослизлых аккуратно,
Будто совы белые сидели.
Алая к ним подошел поближе.
Палкой ткнул в белевший крайний череп,

Постучал по темени со смехом,
Дуболго ехидно назидая:
— Это был Бурхан непобедимый,
Многих силачей в борьбе сломал он,
А из рук моих, как ни пытался,
Вываться живым не удалось,
Здесь от тела душу отделил я.
Всматривайся! Это голова Ёшкара,
Это молодца Кашкыра; это Сыржи;
Вот на этом, голом и холодном,—
Показал он на свободный камень,—
Череп Дуболго поставлен будет.
Нравится тебе? Ты полюбуйся!
Не по нраву — на другой положим,—
Злыдень засмеялся дребезжаще.
— Ну, а свой тебя не беспокоит? —
Дуболго спросил его с издевкой.—
Череп твой на камень не поставят,
Тело на погост собачий свалят,
Вороны глазами поживятся,
Волки кости жалкие растащат
По оврагам да по темным норам.
Тот, кто о чужой хлопочет смерти,
Вскоре сам от смрадной смерти гибнет.

Старый Алаяр сперва озлился,
В выпуклых глазах мелькнули искры,
Заскрипел он редкими зубами,
А потом захохотал безумно.
— Алаяра ты не застращаешь,—
Он цедил слова сквозь рот щербатый.—
Ты уже в могилу ноги свесил —
И не вырвешься, старик, отсюда!
А мне жить, и жить, и жить до ста лет!
О душе своей подумай, покштя,
Скоро ей пойти придется к богу,
К вашему чудному Нишке пазу.
Смерть твою, коль будешь ты покладист,
Сделаю я легкой, как пушинка.
Если сообщишь мне, где хранится
Золотой клад Гайрусы богатой,
Если сообщишь мне по секрету,
Много ль девушек красивых в селах,
Много ль молодаяк умных в семьях,

За которых цену золотую
И серебряную взять сумею.
Мы поладим? Что ты, покштя, скажешь?

— Как не видишь грязный свой затылок,
Так богатств эрзянских не увидишь,—
Дуболго уверенно ответил.—
А поедешь — там башку оставишь
Вместе со своею волчьей стаей,
И уже обратная дорога
Не понадобится, князь-грабитель.

Алаяр как бешеный затрясся,
На прикованного, как собака,
Кинулся. Он бил его, покамест
Не устал и не сломалась палка.
— Отдыхай-ка здесь до возвращения
Моего... Тебя я не забуду.
Дам прожить тебе еще дней десять.
А пока что в Гайрусу я съезжу.
Пригоню сюда к себе эрзянок,
Всех красивых девушек, молодок,
Всех парней могучих, работающих
И тебя повешу перед ними!

И закрылся снова выход камнем,
Будто его не было в помине.
И остался в черном подземелье
Дуболго один, цепями скован.
Позднее раскаянье терзало,
Если вспоминал слова старейшин...
Ни надежды, ни мечты, ни вести...
Время в темноте как онемело.
Дуболго измученный забылся.

Сверху в подземелье вдруг донесся
Хриплый, вздорный голос Алаяра,
Силачей своих он звал куда-то.
Крики собираемой ватаги
Голос повелителя глушили...
Слышалось: ударили подковы
Глухо о хрустящий мелкий щебень;
Слышалось: и храп коней и ржанье...
Всадники куда-то поскакали.

Догадался Дуболго, конечно,
Что к реке Суре пошел грабитель,
Тронулся на Гайрусу убийца.

Дуболго дышал, как мех кузнечный,
Распаясь от гнева и бессилья.
Напряглись мускулы, пружиня,
Захотел порвать лихие цепи,
Сторожей железных измочалить,
Повернулся вправо — только искры,
Повернулся влево — лишь зарницы,
Не сумел он справиться с цепями,
Поубавили крутую силу
На пиру ногайцы-душегубы
Тайно-ласковым вином-отравой...

СКАЗ ВОСЬМОЙ

Как плененный Дуболго услышал
Ржанье, стук копыт, людские крики,
В сердце боль запала от догадки:
Поспешает Алаяр-разбойник
В Гайрусу с ногайцами своими.
Он представил, что случиться может,—
От досады тело распалилось.
Он пытался сторожей железных,—
Цепи разорвать — да не осилил,
И подумал: воли не видать мне.
Он притих и съежился, бессилье,
Кроме смерти, в этом подземелье
Никакой надежды не сулило.
Он зажмурился, ушел в раздумье...
Будто в Гайрусе вновь очутился:
Как живые рисовались в мыслях
Нежная жена, сыны родные,
Жители села, друзья, которых
Больше жизни собственной любил он
И которые его любили.
Чудилось: там Алаяр проклятый
Девушек, парней хватает, вяжет,
Стариков казнит, дома сжигает;
Мудрый Жуварма в петле на дубе,
Пичегай, старейшина,— тот прямо
У ворот широких обезглавлен.
Дым на улицах, огонь — сквозь крыши...

Дуболго заскрежетал зубами,
Застонал от горестной картины.
Вдруг прогретый солнцем легкий ветер
Медленно пошел по подземелью
И лица старейшины коснулся...
Он открыл глаза в недоуменье,
Посмотрел: в стене дыра сияла;
Съежился весь, ожидая смерти.

Ах, какая, Дуболго, ошибка!
Отступила смерть, а жизнь вернулась.
То смотрела в подземелье Зара,
С ясным незакатным солнцем схожа,
Взглядом Дуболго во тьме искала.
Увидала вдруг его — и в слезы,
И вошла сторожко в подземелье,
Узелок с едою развязала,
Сулею поставила на землю.
— Боже! — вскрикнула и задрожала,
Череп зловещие увидев.
— Доченька, не бойся, успокойся,
Мертвые нам не приносят горя,—
Ей сказал прикованный цепями.
Дуболго почувствовал, как сила
В жилы, во все тело возвращалась.
— Доченька, скажи,— спросил он Зару,—
Где же Сырезь, где сестра Кемаша?
— Где-то спрятались — не разыскала.
Раз уж спрятались — они найдутся.
Нужно вас освободить сначала...
Ешьте, ешьте, пусть вернется сила...

Зара озиралась в подземелье,
Накормила Дуболго досыта.
Напоила свежестью кумыса.
Собрала остатки в узелочек,
Все припрятала, закрывши камнем.
А потом она взялась за цепи,
Стала дергать — но не тут-то было.
Силе девичьей не расшатать их,
Девичьим рукам не разорвать их,
И она ушла из подземелья,
Слезы с ярких щек не отирая.
Вход закрыла, повернувши камень...

Дуболго опять один остался,
Сердце бережил воспоминаньем,
Душу обжигал воображеньем,
Вновь горела Гайруса родная,
На базар невольничий ташили
Соплеменниц: девушек, молодых,
Шли гуськом повязанные парни,
И не мог напасть он на душманов,

И не мог помочь освободиться,
Самого держали крепко цепи...
Эта безотрадная картина,
Как в бреду, в его воображенье
То горела, то туманно гасла,
То безумно полыхала снова.
Потому-то сразу не почувял
Теплого, как ласка, дуновенья,
Потому-то сразу не услышал,
Как его окликнул женский голос.
— Братец, братец, что с тобой он сделал?
Это кинулась к нему Кемаша,
Приведенная бесстрашной Зарой.
— Кема — ты? Пришла? Ты вместе с Зарой?
Милые, большое вам спасибо,—
Дуболго обрадованно молвил.—
Вы цепей не трогайте покамест,
Сил не тратьте, руки лишь собьете.
У меня сейчас другая просьба...
Зара, выполнить ее ты сможешь?
— Сделаю — чего б ни попросили! —
Горячо заговорила Зара.—
Я пойду, куда бы ни послали,
Лишь бы горя не было на свете!
— Если не боишься, так скорее
На коня садись... Мой конь как ветер,
Скакунов любых опережает.—
Добрый Дуболго заволновался.—
Прямо в Гайрусу лети лесами,
Там найди старшего Пичегая,
Передай мои слова такие:
«Алаяр к Суре с отрядом скачет,
Гайрусу пожечь, разграбить хочет,
Пусть поднимут сразу все селенья,
Пусть готовятся они к отпору,
Пусть не отдадут ни на мгновенье
Отчих мест врагу на поруганье...»
Ну, скачи! Туда конь-ветер ярый
Сам найдет дорогу.— Где конь-ветер? —
Зара, спрашивая, зашпешила.—
Семь земель пересеку — не охну,
Семь морей перелечу — не струшу,
И наказ я выполню немедля,
Лишь бы горя не было народу!

Дуболго прикованный напрягся.
Как по-соловьиному засвищет! —
И конь-ветер встал у подземелья
И ударил о землю копытом.
Зара села и сквозь лес дремучий
К берегам реки Суры помчалась,
В Гайрусу, как птица, полетела,
Чтоб доставить вести Пичегаю,
О несчастье Дуболго поведать.
А с прикованным сестра осталась.
Нежная красавица Кемаша
Тайно приходила в подземелье,
За собой повертывала камень,
Чтоб открытым вход не оставался.
При свече, слезами оплывавшей,
И кормила брата, и поила,
И кремнем перетирала цепи...

Было подземелье подле Волги,
Там, где круто подмывался берег,
Бузиной, орешником поросший,
Каменную древнюю пещеру
Алаяр облюбовал для пыток.
Изредка, раз в день, сюда являлся
Брат его — Захир. На вход посмотрит:
Нет дыры — закрыта, и спокойно
Поворачивал обратно к дому.
День прошел, и два, и три минуло,
Возвратилась Зара на четвертый,
Отпустила скакуна — и тут же
Тихо проскользнула в подземелье,
Где Кемаша с братом ожидали.
Радостная, рассказала Зара,
Как домой летел конь-ветер с нею,
Как опередила Алаяра,
Как предупредила Пичегая.
Дуболго внимал ее рассказу,
Повторял растроганно: спасибо!
Дело сделано, — он улынулся,
Дело сделать новое придется...

И взялись Зара и Кемаша
Цепь кремнем пилить попеременно,
Острым камнем ногти обломали,

Саднили ободранные пальцы,
Кровь текла, но, боль преодолая,
Проклиная, мучаясь и плача,
Женщины железо победили.
Цепь распалась — и освободилась
Дуболго рука... Они присели,
Радостные, отдохнуть немножко.
Сильный Дуболго рукою мощной
Начал рвать свободно остальные,
Стал сбивать оковы постепенно,
Стал приподниматься понемногу...
Наконец-то Дуболго свободен!
Добрый Дуболго под темным сводом
Встал и избавительницам милым
Руки вспухшие расцеловал он.

Вышли быстро все из подземелья,
Узкая тропинка повела их,
А навстречу им Захир попался,
Стал грозить и Заре и Кемаше,
Посулил им казнь, но прежде пытки...
Он хотел людей позвать на помощь,
Он уже собрался было крикнуть,
Но язык во рту не шевельнулся:
Дуболго схватил его за горло —
Дух у старика перехватило,
Из орбит глаза повылезали.
Сильный Дуболго Захира поднял,
Как хорька вонючего ударил,
Об утес ударил головою
И швырнул как можно дальше в Волгу.
Попрощался Дуболго с Кемашей,
Попрощался с Зарой — и с тропинки
В лес густой свернул и сразу свистнул.
И на соловьиные колена
Вдалеке конь-ветер отозвался.
Он на посвист прискакал мгновенно.
Сел хозяин и помчался лесом
По худому следу Алаяра.

СКАЗ ДЕВЯТЫЙ

Если камень в воду бросить — тонет,
Так и Дуболго исчез, как камень,
С ним и Сырезь, сын, пропал, как камень,
И ни слуху и ни духу нету.
Гайруса, окрестные селенья
Ожидали их нетерпеливо,
Старики, и молодцы, и дети,
Женщины и красные девицы
Непрестанно за Суру глядели,
Не покажутся ли дорогие,
Долгожданные... Никто не ехал!
А для встречи пуре наварили,
Наготовили для пира пищи,
Но ни их самих нигде не видно,
Никаких вестей о них не слышно.
И старейшины земель присурских
От неведения растерялись,
От растерянности приуныли.
И тогда-то с пасеки, из леса,
Ноги медленно передвигая,
Мудрый Жуварма белоголовый,
Дед старше старого к ним прибыл.
Сколько лет ему — никто не ведал,
Сам не помнил, бог со счету сбился.
Лишь одно он знал, мудрейший покштя,
Было семьдесят, когда родился
Пичегай любимый, сын последний.
А ему уж восемьдесят ныне!
Как пришел мудрейший долгожитель,
Так старейшин сёл собрал на сходку,
Медленно высказывал упреки:
— Пьете, старички, едите сладко,
Чрево ублажать — одна забота,
Горы пирогов и бочки пуре,—
Не свои ль справлять решили свадьбы?

Не к добру все это! Зажирели
Деревень правители старшие!
Вы прислушайтесь к земле и лесу,
Как бы не нагрянула к нам битва,
Как бы кровью нам не поплатиться.
Как же Дуболго вы отпустили,
Ум и силу и защиту нашу?
Как же разрешили отлучиться
Из-за дел ничтожных и обманных?
Иль забыли норов Алаяра?
Кто попал к нему — тот не вернулся,
Кто с ним шел — без головы остался.
Сколько женщин он увел отсюда,
На невольничьих базарах продал.
Сколько нашего добра нагребил,
Сколько предал пламени селений?
Даже бог теперь не сосчитает,
Сколько душ им послано на небо.
Что вы ждете, попивая пуре?
Иль запомнил каждый покштя
Дуболго счастливые деянья,
Или дельные его советы
В наших головах легко постерлись?
До каких же пор терпеть мы будем?
До каких же пор лить слезы будем?
Что ж на Алаяра не идете?
Разве нет у вас парней хороших?
Разве молодцев не наберется?
Аль боитесь — одолеть не сможем,
Зубы редкие ему не выбьем?
О, в лесах медведей нет, которых
Человек освежевать не смог бы.
Кликните же наших дюжих парней,
Соберите силачей скорее,
Дуболго освобождать ступайте,
Удалого Сырезя верните!
Вы, старейшины, не забывайте,
Деревень правители, вы знайте:
«Кто в большой беде оставит друга,
Тот в сто раз их больше испытает».
Смолк Жувар. Седой — само преданье.
Посмотрел сердито, повернулся
И к себе на пасеку подался.
Старики задумчиво молчали,

Провожая Жуварму глазами,
Сидя под разлапистой сосною,
Думали: как быть, за что же взяться...
Кашлянул Анжай, потом спесиво
Бороду широкую огладил.
— Опустили головы напрасно! —
Шелковистым голосом он начал.—
Зря, старейшины, огорчены вы,
Зря смутились. Да кого же слушать,
Чьим умом хотите жить и думать?
Жуварма давно ополоумел,
И одна труха в башке у деда.
Он и сам не разберет, что мелет.
Рассудите-ка да в толк возьмите,—
Есть нужда тревожиться так рано
О могучем Дуболго, по-детски,
Суетливо предрекать худое?..
Он из-за угла мешком-то пыльным
В детстве, как мы знаем, не попуган,
Ум его не поместишь в амбаре,
Наш наставник богом не обижен.
Наделенный богатырской мощью,
Сквозь огонь пройдет, пройдет сквозь воду..
...И не обожжется, не промокнет.
Ну, а если, говоря по правде,
Он и с Алаяром породнится,
Ничего зазорного не вижу,
Лучшего искать не доискаться.
Все мы заживем тогда спокойно,
О набегах вражеских забудем.
По домам идите, не заботьтесь
Ни о чем... А впрочем, как хотите..
Я же сыновей своих отправлю
Лес рубить, да корчевать, да поле
Расширять под рожь и под гречиху! —
Разбредались по домам старшие
С мыслью: «В поле дел у нас по горло!»
Но слова Анжая Пичегаю
Не пришлось по сердцу, он думал,
Думал, все же втуне согласился:
Дуболго умен, силен, смекалист,
И его, признаться, недруг в деле
На кобыле сивой не объедет...
Пичегай так исподволь, охотно

Сам себя и успокоил тайно.
В тот же день своих сынов здоровых,
Славных снох и дочь-невесту Ную —
Всех отправил в лес рубить деревья,
Раскорчевывать, жечь пни и сучья,
Под озимое готовить поле.
Звон в лесу, и шум, и треск, и крики,
Падают стволы под топорами,
Стаскивают их в бунты мужчины,
Женщины деланки расчищают,
Хворост жгут... Летаёт дым хвостатый.
Рядом с Нуей девушка Витова,
Бойкая, веселая соседка,
Закадычная ее подруга.
С детских лет росли девицы вместе,
Вместе пряли пряжу, вместе ткали,
Шили, вышивали, песни пели
И в лесу работали бок о бок...
Ну а Пичегай? Остался дома
Мысли передумывать чужие,
По двору слонялся удрученный,
Места не нашел, где притулиться б,
И к отцу на пасеку поплелся.
Мудрый Жуварма был недоволен,
Он стыдил за малодушие сына
И за то, что хвастуна Анжая,
Так же как другие, он послушал.
Пичегай ушел с тяжелым сердцем,
Беспокойство заползло в душу.
Чем он Гайрусе родной поможет?
Как он отстоит Сурскую землю?
Нишке паз, что с Дуболго случилось?

СКАЗ ДЕСЯТЫЙ

Дни идут, уже седьмого — полдень,
А от Дуболго вестей не слышно.
Истощилось у людей терпенье,
Дали волю горечи излиться.
И жена старейшины Вармава,
Верная, душевная, простая,
Стала причитать о нем тревожно,
У реки Суры сгребая сено.
Голос, выходивший со слезами
Из глубин души, дрожал скорбяще,
Звону колокола вечернего
Был подобен — и разнесся голос
По селу и по лесам окрестным,
Жег сердца односельчанам, память...
В нем звучало чувство опасенья,
Слышался печальный зов испуга.
В этом причитании Вармава
Вспоминала Дуболго деянья,
Проклинала всех мужчин трусливых,
Что, себя оберегая, в избах
Затаились, их и не увидишь,
И с собаками-то не отыщешь.

Сияжар в тот час сидел в амбаре,
Злой и хмурый от переживаний.
Нет, не осуждение угнетало,
А ошибка, мыслил, роковая...
Странно, как же он отцом не понят?
Как же батюшка уловку принял
За чистосердечье лиходея?
Сияжар отца ждал терпеливо,
Вот вернется, дескать, — разберется.
Иногда неясное сомненье
Все в груди горячей холодило...
Он задумчиво перебирал события.

Пах амбар нагретый смолою,
Вениками банными под крышей.
Почему-то в памяти мелькнула
Нуя, эта дочка Пичегая...
Но когда он услышал рыданье
Матери, в груди заглохло,
Дух зашелся, зверски кровь вскипела,
Дверь ударил, но не тут-то было,
Семь замков, семь сторожей, двойную,
Трехвершковую, ее хранили.
Как же быть, за что же ухватиться?
Бросился к стене, подsunул руки
Под венец первоначальный сруба,
Под бревно под нижнее — и начал
Поднимать, кренить амбар тихонько,
Еле-еле, чуть не опрокинул,
Повернулся под стеной и вышел,
Опустил амбар на то же место,
Будто и никто его не трогал.

Сияжар пошел, расправив плечи.
Под ногами прогибалась стежка.
По-особому, в три пальца свистнул —
Так он вызывал друзей надежных,
Истинных — Бурная и Гамзура.
Вот они втроем, соединились,
Вот идут по улице просторной
Дюжие, здоровые красавцы,
Под рубахами играет тело,
Под ногами их дорога гнется.
Вот они у дома Пичегая,
Поклонились старшему душевно,
Сияжар сказал, чуть виновато:
— Не простишь, покштя, меня, наверно,
Я опять, конечно, провинился,
Из амбара вышел, не спросившись.
Позже накажите, как хотите,
А теперь, прошу, меня поймите,
Не могу сидеть в пустом амбаре,
Если издали беда грозит,
Если люди на земле страдают.
Мы сейчас же лошадей седлаем.
Мы втроем на Волгу к Алаяру
Враз, без промедления, поскачем.

Нету злодеяний без коварства,
Нету волку волжскому доверья.
И отца, и брата мы разыщем,
Мы и перед смертью не отступим!

— Молодцы, вы похвалы достойны! —
Выслушав, старик воскликнул с чувством.—
Порицанье, Сияжар, не к месту.
Я и сам об этом сокрушаюсь,
Непрестанно думаю-гадаю,
Я и сам ночей не сплю, тревожусь
И покоя днем не обретаю.
Ох, недоброе, признаюсь, чую:
Добрый Дуболго наш терпит горе,
Тяжко Сырезь-юноша страдает.
Вам втроем не справиться с бедою,
Кинетесь, как в омут, на погибель.
Надо всем подняться, всем эрзянам!
Ты, Бурнай, садись на аргамака,
В лес скачи и мужиков скликай-ка
Всех — из ближних сел, из отдаленных,
Пусть домой скорее поспешают.
К вечеровой сосне, Гамзур, ступай-ка,
В колокол большой ударь... Всеобщий
Сход мы соберем, поход объявим.
Добрых молодцев возьмем с собою.
Все мы Дуболго искать поедем.
Сырезя освобождать помчимся.

К лесу аргамак понес Бурная,
В колокол Гамзур ударил спешно.
Волны звона тяжкого катились
Над Сурой, над селами, над лесом,
Беспокойный звон сзывал на площадь,
Поднимал и храбрых и трусливых,
Стариков и юношей задорных.
Звон! — со всех сторон спешили люди,
Звон! — со всех концов бежали люди,
К вечеровой сосне сходились люди.
Пичегай и Сияжар туда же,
Рассуждая, споро зашагали.
Не дойдя до места вечерового,
Увидали, будто наважденье:
По широкой — вдоль Суры — дороге

К ним летит конь-ветер знаменитый,
Конь, конечно, Дуболго. Но странно —
Девушка на нем... Она узнала
Изумившегося Сияжара.
Он по-соловьиному зашелкал,
И конь-ветер отозвался ржаньем,
Подскакал к нему, копытом стукнул
И в ладони нежно сунул морду.
Сияжар узнал, конечно, Зару,
Прыгнула она с коня устало.
Сияжар могучими руками
Поддержал ее, чтоб не упала,
Опустил на луг зеленый плавно.
Пыль на девичьем лице прекрасном,
Платье цвета трав весенних пыльно,
Порванное трижды на подоле,
А конь-ветер весь в зеленой пене.
Проходившие на вече встали,
Нет конца волненью, удивленью:
— Девушка, откуда прискакала? —
Зара, плача, утирая слезы,
Вспоминала, что отец наделал:
Дуболго томится в подземелье,
К каменной стене прикован подло,
Сырежь на невольничьих работах...
Прерывалась, ей мешали слезы,
Дух переведет — и снова слово...
— Алаяр с большой ватагой мчится
В вашу сторону — готовы будьте,—
Еле выговаривала Зара.—
Дуболго просил собраться вместе
И насильников оружием встретить,
Угостить наказывал, да так, чтоб
Им пути обратного не видеть.
Будьте здравы! Битвы вам счастливой!
Мне пора на Волгу возвращаться.
Где конь-ветер? Понесусь обратно...

Матушка родная Сияжара,
Услыхав о страшных муках мужа,
Тотчас же навзрыд заголосила,
Бабы все за ней запричитали
Жгущими до боли голосами.

Сияжар, родную утешая,
С ней стал неожиданно прощаться,
Он собрался мчаться вместе с Зарой,
Чтоб отцу помочь освободиться,
Чтобы выручить из плена брата.
— Милый молодец, спешить нужды нет,—
Зара озабоченно сказала.—
Что один ты сделаешь? Погибнешь!
Пользы никакой сейчас от шума.
Саблю наточи да приготовься
Встретить недругов. А мы там с мамой
Дуболго хорошему поможем,
Сырезю, быть может, купим волю.—
Зара выпила воды — и только,
Приторочили с едой котомку,
А конь-ветер тут как тут, как в пляске.
Зару посадили. И конь-ветер
С места прынул. И она обратно
Полетела по неторным тропам.

Зара в стороне одной исчезла,
А Бурнай, как гром, с другой — примчался,
Весь в крови, оборванный, землистый.
Он сжимал в руке тяжелой пику,
Видно, вырванную у ногойца,
Было острое в крови засохшей;
Поперек седла держал дубину.
Конь влетел в толпу недоброй вестью,
От которой сердце замирает...
А Бурнай на стремях поднялся
И что мочи было, крикнул людям:
— Бейте в колокол! Чего вы ждете?
Собирайте войско, войско, войско!
Мудрый Пичегай, будь тверже камня,
Будь ты, Пичегай, железа тверже!
Пали беды на твои седины,
Всю семью твою ногойцы взяли,
Там, где лес под поле вырубали,
Пижара и Виртяна скрутили,
Увезли Кемаля и Агура,
Повязали снох и дочку Ную,
И подругу Нуину Витову.
Рядом были рубщики другие,
Мимо не прошли — и их забрали,

Всех, кто был вблизи, — не позабыли,
Встретившихся на пути — схватили.
Прискакал туда я в миг отхода,
Изверги-ногайцы повели их
По лесной дороге... Тут я, люди,
Сам себя забыл и все на свете,
На последних кинулся с дубиной,
Думал, отобью Витову с Нуей,
Так махнул, что одному весь череп,
Как горшок, расколотил на скрылки.
А другого снес удар по ребрам.
Ну, тут тройка их со мной схватилась,
Пика грудь царапнула мне тоже,
Вырвал пик, заколол ногойца.
Пижар издали мне громко крикнул:
«Брось, Бурнай! Скачи в село скорее,
Расскажи там о набеге... Слышишь?»
Вот и прискакал с кровавой вестью... —
Он в сердцах дубину бросил наземь
И на пик крепкую оперся.
Он к луке седла устало гнулся,
Раны свежие кровоточили.
Бабы вновь запричитали жгуче,
Горький плач пошел от дома к дому.
Тихо слез Бурнай с коня на землю,
Поддержали руки Сияжара,
А красавицы-невесты сняли
Белые платки с голов и нежно
Смыли кровь, перевязали раны
Пальчиками мягкими, как будто
Милосердно боли утолили
Сильному и храброму Бурною.

Пичегай, старейшина, крепился,¹
Горе выдержал — глаза сухие,
Всю его семью и дочку Ную,
Младшую, любимицу, угнали
Бешеные, подлые ногойцы.
Он собрал мужчин села родного.
Он собрал всех молодцев удалых,
Он одних послал в леса в дозоры,
Он других отправил на разведку,
Где, откуда ждать им Алаяра;

Третьих тронул в дальние селенья,
Чтоб скликать и собирать всех вместе
Жителей — эрзянских землепашцев,
Чтобы войском биться с Алаяром,
Чтобы вызволить попавших в рабство,
Вырвать Дуболго из подземелья.

СКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

В час, когда заря распыхалась
И постерла звезды с небосвода,
Все мужчины Гайрусы сошлись
Посреди села. Шумела площадь —
Люди, словно тесный бор, стояли,
Все с оружием — мерцали пики
И вразброд позвякивали сабли.
Люди перешептывались робко,
Озабоченные, ожидали —
Кто их поведет на Алаяра.
Кто же? Некому на бой вести их.
Нет ни Дуболго, счастливой силы,
Нет и Сырезя, чью храбрость помнят.
Сияжар? Неустрашим, но молод.
Пичегай? Старейшина стал дряхлым.
Он умел молебствиями править,
Был наставником золотоустым,
Но меча и не держал ни разу,
Не натягивая в жизни лука,
Не убил стрелою и вороны.
— Что же? — недоумевали люди,
Волновались. — Долго ждать? Пора бы
Алаяра раздавить, как слизня.
— А иначе нас, как куропаток,
Алаяр взбесившийся ошиплет...—
В этот миг на потном иноходце
Вестовой от сторожей примчался.
— Слушайте, старейшины! К нам снова
Горе приближается, как туча.
Перешел уже Суру по броду
Алаяр с отрядом. К нам идет он!
Что же тут вы топчетесь на месте?

И опомнился тревожно старый
Пичегай. — Друзья, скорее в седла!

Не дадим к селу врагу прорваться!
Все за мной! — И тронули поводья
Молодцы, к Суре поворотились.

Вывался вперед на аргамаке
Сияжар, за ним Гамзур, а следом
На гнедом коне Бурнай стремился,
Боль недавних ран преодолая.
Все скакали к месту, где ногайцев
Видели посты сторожевые.
Пыль из-под копыт плыла хвостато.

Все остановились подле леса,
Смотрят вдоль опушки. По дороге
Им навстречу движутся ногайцы.
Ближе, ближе... Будто на ладони
Видны пешие и верховые.
Не стреляют. Как-то странно, тихо
Движутся, спокойно, словно воры.
Войско Пичегая затаилось,
Приготовило оружие к схватке.
Вдруг слышались мордовской песни
Радостные переливы, будто
Серебро бубенчиков звенело,
Будто заиграли лес и поле...
Все узнали нежный голос Нуи,
Голос мягкий ласковый Витовы.
Что за чудо? Что за наваждение?
Нуя и Витова? Да откуда?
Посмотрели все на вестового,
Что примчался с вестью о ногайцах.

Ожидające удивились
Пуще прежнего, когда к ним близко
Подошел отряд вооруженный.
Впереди ступали по дороге
Два коня бок о бок. Два высоких,
С гору Давол. Первый конь был сивый,
Чуть приплясывая, шел враскачку.
А на нем верхом из сильных сильный,
А на нем в седле из добрых добрый,
Из красивых молодцев красивый,
Богатырь незнаемый доселе.

Шлем его посвечивает солнцем,
И кольчуга вся блестит, как будто
Сотканная из лучей. И круглый
Щит, как полная луна, ошую.
Меч широк, почти до земли виснет,
Пика молнией вонзиться хочет
В толстый дуб, стоящий при дороге.
Конь потряхивает важно гривой,
Как река Сура волной косматой,
Уши чуткие играют дрожью,
А глаза мерцают, как зарницы.
Впереди седла у самой гривы,
Будто ягодка, сидела Нуя,
Свет-красавица, дочь Пичегая,
Пела песню о земле родимой
И букет цветов в руке держала.

Рядом, на другом коне, на карем,—
Верный друг его, из сильных сильный,
Богатырь лихой, из добрых добрый,
У него такое же оружие,
У него такая же кольчуга,
И такая ж участь боевая.
Впереди него, у самой гривы,
Тоже красна девица сидела,
Ласковая, милая Витова
И подружке Нуе подпевала.

А за ними — воины с оружием,
Люди пешие и верховые,
Женщины, мужчины — вперемежку,
Славные невестки Пичегая
И соседки их, односельчанки,
Вертян с Пижаром с боков — верхами,
Добрые два сына Пичегая,
С ними парни, их односельчане,
Все на лошадях. Ведут ногойцев,
Тех, что подло так на них напали
И готовы были увести их
На торги, чтобы продать там в рабство.
Но судьба переменялась круто,—
И теперь жестокие ногойцы,
Сброшенные с лошадей, дорогу
Мерили ногами... Два отряда

Сблизились — и радость опьянила
Старого седого Пичегая.
Два коня остановились сразу,
Нуя быстро соскочила наземь
И на шее у отца повисла.
И Витова соскочила наземь,
К своему родному подбежала.
Сколько слез и сколько ликованья!
Пичегай растроган и растерян,
Подошел к богатырям и молвил:
— Вы спасли родных и близких наших!
Так кому же поклониться низко,
От души кому сказать спасибо?
Кто вы? Как вас величают, други?
— Это русские! — сказала Нуя.—
Этот, что на сивом, добрый Слава,
Этот, что на карем, звать Вольгою,
Из Руси они пришли с дружиной.
И когда повязанных нас гнали
По лесу поганые ногойцы,
Плакали мы тяжкими слезами,
Убивались — и, на счастье наше,
Русские случились недалеко,
Услыхали плач — и прискакали,
Увидали нас — и на поганых
Кинулись с оружием и отбили,
Выручили всех нас из неволи.—
Пичегай прижал ладони к сердцу,
Всей дружине русской поклонился.
— Молодцы Руси, примите наше
Пребольшое братское спасибо!
За отважную за доброту нам
Чем же одарить вас, удалые?
Что попросите, то и дадим вам,
Претворившим наше горе в радость.—
Слава перемолвился с Вольгою.
И в усы лукаво улыбнулся.
— Если бы вы баню истопили,
Веником попарились мы славно б...
Опосля попробовали б пуре,
Говорят, оно у эрзи хмельно.
Отдохнуть бы стоило немного,
Растянуться на сухой соломе,
Кости отошли бы от истомы.

— Так въезжайте в Гайрусу гостями,
В наше хлебосольное селенье,—
Пичегай повел рукой радушно,—
Будет баня, будет стол и пурел!

У околицы они остановились.
Из домов повысыпали люди,
Из окрестных сел спешили толпы,
И на берегу Суры мордовской
Стало тесно и широкошумно.
Вдруг все расступились — и возникла
Перед Славой мать спасенной Нуи
И его коню с седою гривой
Благодарно поклонилась в ноги.
Тут бы песни петь, затеять игры
В честь счастливого исхода горя,
Но, как вихри, вестники тревоги —
С трех сторон примчались вестовые.
Сообщили: «Алаяр кровавый
Вновь в лесах мордовских объявился.
У засек сторожевых он рыщет,
С ним людей, ну, как в лесу деревьев,
Он, должно, готовит нападение...»

Обратился Слава к Пичегаяу:
— Что за Алаяр, что за насильник? —
И старейшина ответил Славе:
— Враг наш лютый. Он — мурза ногоайский.
Дом, что крепость, у него на Волге,
И оттоль набег совершает...
Им пленен обманом, брошен в яму
Дуболго, наш богатырь мордовский,
Жертва подлости и вероломства.—
Пичегай хотел рассказ продолжить,
Но прервал его глубокий старец
Жуварма, старейшины родитель,
Подошедший тихо с внучкой Нуей.
— Сын мой Пичегай, ты ныне главный,
А не можешь повести на битву,
Ты молебствиями правишь лучше.
Не с руки тебе вожденье войска.
Сын мой, до добра не доведут нас
Нерешительность и ожиданье,

Это разореньем угрожает
Гайрусе, обапольным селеньям.
Кровожаден Алаяр и злобен,
Нам его не остеречь молитвой,
Нам его не упросить мольбою,
Золотом — и тем не откупиться.
Пристальной взгляни на Сияжара,
Разве в бой не может повести он?
На Суре теперь он самый сильный,
Самый смелый, самый храбрый парень.—
И, оборотясь лицом к народу,
К воинам, взволнованно стоявшим,
Жуварма что было силы крикнул:
— Молодцы, а почему в сражение
Вас не повести бы Сияжару?
Сын любимый Дуболго, он с вами,
Верю, уничтожит Алаяра.
— Сияжар! Пойдем за Сияжаром! —
Жуварме откликнулись, как эхо,
Сотни зычных глоток.— Мы готовы!
Мы с ним одолеем негодяя!

Пичегаю от многоголосья
И приверженности к Сияжару
Тяжело, не по себе вдруг стало.
И глаза старейшина потупил,
Голова седая наклонилась.
Понял он, молебствия творивший,
Знавший как пять пальцев ритуалы:
Кто мечом в сражение не владеет,
На того надеяться не могут.

Слава видел, что происходило,
Как душа народная кипела...
— Славные старейшины! — сказал он,—
Люди Гайрусы-села! — добавил,—
Выслушайте и не обессудьте.
Через здешние леса густые
Мы идем на берега Свияги,
Посланы царем Иваном Грозным
Супротив ногайцев... Может, вместе
Выгоним мы недруга отсюда?

Сияжар за всех парней ответил:
— Мы пойдем всегда бок о бок с вами,
Через реки бурные — мы с вами,
Сквозь огонь бушующий — мы с вами,
Как один, плечо к плечу, — мы с вами,
Не попятится никто из эрзи!
— Не попятимся! — вскричали парни.
— Ни на пядь! — рвалось из сотен глоток.
— Сообща в непримиримой битве
Голову снесем мы Алаяру! —
Мудрый старец Жуварма седую
Бороду раздумчиво огладил,
Брови вскинул, обратился к Славе:
— От всего народа я прошу вас,
Будьте старшими в бою великом,
Будьте братьями народу эрзи,
Честным сыновьям его и внукам,
Правнукам веселым и отважным.
Пусть всевышний в предстоящей сече
Всем вам — русским, эрзе, — сил прибавит,
Чтобы вы неуязвимы были,
Чтобы вы непобедимы были,
Чтобы Дуболго освободили,
Здравыми бы в Гайрусу вернулись! —
Мудрый старец поклонился Славе,
И его широкий меч булатный
Он поцеловал благоговейно.
Мудрый старец обнял Сияжара,
И его эрзянский меч каленый
Он поцеловал благоговейно.
— Жаль, что баню истопить не время.
Враг не дремлет! — Жуварма промолвил. —
Женщины! А вы еду готовьте,
Накормите молодцев досыта!
Старики, вы принесите пуре.

И откуда что взялось! Волшебю
На поляне, цветшей узорочьем,
Стол накрыли, задымились яства,
Соты с медом с пасеки прислали,
Бочки пуре крепкого открыли,
Угощали молодцев радушно,
Во серебряных ковшах им бражку
Красные девицы подносили,

На подносах золотых им яства
Нежные молодки подавали.
Пичегай сам разливал им бражку,
А невестки потчевали медом.
Пили-ели и Вольга и Слава,
Пили-ели воины дружины,
Пили-ели Сияжар с Бурнаем
И Гамзур, усердно, честь по чести.
Мудрый Жуварма лишь улыбался,
Глядя на согласное застолье.
А Вольга искал Витову взглядом,
И Витова взглядом отвечала,
Издали друг другу улыбались.
Ах, улыбки — тайные подарки!
А когда шла мимо с блюдом яства,
Он ей слово ласковое молвил.

Все насытились. Запели песни.
Солнце с полдня тихо покатилося.
Вестовые снова прискакали,
С горечью сказали Пичегаю:
— Алаяр к Суре подходит с войском...—
Молодцы переглянулись мигом,
Поднялись из-за стола все разом,
Как дубы, сильны, широкоплечи.
Давол — древняя гора — с испугом
Ветками дерев зашевелила.
Вышли стройные они — и сосны,
Что росли недалеко издревле,
Будто с завистью на них глядели,
Все же молодцам добра желали...

Надевали молодцы доспехи,
Проверяли грозное оружие,
Оседлали скакунов, чье ржанье,
Будто гром, раскатывалось в небе.
Только младший сын Анжая струсил,
На болезнь какую-то сослался,
На Андымо искоса взглянули
И отправили домой с присловьем:
«Гадкая бурьян-трава не радость,
Только засоряет чисто поле».
А Витова, нежная Витова
Подошла к Вольге, взялась за стремя,

И платок шелковый подарила,
Ею ярко вышитый с любовью,
И зеленую баскую ленту
В гриву скакуна вплела на счастье.
И взлетели лихо парни в седла,
Гикнули — да так, что до-олго эхо
Целый день под небом раздавалось.
И ударили копыта в землю,
И через Суру перемахнули,
В дальние леса помчали кони
Сияжара, и Вольгу, и Славу,
И Гамзура, и Бурная, с ними
Воинов и русских и эрзянских,
Чтоб мечи каленые обрушить
На врага, на головы ногайцев,
Чтоб не дать ступить на землю эрзи
Волчьему насилью Алаяра.
Гайрусу томило ожиданье.
Сестры, жены, матери и дети
Слышали, казалось, крики битвы...
Старый Жуварма молился богу,
Помощи просил и силы духа,
Помощи — в борьбе с врагом коварным,
Помощи — в борьбе за все родное:
За леса, за земли, за деревни,
Чтоб спасти от гибели народ свой.

СКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Ночью лунной Сияжар и Слава
Провели тайком свои дружины
За рекой Сурой в глубины леса.
И когда заря над ними встала,
Спешились — и отдохнули малость,
Сумы переметные открыли,
Ели всё, чем их в селе снабдили,
Запивали ключевой водою.
На три части войско разделили:
Две дружины и отряд особый.
С первою дружиной — главным Слава,
Со второй — Бурнай с Гамзуром вместе,
А с отрядом — Сияжар с Вольгою.
Думали-гадали, как им лучше,
Как удобней встретить Алаяра,
Где и как сойтись с врагом в сраженье,
Учинить разгром ногайцам полный
И урону понести бы мало.
По пути к сближенью с Алаяром
Выбрали у самого оврага,
У глубокого крутого яра
Поле боя — длинную поляну,
Клином вытянутый луг-пролесок,
Где, травкою скрыта, проходила
Старая торговая дорога,
Где не раз на отдых, вероятно,
И разбойники располагались.
Вся середка избранной поляны
Оставалось голой и свободной,
С двух сторон ее, на двух закрайках,
Супротив друг друга разместились
Две дружины — Славы и Бурная,
Как готовые сомкнуться клещи.
Воины, к побоищу готовясь,
Выбрали удобные укрытья,

Где и днем с огнем их не разыщешь.
Многие залезли на деревья,
С луками на сучьях примостились.
А навстречу Алаяру глухо,
Немо двинулся отряд особый
Во главе с Вольгой и Сияжаром,
Чтобы заманить в ловушку хана,
Как в капкане сжать его смертельно.
Впереди — разведчиков пустили.
Старая заросшая дорога
Прямоком вела, петляла в чащах,
Распадалась кое-где на тропы
Меж дубов, меж сосен и овражков.
Наконец разведчики вернулись, —
Голоса ногайцев услышали.
Алаяра войско отдыхало,
Набиралось сил перед набегом.
Нет, не думал хан, что он разгадан,
Что о нем все в Гайрусе узнали,
В путь разбойный тронул всех спокойно.
В это время Сияжар с Вольгой
Наскочил с отрядом на ногайцев.
Бой запылал и разгорелся,
Лес стонал, и колыхалось небо.
Сияжар с Вольгой хитрили с толком,
С недругом умеючи сражались,
Берегли своих людей — и мерно
Сквозь лесные чащи отступали.
Алаяр, как дьявол, взбеленился,
Чуя, что противник слаб, отходит,
Ринулся старик, чтоб с ним покончить,
Бешено старик вперед стремился,
Понукал он войско беспощадно.
Каждый шаг коней между деревьев
Обходился дорогою ногайцам —
Падали порубанные наземь;
Все-таки спешили, лезли слепо,
Путь очистить бешено хотели,
В Гайрусу богатую прорваться
За добром за даровым, эрзянским.
С боем, постепенно и толково
Сияжар с Вольгой врагов манили,
Втягивая, как в мешок, в пролесок,
Где их слева ждал сурово Слава,

Справа — радостно Бурнай отважный.
И когда ногойцы на поляну
Ворвались, тесня отряд особый,
С двух сторон ударили дружины!
Вот где разгулялось их оружие!
И ополоумели ногойцы,
Их кололи пиками — навывлет,
Их рубили саблями и били
Цётмарами тяжкими из дуба,
А с деревьев стрелы вниз летели,
В их тела, как молнии, впивались.

Русские с эрзянами бок о бок, —
Молодцы неистово сражались,
Ни на пядь нигде не отступали,
Слава впереди, Вольга с ним рядом,
Сияжар в кромешной гуще боя,
Кони на дыбах под ними — ржали.
Сабля вправо — и башка катится.
Сабля влево — и летит другая,
Сабля прямо — и душман разрублен
Вплоть до паха, на две половины.
А Бурнай, как черт, на аргамеке
Посреди сражения носился,
Он копытами коня давил их,
Сабля тоже соколом летала,
Сабля по-эрзянски откликалась
Звонкой сабле храброго Гамзура.
Двум друзьям отчаянно хотелось
С Алаяром бешеным схватиться.
А ногойский хан таился сзади,
Охранял дорогу к отступленью,
Заворачивал назад бежавших.
Глядя на побоище, он понял,
Что в ловушке войско оказалось,
Храбрецы отборные побиты,
Не осилить здесь чужую силу,
Крикнул трижды во всю мочь и начал
Пятиться назад, стал вырываться
Из побоища с остатком войска.
Отступив, ударился он в бегство,
Без оглядки мчался меж деревьев,
Удирал без памяти от смерти.

При таком-то бегстве среди леса
Добрый Дуболго его и встретил.
— Отчего так быстро, мой владыка? —
Удиравшего спросил с усмешкой.—
Наши парни, видно, угощают
Горячо? Постой! Зачем спешить-то?
Отблагодарить тебя мне нужно
Без обмана и без чародейства
За гостеприимство в подземелье.
Саблями потолковать придется! —
И, как лев, набросился на князя.
Алаяр мгновенно увернулся,
И ногойцы обнажили сабли.
Звон пошел, оружие заискрило,
Дуболго рубил их острой саблей,
Конь давил копытами ногойцев.
О, конь-ветер, ржанье было громом,
Лес шатался, вздрагивало небо,
Дрожь земли была такая, даже
Давол, знаменитая гора та,
На три локтя, говорят, осела.
Дуболго срубил ногойцев много.
Да и сам в крови, горели раны...
Алаяр со стороны, как раньше,
На своих покрикивал: то храбрых
Ободрял, то обзывал несмелых.
Как ни бился Дуболго, а все же
Окружили пиками душманы,
Ни вперед и ни назад податься,
И не убежишь и не отступишь,
Всюду смерть оскалилася остро.
Рубит Дуболго ногойцев справа,
Колет Дуболго ногойцев слева,
Тех, что лезут сзади, конь лягает,
Тех, что спереди,— ногами давит.
— Взять живым, живым ко мне доставьте! —
Алаяр вскричал, слюною брызжа.
И арканы мигом промелькнули,
Петлями стянули великана.
Сабля! Разрубил арканы — воля!
Два еще, как змеи, обвилися.
Наконец его с седла стащили,
На него голодной волчьей стаей
Бросились... Но — громом прискакали

В этот миг и Сияжар и Слава,
И отряд особый, поредевший.
Кони их могучие втоптали
В земь навек ногойцев Алаяра,
Лес от ужаса стонал и плакал,
Охал, кликал и шептал проклятья.

Слава с Дуболго поснял арканы,
Сияжар помог отцу подняться...
Алаяр, как их завидел вместе,
Прискакавших, будто смерть, по следу,
Вмиг исчез, как ветер,— и на Волгу!
Удирал, назад не глядя мчался,
Света впереди себя не видя,
Он скакал с закрытыми глазами...
А от войска малые остатки,
Уцелевшие случайно люди
Разметались кто куда по тропам,
Кто верхом спасался, а кто — бегом,
Только бы побоища не видеть,
Крика бы смертельного не слышать.
Далеко гнались в лесу за ними,
Добивали Сияжар и Слава,
Коль кого догонят — так на пику,
Сдастся сам — в полоне оставляли.
Так и отогнали Алаяра,
В логово свое ушел, на Волгу.

СКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

Так и отогнали Алаяра,
Злобного врага, ушел на Волгу;
И спасли Сурские земли, села,
Жителей от грабежа и пала.
И средь леса стали три героя:
Дуболго в крови, с ним рядом Слава,
Храбрый Сияжар в пыли, всклокочен,
Вытерли травой мягкой сабли
И вложили их спокойно в ножны.
На лихих коней, поправив седла,
Сели и неторопливо, тихо
Тронулись назад сквозь лес дремучий.
Победители! Куда спешить им?
С грустью на загубленных смотрели.
Сколько раненых, а сколько пало
Из-за жадной злости Алаяра!

Мертвые с живыми на поляне,
Стоны раненых, их зовы, вздохи...
Жалобно стонала вся округа.
Прибыл Пичегай на поле боя,
Павших соплеменников искал он,
Перевязывал живым их раны,
Останавливая кровь, и словом
Утешал заботливо, как малых,
Как детей родимых обнимая,
Вся природа, мнилось, горевала,
Лес постанывал, и солнце скрылось,
Тучи потемнели, лили слезы...

Пичегай увидел: выезжали
На поляну трое — и заплакал,
Заспешил усталый им навстречу,
Обнял Дуболго старик, как сына,
И поесть повел его скорее
В рощу тихую в конце пролеска.

Дуболго слабел, томила жажда.
В это время пенистое пуре
Привезли сюда в огромных бочках,
И приехало старейшин много.
Угощали Дуболго с любовью,
Выпил ковш серебряный, и вытер
Пот с лица, и сел на пень устало,
И легко вдыхал он воздух вольный
Он сказал слова благодаренья
Умному, бестрепетному Славе,
Сыну удалому Сияжару,
За свое освобожденье в битве,
За спасенье Гайрусы богатой.
А затем все тронулись в дорогу,
В Гайрусу поехали родную,
Раненых бойцов везли на конях,
На руках несли всех смерть принявших
А врагам побитым — лес приютом...

На зеленой площади просторной
Павших смертью храбрых положили,
Чтобы женщины могли оплакать,
Чтоб народ скорбяще мог проститься.
На лугу их всех похоронили.
Победителям в тяжелой битве
Отдохнуть велели хорошенько.
Славу и Вольгу, отважных русских,
Дуболго позвал душевно в гости.
Ах, сперва была какая баня,
Пар березовый ходил душисто,
Опосля еда и пуре хмельно
Воинскую душу веселили.
Их в сарае рядом уложили
Спать на духовитом сеновале,
Как три брата, мягко и спокойно
Слава, Сияжар, Вольга уснули.
Ночь текла — и спали без просыпа,
И здоровыми все утром встали.
Вскоре пригласили их на сходку.
Люди площадь всю заплотонили,
Собрались земель присурских люди
Выразить души благодаренье
Победителям в тяжелой битве,

Им, избавившим эрзян от злобы
Лютото врага, сказать: спасибо.
Жуварма старейший с возвышенья
Ласково к народу обратился:
— Сельские властители, старшины,
Люд эрзянский, мирный, добронравный,
Вы послушайте, что я скажу вам,
Посоветуйте, как быть теперь нам,
Как вы скажете, так и свершится...
Дорогие гости уезжают,
Уезжают храбрые сегодня,
Как же отпустить их, проводить их,
Как же от души не наградить их?
Чем, скажите, люди, заплатить им?
Серебром ли, золотом ли звонким?

Встал тогда на возвышенья Слава:
— Вся цена в гостеприимстве вашем,
Вы попарили нас в жаркой бане,
Крепким пуре досыта поили,
Вкусно, празднично мы пили-ели,
Вам спасибо, славные эрзяне!
О какой же плате говорить-то?
Мы друзья, нас обижать не надо,
А то в гости заезжать не будем.
— Но тогда позвольте от души нам
Подарить вам девичьи подарки.—
Тут вмешались Нуя и Витова.
Слава не успел и догадаться,—
На плече его на богатырском
Оказалась белей пороши
Девушкой расшитая рубашка.
Это Нуи ласковый подарок.
А сама она склонилась низко.
И земли тихонечко коснулись,
С плеч упавши, золотые косы.
Слава взял белей снегов подарок,
С вышивкою, сшитую умело,
Девушкой даренную рубашку
И красивой Нуе поклонился.
— Золотая девушка,— спасибо!
Дочь любимейшая Пичегая,
До женитьбы сберегу подарок,
Лишь на свадьбе я ее надену.—

А Вольге Витова подарила
Вышитую белую рубашку,
Да платочек, да, наверно, сердце...
А за нею девушки другие
Клали расписные полотенца,
Петухи на них, ну, как живые,
Аж за курами готовы мчаться!

— А теперь послушайте другое! —
Мудрый Жуварма тревожно начал. —
Верно Слава убеждал вчера нас,
Эту взбучку Алаяр запомнит,
Мстить нам попытается жестоко.
Вновь, поди, мечтает о набеге,
Говорит небось, примчусь и дымом
Сделаю засурские селенья.
Если мы дорог не перекроем,
Если мы заслона не поставим,
Он наведываться будет часто.
Все закрыть — и не оставить щели,
Чтоб и пальца он не мог просунуть!
А нельзя ли молодецков собрать нам?
А ведь можно добровольцев кликнуть,
Может, полк, а может, два — найдется,
Вместе с русскими поставить рядом
Охранять селения Присурья.
Сельские старейшины, как быть нам?
— Молодцов послать в леса пора нам! —
Первым крикнул Пичегай старейший.
— И к Суре не подпускать злодея. —
Сильный Дуболго вослед добавил:
— Верно! Лучшего и не придумать! —
Все старейшины их поддержали. —
Русских воевод спросить бы надо...
Как, богатыри, согласны с нами?
— Сами помните, вы все видали, —
Речь повел отважный русский Слава, —
Хан силен и воевать умеет.
Вам его не обуздать, пожалуй.
Усмирим разбойника совместно,
Мы с Вольгой, с дружинами своими
Недалече тут, мы Русь родную
Охранять должны, так царь велел нам.

Наши земли смежные, пошто бы
Вместе нам не стать одним заплотом
Супротив разбойников ногайцев.
Гляньте, храбрецы у нас какие,
Биться могут, побеждать умеют.
Путь им к отступлению неведом.
Вас, старейшины, я надоумлю.
Собирайте молодец скорее
Да в засеках ставьте с нами рядом.
Пресечем дороги Алаяру!
— Дельно, дельно! Слов не надо больше! —
Дуболго обрадовался.— Злыдень
Слушается только острых сабель,
Речи не страшают Алаяра.
Молодцы, сыны родные наши,
Жувармы слова в сердца запали?
Кто их принял, пусть со Славой станет,
Кто не понял,— пусть уходит на печь.

Первым Сияжар встал с воеводой,
Богатырь-силач,— как ладно скроен!
Нуя в этот миг лишь разглядела
Хорошо его — какой он сильный!
Сердце к парню так и потянулось,
Улыбнулась и рукой махнула...
Сияжар ее и не увидел,—
Он был занят торжеством момента,
Мысль вилась вокруг иного дела,
Сердце Нуи чаще застучало,—
Ах, любовь, она уже горела!..
Выбежал Бурнай за Сияжаром,
Тоже встал, а вслед Гамзур, конечно,
И пошли — такие ж молодые,
Смелые, переполняя площадь,
Вдоль реки, рядами, ровно строясь.
Набралось их, мужественных, сильных,
Не один, не два полка — четыре!
Дуболго и воевода Слава
Обошли их, назначая старших:
В первый полк послали Сияжара,
Во второй — отважного Бурная,
В третий — беспокойного Гамзура.
А в четвертый — сам Вольга решил.
В Гайрусе три дня шло обучение.

Всадники кололи и рубили...
А потом и Дуболго и Слава
Воинов в густых лесах засурских
Расставляли близ дружины русской.
Так перед ордою Алаяра
На путях на Гайрусу возникли
Зоркие посты сторожевые...

А покамест молодцы учились,
Нуе захотелось повстречаться,
Вечером увидеть Сияжара,
Даже приготовила подарок,
На котором нежною рукою
Вышита была девичья тайна...
А Витова, нежная Витова,
Вышила Вольге подарок тоже.
Вышли под луной они на берег,
Где скакали парни до заката,
Подарить подарки не успели,
Парни были на ночных ученьях...
Значит, их желанье захватило
Ловко, опытно владеть оружием,
Дабы на порог земли родимой
Ни единый враг не ступил бы!
Утром люди из сурских селений
Провожать свои полки собрались,
Крепкого здоровья и удачи
Попросили воинам у бога.
И Витова встретила с Вольгою
И ему открыла тайну сердца...
А у Нуи вышла беда —
Сияжара и не повидала,
Все ж передала ему подарок,
Где все чувства, вышитые ею...
Понял ли он их, известно богу.
Ожидать лишь девушке осталось,
Выходить на берег вечерами,
Вспоминать ей молодца лихого,
Про любовь рассказывая песней.

СКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Отодрали Алаяра крепко,
Но схватить его не удалось им.
К неудаче он приноровился,
Вроде успокоился — не слышно.
Робко в логове своем сидел он,
Мстить ли собирался, нет ли, — только
Никаких вестей не долетало.
Но принимался, слал ищеек,
Кто же супротив — узнать хотелось.
Время шло. Перемещались птицы.
И леса росли, и дули ветры,
И Сура текла, как прежде, тихо.
Успокоились давно селенья,
Каждый житель занимался делом,
Не страшился, знал, что есть защита.
Люди сеяли, ковали, пряли,
Лес рубили, расширяли пашни,
Брали мед, медведей добывали,
Опосля страды играли свадьбы.
Высока и бдительна охрана,
Молодцы — заплотом нерушимым,
Даже птицы хищные боялись
Пролетать над ихними постами.
Ворог колоска в полях не тронул,
Ветки не сломал в лесах присурских,
Рыбки из Суры-реки не вынул.
Никого в обиду не давали.
Все враги премного опасались,
Сторонились воеводы Славы
И воинственного Сияжара,
Удирали от Вольги с Бурнаем.
Слава молодцев учил сражаться,
Биться на коне, пешой — искусно,
И встречать ногайские отряды.
В Гайрусу наведывался часом,

Со старейшинами вел беседы
О Руси, о странах сопредельных,
Сам советовал, у них учился,
Ковшик пуре выпивал с устатку.
И Вольга передавал умение
Молодцам-соратникам смышленным —
Пикую орудовать каленой,
С толком саблею распоряжаться,
Разрубать захватчика до паха,
Чтобы сам разваливался дальше.
Наставлял он весело, с улыбкой:
Если показался враг, негоже
На него переть напропалую,
Хитростью сперва веда к ловушке,
Пусть он прыгает от нетерпенья.
Сияжар постиг науку быстро,
Как сражаться против большей силы.
Стал Бурнай отчаянным рубакой,
По лесу ходил, играя саблей.
Размахнется раз — сосна ложится.
Размахнется два — и дуб на землю.
А Гамзур с дружинниками — стайей,
Соколами всадники летают,
До небес взвиваются, до солнца,
В воду опускаются, как рыбы.
Трое их — богатырями стали!
И наставникам Вольге и Славе
Первые помощники и други.

А Вольга — он в Гайрусу частенько
Наезжал, его ждала Витова.
Чем дышали и о чем шептались
У реки Суры за вечерней,
Разве сосны вздумают поведать,
Больше ничего никто не знает.
Правда, слухи были, мы слышали,
Будто бы засватана Витова.
И теперь она Вольги невеста.
Будто бы отец Вольги недавно
В Гайрусе был у отца Витовы,
Будто к свадьбе бражку заварили,
Но не удалось той выпить бражки
И женить Вольгу не удалось им.
Время хлопотливое назрело,

Дело государское припело,
Двигались войска царя на Волгу,
Ратное докатывалось эхо.
Люди поднимались из-под ига
Лютовавших на миру ногаев.
И любимым нашим воеводам
Славе и Вольге без промедленья
Было велено прибыть на Волгу,
С ними быть и поспешать Бурною,
Силачу Гамзуру с храбрецами.
На засеках мало сил осталось,
За старшего Сияжар — и только.
Как тут быть без доблестного Славы?
Он — наставник умный и толковый,
Одному-то как справляться с войском? —
Думал Сияжар и сокрушался.
Потому он и просился с ними...
— Друг мой, не надолго расстаемся, —
Слава говорил, когда прощался. —
Мы нужнее там... Дела большие!
И тебе нелегкая забота
Здесь в лесах дремучих остается.
Верно, мало боевых отрядов,
Не горюй, зато в сраженьях стойки.
Алаяр сюда не сунет носа,
Этой стороны лесной боится,
Если сунет — разгромишь, я верю.
Помни об уловках и капкане.
Скоро мы все вместе соберемся...
Все же Алаяр нам попадется...
Впрочем, с Волги удерет и сам он.
С гончими, ей-богу, не догонишь...

Да, уехали — никто не видел,
В полночь тронулись — никто не слышал.
Нет, Бурнай с Гамзуром попрощались
В плотной мгле по-братски с Сияжаром...
Сияжар с судьбою примирился,
Надо же кому-то оставаться
Охранять селения Присурья.
Здесь же тоже предводитель нужен,
Дело знающий, умелый воин.
Сияжар так и остался старшим,
Под его рукой отряды храбрых.

За плечами — города и села,
Все живут, ему спокойно веря.
Только сам не ведает покоя,
Только сам в седле и днем и ночью,
Лат железных парень не снимает,
По три скакуна на дню меняет,
Разве что поест с коня слезает
Или остановится напиться.
В Гайрусе ни разу не бывал он,
Каждодневно по отрядам ездит,
Так из одного в другой и скачет.
А дозорные привозят вести:
Появляться начали ногаи,
Нет-нет да покажутся отряды,
Алаяр, зная, что-то затевает,
Вызвать хочет, здесь какая сила...

Сияжар в одном отряде как-то
Встретил сына богача Анжая,
Парня трусоватого, Андямо.
Станным показалось Сияжару
Появление в отряде труса,
Он расспрашивал его сердито,
С недоверьем выслушал Андямо:
— Вместо Лутмы, — тот сказал, — приехал,
Несть охрану буду вместо Лутмы.
Он отцу в хозяйстве помогает,
Дел-то по двору у нас немало,
Да и в доме — справиться не можем...—
Пасынок, которого не любит?
А зачем мне этот боязливый?
Сияжар гадал — пожал плечами
И махнул рукой, забыл об этом.
Между тем ногайцы появляться
Стали чаще, затевали стычки.
Алаяр, видать, зашевелился.
Он кого к засекам ни послал бы,
Возвратиться им не удавалось,
После схваток души их летели
Прямо на тот свет, и без помину.

А в присурских городах и селах
Имя Сияжара рassiялось,

Не сходило с уст, и даже в песнях
Как богатыря боготворили,
В сказках поминали, как героя.

Успокаясь, Сияжар поверил,
Что его не одолеть ногайцам,
Устоит до возвращения Славы,
Сколько б Алаяр ни напрягался.
Молод Сияжар был и не ведал
Мудрого народного присловья:
«Кто в свои поверит силы слепо,
Тот жестоко может просчитаться».

СКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

В Гайрусу Вольга тайком к Витове
Приезжал, с красавицей встречался...
Нуя огорченно, одиноко
Вечера в томленье проводила,
Жарко ожидала Сияжара.
Нуя от любви похорошела,
Как цвeток весенний на опушке.
Каждодневно приходили сваты
И ни с чем, конечно, уходили,
Парням всем отказывала сразу.
Говорил с ней батюшка сердечно,
Умоляла матушка родная,
Снохи их — улещивали пряно,
Уговаривали выйти замуж.
Но она и слушать не хотела,
Лишь о Сияжаре мысль томила.
Ожидала днем — не появился,
Ночью — он и голоса не подал.
На берег ходила, пела песни,
Но на зовы любящего сердца
Сияжар, к прискорбью, не ответил,
Летний лес лишь эхом отзывался...

Нет, поступок Нуи не подсуден:
Разыскать решила Сияжара.
В теплый день, когда играло солнце,
На берег Суры пришла, разделась,
В воду мягкую себя толкнула,
Плавала, ныряла и играла,
Будто солнышко на синем небе.
Вышла из реки и улыбнулась,
На песке на желтом, разогретом
След ее прекрасных ног остался,
Будто на подарке дорогому
Сладострастно вышитые чувства.

Солнечные волосы игриво
Лебединым жестом распустила
По плечам, по зоревому телу,
Звездами с них покатались капли
На песок на желтый, на горячий.
Подняла с песка свою одежду,
Перешла по броду на тот берег,
Оглянулась и полюбовалась
Вечностью реки Суры бегучей.
В лес вошла, в руках держа одежду.
Перед озерцом попридержалась;
Истомленная мечтой, нагая,
На поляночке в кругу березок
Возле пня сосны, давно погибшей,
Белую рубашку разостлала
На зеленой травке меж цветами
И легла сама, едва накрывшись.
Впрямь звезда на это место пала!
У березок исчезли тени,
Осветило золотистым светом,
Улыбались сосны, зацветая,
Яблоки на дубе покраснели,
Опустились веточки березок,
Ную мягкою листвою накрыли.
Лес не видел девушки подобной,
Будто небо уронило чудо
Освещать деревья вековые,
Нуя нежилась и улыбалась
И свое оглядывала тело.

Тут-то и случилось наважденье,
Удивительная в мире небыль.
Все дубы, которые видали,
Сосны все, которые следили,
Если не поверите мне, часом,
Их спросите — скажут, не обманут.
Бегал по лесу медведь, был ранен,
Здоровенный рост, с коня, пожалуй,
А в спине его стрела торчала
Молнии отточенной и жгучей;
Бегал он, искал успокоенья,
Режущая боль сильнее ожога,
Будто бы живьем сдирали шкуру,
Не добыл ни капли исцеленья.

Гнев медвежий утолял он тем, что
Выворачивал деревья с корнем,
Мстил за боль, вонзившую в спину,
Гнев медвежий весь в нем всколыхнулся,
Зарычал как бешеный, широко
Пасть распылил и к реке помчался
Охладить и успокоить рану.
Вот и наскочил он на поляну,
Где спокойно отдыхала Нуя,
И цветы дивила красотой,
И воображала Сияжара.
Девушку раздетую увидев,
Злобно заревел медведь, скрипуче,
Скулы затряслись, повисли слюни,
Бросился загрызть на месте Ную.
Нуя обомлела и застыла.
Только грудь рукой прикрыла, чтобы
Не увидели глаза чужие,
А сама, страшась, смежила веки.
Подскочил медведь — и растерялся
И у ног прекрасных Нуи замер.
Пасть разинутую он захлопнул,
И не выдержал, и по-медвежьи
Ласково, представьте, улынулся!
Да, медведь смягчился, стал понурым,
Перед Нуей съежился котенком,
Он и гнев, и боль, и сильный голод
Позабыл, как крошечный кутенок,
Робко грозной мордой дотянулся
До ноги девичьей снежно-белой
С розоватым отсветом. И мягким
Языком своим ее коснулся —
Тем и утолил свой гнев и голод.
Из его из черных глаз медвежьих
Наземь, с воробьиное яичко,
Две слезинки тихо покатались,
Зацепились за цветочек белый,
Ягодками зрело заблестали.
И медведь улегся перед Нуей,
Милостивый, добрый и покорный,
И с опущенною головою.
Даже бешеную силу зверью
Красоты вселишь покоряет.
И забыла Нуя про испуг свой

И лесов владыку отдала
Белозубой девичьей улыбкой,
Вспрыгнула на пень и протянула
Боязливо руку, осторожно
Выдернула из спины медведя
Впившуюся смерть — стрелу стальную.
У медведя боли позатихли,
Будто Нуя их сняла рукою.
Медолюб как вновь на свет явился,
Возле девушки — собакой верной,
В ожиданье, что она заставит
Красотой своей всесильной делать.

Боже мой, а Нуя замечталась
И совсем забыла о медведе,
О лесном владыке, ожидавшем, —
Думала о том же Сияжаре,
Как на розыски в лесу пуститься.
И медведь уразумел кручину,
Горе девичье, ее страданье,
Озабоченно смотрел на Ную.
Будто яблоко росистым утром,
Нуя вытерла лицо ладонью,
Расчесала волосы неспешно,
Заплела их в золотые косы,
Отошла за ель, принарядилась,
На себя, одетую, баскую,
В зеркальце синь-озера взглянула
И пошла на розыск Сияжара.
А медведь не отставал от Нуи,
Рядом шел проводником мохнатым,
Переваливался косолапо,
Для нее высматривал тропинки,
Обгонял, коль попадалась чаша,
И крушил, выдергивал деревья,
Чтобы проторить дорогу Нуе.
Солнце скатывалось за деревья,
Мягкая прохлада наплывала,
А у Нуи ноженьки устали,
На кулижке отдохнуть присела.
Видимо, не встретить Сияжара...
Начала любвеобильно плакать,
Сердце успокаивать слезами,

И медведь не выдержал, заплакал,
На траве роса образовалась.

Что-то недалеко затрещало,
Будто на сушинку наступили,
И из-за деревьев на кулижку
Молодец шагнул — и посветлело.
Острый шлем его сверкал, как солнце.
На лице из проволоки маска,
А на латах высечены звезды,
А под мышкою колчан висячий,
В нем опасные, как змеи, стрелы,
Что летят, куда их лук направит.
Он увидел плачущую Ную.
Почему рыдает это диво?
Может быть, медведя испугалась?
Вот стрелу он вынул из колчана,
Что лететь готова и без лука,
Иль сосну пробить, иль в дуб вонзиться.
Блеск стрелы медведь заметил сразу,
Заревел отчаянно и хрипло,
Кинулся к пришедшему вприпрыжку,
Брызнули из-под когтей железных
Комья, камни, яростные искры.
Парень пожалел медвежью душу,
Отшвырнул стрелу, пошел навстречу,
Как на силача во время схватки.
Нуя слова молвить не успела,
А медведь уж на дыбах, разинул
Пасть зубастую и — на пришельца!
Молодец схватил его за холку,
За густую шерсть на мощной шее,
И рукою вытянутой поднял,
Зверь ногами в воздухе задрыгал.
Он хотел ударить зверя с маху
О железный ствол большого дуба,
Но тут Нуя слезно закричала:
— Добрый молодец, кто ты? Прошу я:
Друга моего не ушиби ты,
Он мой верный провожатый, сжался! —
Человек, держа в руке медведя,
Удивился и остановился,
Тихо зверя опустил на землю,
Посадил на голую колоду,

Сильным пальцем пригрозил медведю.
Зверь растерянно, как можно дальше,
Недовольный отошел в сторонку,
А пришелец к Нуе обратился,
Ничего еще не понимая:
То ль добро какое надо сделать,
То ль сказать ей ласковое слово.
На него она с мольбой смотрела,
Будто ясно солнышко сквозь тучу.
— Девушка, ты как сюда попала?
Отчего кручинишься и плачешь? —
Он спросил сочувственно и нежно,
Как бы мог спросить сестру родную,
Сам смотрел сквозь проволоку маски,
Взгляда отвести не в состоянии.
— И хотя не знаю, кто ты — в маске,—
Не скрывая чувств, сказала Нуя,—
Все равно я помыслы открою,
Может быть, окажешь ты мне помощь.
Добрый молодец, скажи мне прямо,
Не видал ли здесь ты Сияжара?

— А зачем понадобился этот
Человек, хранящий мир Присурья,—
Он спросил ее чуть удивленно,—
Если нужен этот парень, сыщем,
Но ходить не следует далеко,—
Он откинул маску.— Что ж, смотрите,
Узнаете Сияжара? Вот я! —
Нуя ахнула и улыбнулась.
И заплакала, ослабла Нуя.
Радость, хлынувшая так внезапно,
В сердце девичьем не умещалась.
Не стыдясь, она раскрылась честно,
Радуюсь, волнуясь и сбиваясь,
Начала о том, что сокрушило
Душу, тело, стыд девичий, волю.
Сообщала, будто песню пела.
— Обзови меня — не рассержусь я,
Хоть бесстыдницей — я не обижусь,
Выложу, что накопилось в сердце,
Что вело, что принесло, как птицу,
Что, как зверя, в дебри притащило,
Почему стою перед тобою...—

Нуя дух перевела и смолкла,
Нужных слов она не находила.

— Не томи, красавица, что дальше? —
Сияжар спросил нетерпеливо.—
Кто тебя печалиться заставил?
Неужели есть такой безумец?
Назови мне имя негодая,
Он и солнца больше не увидит.
— Погоди. Все выскажу до капли.
Только не сердись,— просила Нуя.—
Что во мне таится, знать не знаешь.
Невдомек тебе, ты недогадлив...
Не боюсь, не каюсь, будь что будет.
Сияжар печалиться заставил!

Сияжар попятился недовко
И поежился, ошеломленный.
Нуя неотступно продолжала:
— Не стыдись скажу — тебя люблю я,
По тебе с ума схожу все лето,
За тобой бегу, перед тобою
Я лью слезы и люблю до слез я...
— И не верится... А наяву ли?...—
Удивился Сияжар.— Откуда
Бог послал тебя, живую прелесть?
Мнится, где-то мы встречались или
Ты во сне, нежнейшая, являлась,
Иль сейчас я сплю на этом месте?
— Сияжар! — и мягкими руками
Нуя сжала руку парня властно...—
Дня счастливей, дня необычайней
В жизни мне еще не выпадало.
Нишке паз меня привел, наверно,
В этот лес... Перед тобою — Нуя,
Дочь старейшины, дочь Пичегая,
Любящая, милый, до кончины,
Позабывтая тобой, любимый!

Сияжар счастливо улыбнулся —
Посветлело на лесной полянке.
— Нуя, милая, постой, послушай...
Богу красоты, любви взаимной,
Богу младости поклон мой низкий,

Осветил тобой он путь мой трудный...
Чем же оплачу твою любовь я,
Раскрасавица, дочь Пичегая?
Да, я вспомнил, о тебе я думал,
Я заглядывался, ты томила...
Две весны прошло... Переменилась...
Не узнал! Да при моей-то жизни
И себя забыл. Сегодня битва,
Завтра — две их... Только знаешь, Нуя,
Не ошиблась ли ты, сделав выбор?
Милая, мой жребий — поле брани.
— Для любви все жребии прекрасны,—
Девушка настойчиво сказала.—
Сядем, милый. Голова кружится.—
Сели на колоду. Руки в руки.
И глаза в глаза. И разговор их
Как ручей журчал. Она сердилась.
— Так тебя люблю... Еще на свете
Мерки нет, чтобы любовь измерить.
Вот моя рука, вот сердце — слышишь?
— Нуя, дорогая, я не слышал
Слов подобных, грустных и горячих,—
Голосом дрожащим отвечал он.—
И мое не разгоралось сердце
В пору моей юности, не билось
От девичьего прикосновенья,
От пустых веселых разговоров
С девушкой под полною луною
Близ Суры или в сосновой роще...
Что я знал — коня, седло да скачки,
Сабли да военные потехи,
А где сабля — там любви нет места.
Ты влила ее в меня, как зелье
И как жар полуденного солнца
После утреннего сновиденья,
Я люблю тебя, дочь Пичегая,
Мной забытая. Нужны ль упреки?
Я люблю! — он робко обнял Ную.—
Может, потому и оторваться
От тебя тоскливо будет сердцу.
Рассуди сама, теперь ты знаешь,
Как живу и чем заполнен день мой
И чем разум мой обеспокоен.
Что таить, порою скорбны песни,

Что звенят в селениях эрзянских,
Будто на поминках слезы льются.
Слухи жгучие вихрятся снова,
Алаяр с ногойцами своими
К нашим землям подобраться хочет
И к Суре, которая, как песня,
По лесам течет и меж хлебами.
А в Присурье, как передают мне,
Незнакомые блуждают люди,
Тайно посещаются деревни
Соглядателями Алаяра,
Зарятся на города и села,
На поля на наши с вождельем...
«Здесь издревле жили наши деды,—
Мудрый Жуварма сказал однажды,—
Здесь они пахали беззаветно,
Нынче внуки с правнуками пашут».
Я один из внуков. А погибло
Сколько — лучшие из лучших пали,
Отбивая жадные набеги.
Видимо, погиб и брат мой, Сырезь.
Этот край родной и драгоценный
Можем ли отдать на поруганье
Погани какой-то, Алаяру?
Жили вольно и умрем на воле!
Вольного в неволю не загонишь.
У меня на сердце суматошно:
Нет вблизи ни Славы, ни Бурная,
И Гамзура нет... Ушли к Казани —
И как в воду канули,— ни слуху...
Нуя, милая, моя отрада,
Что скрывать, люблю тебя я, Нуя,
Ждал тебя я, сам того не зная,
Это ты во сне ко мне являлась,
Девушкой чудесной, слаще сказки.
Несказанна ты. Мне остается
Голос твой грудной до смерти помнить,
Аромат твоих зазывных песен
Пить, как бражный хмель, ковшом широким.
Сколько горя ты со мною встретишь!
Не испробуешь спокойной жизни.
Муки ожиданий, опасений...
Может быть, как следует подумать,
Чтобы не раскаиваться позже,

Может быть, смиреннее встретишь парня —
С ним и проживешь всю жизнь тихонько...
— Слезы лить меня ты заставляешь! —
Нуя прервала его, заплавав.—
Сердце мое мучаешь зачем ты?
Не для тихой жизни рождена я.
Не трусливой создана я богом.
Хватит сил терпеть нужду и скорби,
Пить из озера беды страданье.
Но с тобой — и горе мне не в горе,
И мученья мне б казались песней;
За всю жизнь — ни вздоха сожаленья
Из груди не вырвалось бы, милый,
И не выпало бы ни слезинки
Из очей в тяжелые минуты;
Я всегда бы пела песни сердца,
Я, приплясывая бы, ходила.
Ты возьми меня, куда ты хочешь,—
Руки, ноги, грудь, глаза, все тело.
Буду скакуна седлать тебе я,
В горне пику откую. Люблю я!
А вот если ты меня не любишь,—
Этот горя ковш уже не выпью...—
Нуя низко голову склонила,
Отстранилась, встала и немного
Отошла и оперлась о ясень.
Тихо стало, птички трели смолкли,
Солнце по ветвям уже спускалось,
Редких облаков пустые лица
В предвечернем небе розовели.
И медведь поднялся, как спросонок,
Вздыбил шерсть гневливо на хребтине,
Рявкнул, угрожая Сияжару.
Броситься хотел — намеревался,
Видимо, за Ную заступиться...
— Не расстраивай меня, не надо,—
Сияжар к ней подошел вплотную.—
И без этого мне достается.
Я люблю тебя, тебя — и только,
Нет другой, которая б слыхала
От меня подобное признание.
Если любишь, так скажи: будь мужем!
Жуварме я поклонился б в ноги,
Пичегаю поклонился б тоже,

Как бы дед с отцом твоим решили,
Так и было б, воля их священна.—
Нуя, будто солнышко сквозь тучи,
Улыбнулась — и сплелись их руки,
И сошлись их губы в поцелуе.
И в лесу, кажись, повеселело,
И листва о чем-то зашепталась,
И медведь совсем остепенился,
В чащу леса вежливо подался.
Время шло, луна уже качалась,
Сияжар по тайным зверьим тропкам
Суженую проводил до дома.
Возле берега Суры расстались
Ненадолго... Так они решили.
Скоро ль встретятся — ответить трудно.

СКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Жувармы догадки оправдались.
Хана поражение не смирило,
Ненадолго приутих на Волге,
Стоило поправиться — и снова
Начал угрожать и бесноваться,
Начал исподволь готовить мщение,
Но страшился воеводы Славы.
И когда узнал: уехал русский,—
Подлая душа возликовала.
Войска — тьму набрал и слал отряды
В глубину сурских лесов спокойных,
Пробовал эрзянскую охрану.
Шлет один отряд — назад бежит он,
Шлет другой — он в прах разбит и втоптан.
Алаяр разузнавал, терзаясь,
Спрашивал придирчиво и строго
Возвращавшихся и недобитых:
— Кто там вместо Славы за старшего?
— Сияжар теперь там за старшего,—
Наконец однажды сообщили,—
Сияжар, сын Дуболго, проклятый!

Алаяр сам не в себе от злобы,
Побледнел, не находил он места,
То сидел, то бегал, то ложился,
Снова вскакивал и клял свет божий,
Сон не шел к нему ни днем, ни ночью;
Он пытался у чародеев,
Что судьба ему определила,
С мудрецом советовался часто,
Как же отомстить за все побои
Всласть — и Дуболго и Сияжару.
Он лазутчиков в леса отправил
Разузнать — где Сияжар ночует,
Выследить — где Сияжар бывает,

В одиночку ездит ли в отряды,
Нет ли у него в лесу потая.
Он хитрил, ловчил, он шел на подкуп
Бедных жителей Приусурья, чтобы
Взять бы Сияжара пособили.
Он пытал насильно увезенных,
В плен попавших обольщал свободой.
Но предателей не оказалось,
Не нашлось среди них клятвопреступных.
Говорят, в семье не без урода,
А в богатстве гнездится подлость.
Это подтвердила жизнь Анжая,
Оборотистого богатея.
Жил он в Гайрусе, жил на отшибе,
На краю села по-над Сурою
Высился крестовый дом Анжая,
Окнами глядел на Давол-гору.
И хозяин, черт рыжебородый,
Чувствовал: окоренился крепко.
Грудь закрыла борода густая
И почти до пояса сползала,
Волосы, остриженные ровно,
Ниспадали на уши, на шею.
Невысокий сам, но коренастый,
Словно дуб разлапистый, корявый,
Прыток был зато, умен, находчив,
Успевал везде, за все он брался,
Не успеет — застолбит: мое, мол...
Трое сыновей в дому Анжая,
Старший Лутма, пасынок; с собою
Привела ему жена вторая.
Карго оженили в прошлом годе,
Младшему, любимому, Андямо,
Баловню, подыскивали девуку.
Хороша молва шла про Анжая
Из-за сыновей, из-за богатства:
Лошадей табун неудержимых,
Без числа овец, коровье стадо,
Пчел на пасеке — гуденье тучи!
Окромя — ходили на охоту,
Промышляли волка и медведя.
Торговал Анжай широко, споро:
На восток возил он мед и пуре,
Шкуры, мех на западе сбывал он.

В это лето с пасынком Лутмаем
Он с товаром прибыл к Алаяру.
Две подводы — это кадки с медом,
Три подводы — шкур многообразие.
Алаяр его любезно встретил,
Как давнишнего знакомого встретил,
Поклонился богачу сурскому,
Подав руку, как родному гостю,
В горницу повел его радушно.
Вот Анжай, рассевшись на подушке,
Чмокнув, волжское вино смакует.
Угощает Алаяр усердно,
А вино в ковше, как пенный облак,
Брызги серебра с него слетают.
Старый Алаяр в подушках тонет,
Гостя с ветра чуть ли не целует.
Низкий столик попросил у Зары,
Он его поставил пред Анжаем,
Он принес, как птицу, яркий ларчик,
Он открыл его и, словно солнце,
Высыпал легко перед Анжаем
Золото звенящее на столик,—
За товар платил хозяин щедро.
От металла жгучего, казалось,
В горнице намного посветлело.
Разжигал огнем он сердце гостя.
Гость собрал дрожащими руками
Звон монет, смотрел на ларчик жадно:
В нем еще порядочно осталось.
А хозяин, как нарочно, крышку
Не спешил захлопывать, он будто
Подзадоривал торговца медом.
У Анжая очи завидуши,
От ларца не в силах оторвать их.
— Говоришь, прекрасно? Правда! Ажно,—
Ухмылялся Алаяр,— жжет очи.
По сравненью с ним — что красно солнце?
И полушки-то оно не стоит!
Мы б ларец с тобою поделили,
Если выполнил одно бы дельце.
— Что ж! — Анжай аж подскочил на месте,
А глаза, зазеленев, сверкнули.—
Дело-то какое? Расскажите.
Наперед считайте,— дело сладил!

— Просьба пустяковая, простая.
Все тебе с руки, ты деловитый...
Расскажи, где Сияжар ночует,
Как забрать его, чтоб он служил мне?
Покажи к его жилью дорогу,
А не знаешь — разыщи, голубчик.
И тогда ларец располовиним.
Не скупец — и целиком отдам я.—
Задрожал Анжай, башку понурил,
Будто к раскаленному железу
Мысль нечаянная прикоснулась.
Скреб старик затылок, колебался,
Страх и алчность в сердце долго грызлись.
— За твое здоровье выпьем, что ли! —
Зачерпнул ковшом вина хозяин.
Выпили по полному еще раз,
Рукавами бороды обтерли.
— Добрый Алаяр, владыка славный,—
Богатей сурской просил, канючил,—
Не участвую в сраженьях. Стар я!
Мне молиться богу лишь осталось.
Батюшка, я в распри не мешаюсь,
Коль чего не знаю — так не знаю,
Не вини отсталого Анжая.
На уме всего-то шкуры зверьи,
Медом вас кормить, поить вас бражкой,
А такого дела не касаюсь.
Да и то сказать, в селе я с краю,
Век свой доживаю на отшибе.—
Из прищура злого Алаяра
Искры брызнули в него недобро.
— Нечего бояться! — зашептал он.—
Будут величать тебя великим
На своей земле мордовской. Слышишь?
Алаяр ногайский будет другом,
Будешь у него любимым гостем.
На своей земле ты — богатейший,
Что тебе понравится, то купишь.
Следует властителем мордовским
Быть тебе, так не теряй же время!
Ну, смотри, без золота уедешь!
Может и башка сесть крепко на кол!
— О, великий князь! Зачем сердиться...
Невдомек мне все, я не воюю...—

Трясса, будто лист, Анжай притворный,
Бороду трепля, в горсти сжимая.
Словно бы подкинули подушки
Алаяра, он вскочил, затопал,
Два молодчика вошли на окрик,
Пики выставили — солнце смеркло.
Алаяр, бушуя, показал им
На Анжая, а потом на шею.
— В петлю старую его да к дубу,
Новую веревку портить жалко,
А башку — на крепкий кол сосновый.
Пусть ворон назойливых пугает! —
Пал Анжай дрожащий на колени.
— Князь, прошу, не гневайся. Что нужно —
Сделаю. Но как мне угодить-то?
Как в лесу найти мне Сияжара?
Не ходил туда, мне путь неведом,
Где живет, где ездит он — не знаю,
Лутме, сыну моему, известно.
Он поедет с вами и укажет.
Обождите. С ним поговорю я. —
Вышел он во двор, к своим подводам.
Пасынка нашел и, озираясь,
Шепотом рассказывал все Лутме,
Как змеиное гнездо открыл он.
— Где ж твой бог?! — воскликнул громко Лутма. —
Алаяру продаешь отчизну?
Продаешь своих людей на гибель?
Как домой, бесстыжий, ты поедешь?
Как в глаза соседям ты посмотришь?
— Нам сам бог велит за это взяться.
Пожалей башку! Меня послушай!
Я не кто-нибудь — отец, наставник,
И тебе дурного не желаю.
— Выслушать — ну что ж, терпенья хватит,
Но людей продать... Ты не дожدهшься!
Сияжара не предаю, как брата,
Пусть уж голову мою отрубят!
Ради нас он не щадил и жизни,
Ради нас хранит он нашу землю,
Ты ж его, злодей, предать собрался.
Тот, кто нападет на Сияжара,
От меня мгновенно смерть получит!
— Ты не забывай, с кем говоришь-то! —

Завопил в сердцах Анжай на сына.—
Я отец твой! Больно не артачься!
Помни, прикажу — бегом помчишься,
Из тебя все сделаю, что нужно!
— Что тебе угодно, то и делай! —
Рассердился Лутма не на шутку.—
Пусть ты мне отец, пускай ты старше,
Сияжара не предаю, хоть режьте;
Пусть сам бог спускается за этим,
Даже и ему не подчинюсь я.—
Кулаком Анжай ударил с маху
Пасынка да по зубам по белым.
Лутма выплюнул на землю зубы,
Побежала кровь по подбородку.
Глянул он на отчима, во взгляде
Ненависть зажглась! И у Анжая
Побежал озноб между лопаток.
Слово сказанное — не воротишь,
Слово проданное — не откупишь,
И Анжай привел трусливо Лутму
И поставил перед Алаяром.
Путаясь, волнуясь, говорил он:
— Сияжара он найдет, покажет
Путь к нему... В лесу ему знакомы
Каждый ствол, овраг, любые тропы...
Днем ли, ночью, пусть глаза завяжут,
Все равно, поверь, князь, путь отыщет.
— После этого ты не отец мне! —
Лутма крикнул.— Провались сквозь землю!
Чтобы руки у тебя отсохли!
Чтоб глаза твои бельмом заплыли!
Чтобы не доехал ты до дома!
Все о подлости твоей узнают,
Ты ее, корыстолюбец, помни,
Не замолишь и не смоешь кровью.—
Честного Лутмая речь прервали,
Рот его, в крови, закрылся немо.
Из дому его во двор тащили,
Каменный подвал, как пасть, захлопнул.
Алайр с Анжаем рядом сели,
И вино в ковшах опять искрилось,
Пили, о цене договорились,
Алайр открыл приманку — ларчик,
Высыпал все золото на стол.

Все, что за поимку Сияжара,
На две половины поделили.
Алаяр Анжаю половину
Тут же отдал, ссыпал прямо в руки.
— Остальное — опосля, — сказал он, —
В день, когда поймаю Сияжара. —
Во хмелю Анжай домой поехал.

СКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

Так Анжай домой уехал подло
И оставил верного Лутмая.
Алаяр собрал большое войско,
Был готов к захвату Сияжара.
Привели Лутмая из подвала,
Приказали, смертью угрожая:
— Поведешь туда, куда нам надо!
— Как затылка своего не видишь,
Так и не увидишь Сияжара! —
Он при всех ответил Алаяру. —
Можете терзать меня до смерти,
К Сияжару путь не укажу я!
А поедете — так без возврата,
Будете колодами средь леса,
Угостятся звери мясом вашим.
— Посмотри назад, щенок трусливый! —
Алаяр сказал ему, присвистнув.
Лутма обернулся. Дуб! Свисала
С ветви толстой петля, как гадюка.
— Что ж, не поколеблюсь я, без страха
Жизнь свою отдам за Сияжара!
Пусть живет, пусть бьется он, покамест
Из тебя не вытряхнет всю душу!
— Отрубить тебе башку — раз плюнуть,
Вздернуть в петле — ничего не стоит, —
Алаяр заусмехался, сплюнул, —
Пыль — цена тебе, душонке рабской,
В день базарный не дадут полушки,
Жизнь твою старик Анжай мне продал.
Он найдет кого-нибудь, который
Сам ко мне заманит Сияжара,
Да и всех друзей его, с ним вместе.
Шей у них чешутся, ждут петли,
Что свита из нового мочала.
Зря ты кажешь норов, у меня тут
Непослушных, мальчик, не бывает.

Вразумите-ка раба, ребята! —
Приказал старик своим ногойцам.

Взяли Лутму, на землю свалили,
Два ножа ему воткнули в спину.
Прорезали, двигали под кожей.
Обдало его морозным потом,
До предела напрягались жилы,
В каменную земь вонзились пальцы,
Голова кружилась, побелели
Русы кудри, заснежила боль их.
Скрежетал зубами, будто резал
Камень камнем иль тупую саблей.
Он не крикнул, сжал он рот упрямо,
Из горящих глаз слезы не вышло.
Вот свои ножи, окончив пытку,
Вытерли злодеи рукавами.
Лутма встал и прислонился к дубу,
Воспаленный взгляд уперся в землю,
А над головой качалась петля.
— Что? Поскачем? — Алаяр смеялся, —
За тобой теперь едва ль успеем!... —
Лутма ниже головой клонился,
Он задумался, был мир туманен;
Пусть всего на части растерзали б,
Вороны бы выклевали очи,
Пусть хоть на костре его сожгли бы,
В петлю сунули бы головою,
Нет, он Сияжара не продаст им.
Мысль одна лишь мучила Лутмая:
Все равно среди скупых и подлых
Алаяр предателя подыщет.
Известить-то как же Сияжара
Об измене жадного Анжая?
— Зря ты медлишь! — Алаяр прокаркал. —
Время драгоценное теряю.
Думай, поспешай быстрее выбрать —
Или жить под солнышком веселым,
Иль с луною даже распроститься.
Думай, шею-то твою устала
Ожидать намыленная петля.
— Ладно, собирайтесь, — взгляд потупив,
Вдруг промолвил Лутма, — покажу вам...

— Если на вершок пути обманешь —
Шкуру я с тебя сдеру с живого! —
Алаяр сказал и покатился,
Как клубок, домой. Лег на подушки.
И мудрейшего из мудрых вызвал.
Мысли их одни обуревали —
Как заполучить им Сияжара,
Привести живого для расправы.
Отвечая на вопрос владыки —
Как поймать? — мудрец хрипел над ухом:
— Как поймать — Зула-отшельник знает.
Он готовит стрелы колдовские,
Усыпляющие... Вот что надо!
В Сияжара нам попасть бы только,
Знать, в кого пускать, а то поймаем
Не того, кого владыке нужно.
— Пусть Зула придет ко мне скорее, —
Лежа Алаяр распорядился.

Жил Зула поодаль, в подземелье,
Будто жердь осиновая, высох,
Был покрыт отрепьем или мохом,
В огород на пугало сгодился б.
Люд, его завидя, сторонился,
Да и сам Зула жил одиноко,
Не любил людей и обходил их.
Был он только Алаяру предан,
Он молился за него аллаху.
Прилетел он быстро, как на ступе
Мчатся ведьмы и иная нечисть.
Голый в дом вошел — скелет скелетом,
Руки жадные, видать, — трясутся.
— Ну, коряга, подползи поближе.
Вот те ковш, черпай вино и думай,
Хорошенько думай. Что ты скажешь?
Как нам заарканить Сияжара? —
Черный рот открыл Зула беззубый,
Закартавил, как льняная мялка:
— Заколдованные стрелы сделал.
Вот они, возьмите. В Сияжара
Как одна вопьется, так лишится
Силы он, падет на землю сонный.
И его берите, как хотите,
И его тащите куда нужно.

До поры, мой князь, остерегайтесь,
Не выдергивайте стрел из тела.
Если выдерните — возвратится
Сила богатырская обратно! —
Больше не сказал Зула ни слова,
Заспешил он, тарахтя костями,
В логово подземное, на место...
Алаяр своей ватаге свистнул,
Взял он заколдованные стрелы,
Вихрем на Суру-реку помчался.

Лутма ехал молча, вел ногойцев.
Всячески в густом лесу крутился,
Несся ветром по медвежьим тропам.
Под копытами трава сникала,
Кони выкупались за день в пене.
Вот уж солнце за деревья пало,
Пала темь, подул холодный ветер
И погнал над ними злые тучи.
А они вперед спешили, мчались,
Кляли ночь густую и с наскоку
Обнимали, как невест, деревья,
Аж на лбах выскакивали шишки,
Как гусиные, быть может, яйца.
Многие тут шапки потеряли,
Натыкались на сучки деревьев.
Так бесились, на грабеж спешили
И схватить быстрее Сияжара.
Лутма все скакал — и без оглядки,
Дума мщенья в голове поспела.
Наконец и Алаяр башкою
На скаку ударился о елку.
Семь громов в башке загрохотали,
А из глаз посыпались зарницы,
Всадники коней попрдержали,
Вкруг него сгрудились на поляне
И ему башку перевязали.
И на отдых здесь расположились,
Окружив охраною Лутмая.
Лес ночной дрожал, стонал сердито.
Ветер, плача, налетал на сосны,
По-змеиному шипела хвоя,
Мир стал бездной. Молнии, ломаясь,

Начали выскакивать из тучи,
Дождь ударил веником знобящим.
И завыли где-то в чаще волки —
Близко, длинно, замогильно, жутко...
Лошади зафыркали тревожно,
Беспорядочно затопотали,
Пляской страха ноги захватило.
Чаща леса адом закипела,
Страшными заныла голосами,
Мир смешался, перепелся, будто
Вывернули наизнанку недра,
Будто всех своих подруг Вирява¹
Собрала на свадьбу — и запели
Песни людоедские подруги.

Алаяр дрожмя дрожит и стонет,
Съежился в клубок, аллаха молит,
А вокруг него его ногойцы
Вымокли, забыли про Лутмая...
И на Лутме все насквозь промокло.
Он при вспышках молний осмотрелся,
Мысленно измерил расстоянье
До Суры, до мест родных и милых,
Отделился тихо от ногойцев,
На коня вскочил и тут же скрылся...
Бешено скакал по лесу Лутма,
Конь послушно мчал его по тропам.
Огненные крылья синих молний
Трепетно охватывали небо,
Освещая путь, ручьи, овраги,
Дерева, пролески и прогалки.
А смельчак, к луке седла прижавшись,
То нырял в кусты, то на поляну
Вдруг выскакивал и — мчался, мчался...
Стихла буря, рассвело. И небо
Стало зеленеть, краснеть, светиться —
Занимался первый день побега...
Все назад летело. Перед Лутмой
Расступались смирные деревья,
Разлетались испугнутые птицы,
Разбегались удивленно звери.
Первый день скакал без передышки,

¹ Ви́рява — богиня леса.

День второй скакал без передышки.
Третье утро поднялось бедою.
Солнце по ветвям легко взбиралось
В синеву, где плыли туч остатки
В сторону уже далекой Волги.
Рыжий конь под ним храпел насадно,
На бегу шатался, будто пьяный,
На боках его опавших, пенных
Садины кровавые до ребер.
Вдруг под рыжим подломились ноги,
Пал под Лутмой. Из ноздрей, из пасти
Кровь на землю поползла, чернея,
Перед мертвой конской головою
Лутма опустился на колени,
Белую звезду на лбу целуя.

Встал он. Огляделся. И поспешно
Двинулся вперед по узкой тропке.
Шел он быстро целый день по лесу,
Без еды, без отдыха спешил он
Сообщить скорее Сияжару
О коварном замысле ногайцев.
Все на Лутме, будто прах, распалось:
Порвалась расшитая рубашка,
Разодрались сапоги, подметки
Отлетели где-то по дороге,
Волосы седые растрепались,
В ссадинах он был, в кровоподтеках,
Будто только вырвался из волчьих
Яростных когтей. Дыханье тяжело.
Из последних сил он выбивался.
Сгорбившись, вперед клонясь, по тропам
Шел и шел, спешил к заветной цели...

СКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

А теперь послушайте, что случилось
С молодцами нашими в Присурье!
Вспомним: Сияжар порою лунной
Проводил ликующую Ную
И на берегу Суры певучей
Попрощался. Трудно расставались.
Нуя, плача, все же села в лодку,
Поплыла, и след засеребрился.
Сияжар на берегу остался,
Еле сдерживая слезы грусти,
Он смотрел на легкую лодчонку,
Что, покачиваясь, увозила
Его сердце в девичью светелку.
Через реку с лунною дорожкой
Улыбнулась суженому Нуя,
Помахала рученькой прощально
И в сосновой рощице исчезла,
Будто солнышко за окоемом.
Сияжар следил, пока не скрылась,
А потом касался взглядом места,
Где ступала ноженьками Нуя,
Оставляла след воспоминаний...

Сияжар в глубь леса возвращался,
Где его товарищи в засеках
На посту с оружием стояли.
Шел он в лунных сумерках, взволнован...
Вновь переживал он радость встречи.
Радость рассиявшаяся эта
Шире всей земли ему казалась,
Глубже и величественней неба.
Но горело, видно, сердце слепое,
Хорошо не мог он разобраться,
Почему печален этот пламень
И огромную любовь и радость
Обволакивает грустной тайной.

Знать, почувствовало сердце, ноя,
Знать, душа, тревожась, подсказала,
Что была и первой эта встреча,
И последней на земле, быть может,
Что разлука эта им свиданья
Скорого никак не обещала.
В полночь он пришел в овраг, который
Был укрыт листвою дубов могучих,
О котором мало кто и слышал,
А кто знал, так тот хранил молчанье.
Там была землянка в круче скрыта,
В ней и жили молодцы-эряне,
Из села сюда им снедь возили,
Впрочем, и не забывали пуре.
Он пришел задумчивый и тихий,
Был тепло товарищами встречен,
Спрашивали: где же пропадал он?
Сокрушались: проголодался!
Сияжар был откровенно краток,
Рассказал о том, что встретил Ную,
Проводил и попрощался с нею...
И, обрадовавшись доброй вести,
Все его товарищи и друзья
Бражки выпили за их здоровье:
Сияжар рожден был лишь для Нуи,
Ную создал бог для Сияжара!
Пили из ковша берестяного
Бражку крепкую — душа играла,
Куропатину, зажавив, ели,
Ели плотно — веселилось чрево.
Говорили по душам, мечтали,
Откровенничали, вспоминали...

А кругом спокойствие стояло,
И луна плыла, как щит героя,
Над умолкнувшим дремучим лесом.
За полночь они пошли по скрытым
Боевым постам в дремучих чащах.
— Ти-и-хо,— сообщили вестовые.
— Глу-у-хо,— утверждали постовые.
Немо лес светился красотой,
Кое-где лишь на полянах в чаще
Хруп, и храп, и фырганье слышали,
Там паслись оседланные кони.

Возвратясь к землянке, под дубами
На земле на теплой, на родимой
Вскоре сотоварищи заснули,
Весело посвистывая в ноздри.
Только Сияжару не дремалось,
Не спалось никак, увяз он в думах,
Волновалось любящее сердце,
Он смотрел на ветки над собою,
Где сквозь их дубовое сплетенье
Свет луны струился, как сквозь сито,
И на пни и камни опускались
Длинные серебряные нити.
Пред его глазами — только Нуя,
А в его ушах — лишь голос Нуи,
А в руке — рука вздыхавшей Нуи,
В мыслях говорит он с Жувармою,
За себя он просит выдать Ную...
С этими мечтами задремал он,
С этим чувством и уснул он крепко.
Сколько спал — и сам того не знает,
Сколько отдыхал — душа не помнит,
Он проснулся от раската грома,
От прыжков бушующего ветра.
Лес, из края в край шумя, качался.
Выли сосны и дубы гудели,
Плакали по-девичьи березы,
Молния пронизывала небо,
А земля тряслась; ему казалось:
Вся раскалывается на части.
И сквозь этот гул, и гуд, и грохот,
В промежутке слабого затишья
Стон почудился, зов человека...

Сияжар вскочил с земли — и вскоре
Все товарищи вокруг сгрудились.
На кострище, где был жар под пеплом,
Развели костер и осветили
Склон оврага, меж кустов прогалок,
Где тропа изогнуто лежала
От крутого края до землянки.

Голос стонущий, зовущий — ближе,
Тень возникла на верху оврага,
И упала вниз, и по откосу,

Как мешок наполненный, скатилась.
Застонал мешок, овраг заплакал,
Все вперили взгляды: перед ними
Человек пополз на четвереньках,
Он раздет, он гол, видать, истерзан...
Все — к нему и помогли подняться.
Он раскачивался, будто пьяный,
Голова седа, на грудь валилась...
Сияжар в свои объятия быстро
Взял его и бережно и нежно,
С ним присел на каменную глыбу.
— Лутма, ты откуда? Что с тобою? —
Рот открыл пришелец — слова нету.
Грудь свою отчаянно царапал,
Что-то все-таки сказать хотел он,
Но бессильно голова повисла,
Опустились и обмякли руки.
— Браги ковш скорее принесите! —
Сразу Сияжар распорядился.
Налили. И поднесли страдальцу.
Он потрескавшимися губами,
Осушая ковш, пил еле-еле.
Он открыл глаза, друзей увидел,
Что-то сообщить, сказать пытался,
Обессиленный, мычал тревожно
И мотал все время головою...
— Лутма, ты откуда? Что случилось? —
Сияжар допытывался снова.—
Что случилось в Гайрусе? Зачем ты
К нам сюда, друг, послан стариками? —
Лутма выпрямился и напрягся,
На друзей глядел и, как по капле,
Он выдавливал слова губами:
— Алаяру... продал вас... Анжай...— и тут же
Пошатнулся и упал на землю.
Навсегда его глаза закрылись,
И душа от тела отделилась.

Сияжар был лучшим другом Лутмы,
Он усопшего по-братски обнял,
В побледневший лоб поцеловал он,
Положил холодного под дубом
На свою постель. И до рассвета
Около него друзья стояли

И на тяжкий лик смотрели скорбно,
Спрашивали: что же с ним случилось?
И усилили на всякий случай
На постах сторожевых охрану.
А под утро тучи разметались,
Небеса очистились — и солнце
Сокрушенно глянуло на землю,
Лес рыдал, оплакивал героя,
Причитал овраг, вздыхая глухо.
Сияжар нашел в чащобе леса
Дерево нетлеющее, божье,
Что не тонет, не горит, и время
Не берет его — не поддается.
Из него-то домовину Лутме
Сделали и, помолившись богу,
Положили с ним, что надо было,
На дубу в ветвях похоронили.

СКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

После похорон на дубе Лутмы
Сияжар с друзьями возвратился
В потаенную свою землянку;
Пасмурные, скорбные, уныло
Сели за еду, налили пуре,
Помянули преданного Лутму,
Пораскинули умом, что делать,
Как расставить им в лесах охрану,
Алаяра ждать — когда, откуда...
Сияжар решил гонца отправить
В Гайрусу с известьем горемычным:
О геройской гибели Лутмая,
О предательстве скупца Анжая.
Быстрый Вармазей с большой охотой
В путь собрался, он мечтал увидеть
Девушку, известную Кастарго,
Первую красавицу в селенье.
Как ступил гонец на край оврага —
Мертвым вниз упал. В груди широкой
Острая стрела слегка качалась.
Встрепенулись все! На луки — стрелы!
Сабель всплеск, аж солнце испугалось.
Зачесались руки перед боем,
И у каждого взыграла ярость,
Грудь трещала от скопления гнева.
Отнесли в сторонку Вармазея,
Сами вышли к чаще тайным ходом.
Сияжар шел, как обычно, первым.
Не успели еще скрыться в чаще,
Как со стороны другой оврага
Алаяр им крикнул: — Вам не выйти
Из своей берлоги! Лучше сдайтесь!
Вам податься некуда, эрзяне,
Петли ожидают шеи ваши! —
— Правда путь сквозь камни пробивает! —
Сияжар в ответ им засмеялся. —

Бездорожья на земле широкой
Смелым не было и впредь не будет!
— Хорошенько думайте. Вам деться
Некуда теперь, окружены вы!
Ваших, чутко на постах стоявших,
Нет уже, послали души к богу,
Сами ж в петлях на суках повисли,
Кончилась их жизнь и их заботы.
И за ними вас отправим быстро,
Если попытаетесь не сдаться,
И для вас оставлены, не бойтесь,
Петли и дубы. Раздумье лишне...—
Сияжара жаром опахнуло,
Гнев сверкнул в глазах неудержимый,
Он узнал кричавшего Андямо,
Труса, сына богача Анжая.
— Мы тобой, подлец, своих продавший,
Сук дубовый замарать не смеем! —
Сияжар, как гром, возвысил голос.—
На осине мы тебя повесим,
Для тебя гнилой веревки жалко!
— Лопнула уже веревка ваша! —
Мерзко похохатывал Андямо.—
Да про вас никто и знать не будет,
Как отправитесь на небо скопом.
Не теряйте времени! Неплохо
Вам великий Алаяр заплатит,
Коль к нему на службу перейдете.
— Молния пускай тебя проколет! —
Сияжар клял жадного Андямо.—
Нет средь нас предателей отчизны!
Это твой отец и ты, Андямо,
На бесчестие всегда способны.
Продали своих — и на продаже
Вздумали разбогатеть, решили
На дворе скопить добра поболее.
Дорого вам это обойдется,
От людского гнева не укрыться,
Смерть позорная вас ожидает! —
Сияжар взглянул сквозь куст крушины,
Увидал Андямо на пригорке,
Рядом старый Алаяр, что карлик,
Он посматривал из-под ладони
На густые заросли напротив.

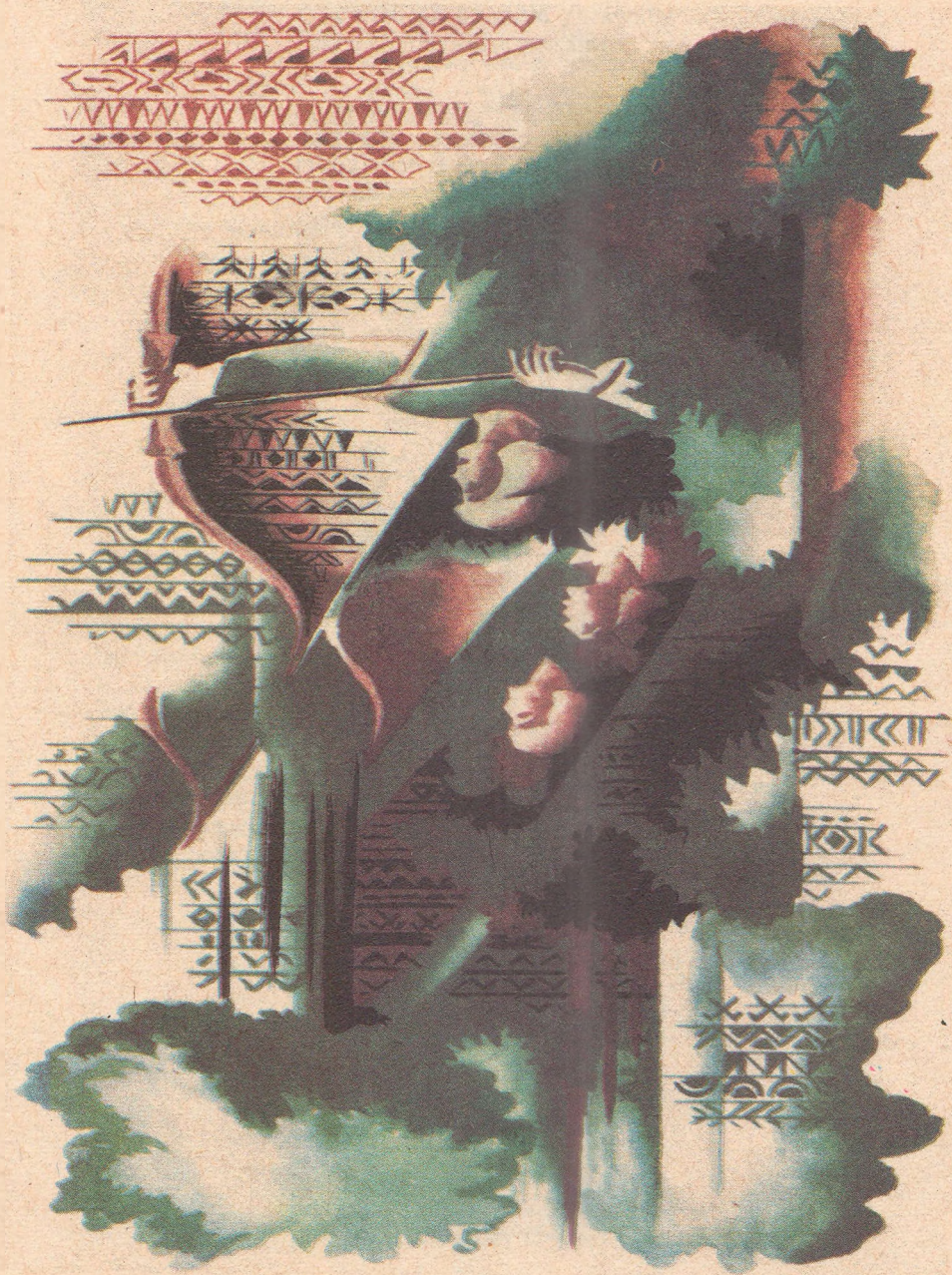
— Парни, головы поберегите,
Может быть, вам жить еще придется! —
Алаяр посмеивался, хмыкал.—
Вы же молоды, и ваши годы —
Лучшая пора на белом свете.
Девушки за вас не выйдут замуж,
Если быть вам без голов придется.
А ведь бабы — бабы слаще меда,
Раз попробуешь — не оторвешься!
— Лучше о своих башках заботьтесь! —
Крикнули ему. И зашипела
На кустах листва, зашевелилась.
Вздрогнул Алаяр, испуг во взгляде,
А ногаец, близ него стоявший,
Зашатался и — пластом на землю,
А стрела, пронзившая навылет,
В ствол сосны глубоко угодила,
Как струна звенящая, дрожала.
Быстро Алаяр присел от страха,
Будто гриб поганка на навозе.
Он успел — над шапкой просвистела
Смерть его, застряла в толстом вязе,
Так что трещина образовалась.
Выпуклы глаза у Алаяра,
Будто яйца утицы — пугливы.
А стрела свистела за стрелою
Мимо хана — смерть, видать, щадила.
От оврага он уполз на пузе,
Обдирая кожу о валежник.
Сияжар услышал за спиною
Голоса чужие и угрозы,
Обернулся, огляделся — боже!
Лес кругом звенит, кричит, топочет,
Воинами Алаяра полон.
И его с друзьями охватило
Из секир и пик кольцо тугое.

Он сказал друзьям: — Не отходите
Ни на четверть от меня. Придется
Вдоль оврага в чащу пробиваться.
Осторожно! Приготовьте стрелы.
Тот, кто вырвется живым, немедленно
Пусть бежит в село, народ скликает,

Пусть мужчины все из сел присурских
Поднимаются на Алаяра.
Мы окружены, друзья, смотрите!
Разорвем кольцо — на воле будем;
Если слабы мы — рабами станем.
В петлю попадем — повиснем, корчась.
Нет! Мы победим! Вперед — и только! —
Сияжар повел рукой округло,
Показал — там лес кишел врагами.
Дрожь у всех по спинам пробежала:
Там, как искры, ледяные стрелы,
Там блестят отточенные пики,
Там готовые рубить секиры;
Сколько их рядов там — и не видно!
Сияжар кивнул друзьям: — Держитесь! —
Грустно посмотрел — их только двадцать.
Стрел осталось: восемьсот всего лишь...
У противника, считай, их — тыщи.
— Все равно — вперед! — сказал он твердо. —
В руки им живыми не дадимся.
— Коль расстаться с жизнью нам придется,
Пусть заплатят за нее сторицей! —
В один голос двадцать ртов сказали.
Обнялись друзья. Готовы луки:
Тетивы, как струны, зазвенели.
Сияжар прицелился: запела
Богатырская стрела, сначала
Просквозила одного ногойца,
А другого к вязу пригвоздила.
— Вот вы там стреляйте, стервы, плуты! —
Алаяр ругал своих подвластных. —
Че-ерт! Двоих стрела их убивает.
Ну-ка, угостите их вот так же! —
Зажужжали стрелы — рой пчелиный,
Столько стрел — заполнили все небо!
Сияжар друзьям вдруг улыбнулся,
Стрелы попросил беречь, а сам он
Пущенные Алаяром стрелы
Стал ловить и посылать обратно
Смертоносные гостинцы луком.
Хан, свою стрелу узнав по метке,
Обомлел, душа бежала в пятки,
Он решил из-за стволов деревьев
Подсмотреть, как Сияжар их ловит,

Им же пущенные грозно стрелы.
Приподнялся с земли, лук сгибая,
Начал наблюденье из-за вяза.
Догадался Сияжар, чье ухо
Оттопыренное показалось
Из-за вяза, — и заулыбался.
И, стрелу ногойскую увидев,
На лету схватил и тетивую
В ухо Алаяра вмиг направил.
Свистнула стрела гудяще, хищно,
Ухо хана, что лопух огромный,
Жгуче, как гвоздем, прибила к вязу.
Заорал старик что было мочи,
Выпучил глаза, как яйца ути,
Верноподданные пали наземь,
В хохот все, за животы схватились.
Хан стрелу никак не может вырвать,
Ухо отцепить не в состоянье.
Помогли. Освободили ухо.
Как увидел, что стрела его же,
У него нутро — аж закипело.
Не успел опомниться владыка,
Вновь к двум соснам двух наймитов верных
Прикололи стрелы Сияжара.
Алаяр, должно быть, с перепугу
Наземь хлопнулся, да прямо навзничь,
При паденье поднялись ноги,
Крюковатые носки мелькнули.
Зоркий Сияжар и их заметил,
И, не мешкая, носок сапожный
Ловко пригвоздил к тому же вязу,
И опять-таки стрелой ногойцев.
Окружавшие владыку слуги
Еще пуще затряслись от смеха.
Старый Алаяр не ворохнулся.
Лежа выругал своих подвластных.
Наконец сапог освободили...
Растянулся на траве владыка.
Продырявленное ухо хана
Травкою лечебной обложили
И перевязали аккуратно.

Раздосадованные ногойцы
Высмотреть решили Сияжара.

Как ни вглядывались,— а кустарник,
Как назло, нигде не шелохнулся.
Где укрылся Сияжар с друзьями,
Толком не сумели разобраться,
Потому-то и попасть в них метко
Никому никак не удавалось.
Алаяр тогда на окруженных
Слать стал зажигательные стрелы.
Рассчитал: кусты, деревья выжжет,
Обгорит листва — виднее будет,
А потом Зулы применит стрелы
Заговорные, чтоб обессилить
Несдающихся и враз прикончить.
Переполнился смолистый воздух
Свистом, визгом тысяч стрел, аж солнце
Помутнело от мельканья битвы.
Трусил Алаяр, хитрил — и лежа
Тетиву оттягивал, пуская
Наудачу стрелы в Сияжара.
Вот он подготовился и снова
Поднял вверх блестящий наконечник.
Блеск мелькнувший Сияжар заметил,
Вдребезги над носом Алаяра
Раздробил стрелу своей стрелою.
Старый Алаяр от удивленья
Чуть не вспрыгнул, лоб его в морщинах
Медленной испариной покрылся,
Капли поползли на нос курносый.
«Нет, не просто взять стрелка такого,—
Думал он.— Ах, встать бы незаметно!»
Хана злость брала. Вдруг заорал он:
— Ай, стрелок, ты меток! Перейдешь к нам —
Награжу чем хочешь, обещаю,
Что попросишь!.. Золота желаешь?
Дочь-красавицу дам в жены! Слышишь?
Лишь ко мне переходи быстрее.—
Но в ответ насмешка полетела:
— Самого, старик, с землей поженим,
Тут ты и останешься навеки,
Никогда домой не доберешься!
Не прельстишь ни золотом, ни дочкой,
Не найдешь предателей, не клюнем.
Смерть тебе, поганый, мы подарим!
— А, собаки, вас и так возьму я! —

Бешенство рычало в Алаяре.—
Будете ползучими рабами,
Будет пес мой вами забавляться! —
Снова луки гнулись и дрожали.
Хан лежал и размышлял: «Ну как же
Захватить их? Если ловят, значит,
Стрел у них, сдается мне, нехватка.
А зачем терять впустую стрелы,
Посылать им, чтобы возвращали
Храбрым воинам моим со смертью..
Пусть обложенными, как в берлоге,
Посидят в осаде, особенно
Без еды, без пищи,— поумнеют!»

Трое суток храбрецы стояли,
Стрелы выгрызли листву деревьев,
Голыми стволы уже остались,
Все равно эзрян не видно было,
Алаяр нигде не обнаружил.
Сияжар, его друзья не ели
И не пили, их землянкой в яре,
Где был хлеб, уже враги владели,
И родник отрезали, жгла жажда,
Нечем было остудить гортани.
Лица осажденных побледнели,
Но в глазах — нет страха, лишь решимость
Выйти, вырваться из окруженья;
Ели ягоды, росу лизали
На листве, на лопухах, на травах,
Но их силы час от часу слабли.
— Наше положение печально,—
Сияжар друзьям сказал спокойно.—
Умирать голодной смертью глупо,
Лучше пасть в бою. По ним ударим!
Или вырвемся, или погибнем.
И пока рука владеет саблей,
Бить и бить ногойцев беспощадно.
Что ж, друзья мои, вперед по склону!..—
Обнялись они, поцеловались.
Двадцать их — отважных и бесстрашных,
Сияжар, вожак, был двадцать первым.
Вышли на широкую поляну,
Только показались — в них со свистом

Стрелы брызнули... Они — орлами
Бросились в неравный бой с врагами.
То рубят саблей, то поднимут
Кверху и о ствол плашмя ударят,
То дубиной по башке — и наземь.
Стрелы кончились у Сияжара,
Лук сломал и в сторону отбросил.
Сабля! И пошел по-богатырски
Недругов рубить — легло их кучи.
Вдруг он задрожал и зашатался,
Выпрямился — боль в груди горела,
Голова туманно закружилась,
И земля качнулась под ногами,
Начал было падать он на землю...

Алаяр восторженно запрыгал,
Завизжал от радости собакой.
Сияжар за грудь рукой схватился,
Ядовитую стрелу он вынул.
Силы вновь прибавилось. Окинул
Взглядом битву: на траве поляны
Все его товарищи лежали,
Все в крови, истерзанные битвой,
Раненные... Он один остался.
Снова сабля! Снова яркий голос,
Снова гневное лицо пылало.
Взмахи остры, падали ногойцы.
Задержать его никто не может,
И свалить его никто не в силах.
Стрелы в одного его летели,
Как стальные вороны, клевали.
Еле успевал он вырывать их,
Выдернет одну, впилась другая...
Вот стрела Зулы между лопаток
Бешено и глубоко вонзилась,
Выдернуть ее не удалось.
Сила Сияжара убывала,
Выпала из рук могучих сабля,
Медленно клонясь, упал и сам он,
И позвал, теряя память, Ную.

Тут головорезы Алаяра,
Иступленные, как волчья стая,
Бросились к нему, к другим эрзянам.

Всех оставшихся в живых связали
И к себе их повезли на крупах,
А своих убитых — на носилках,
Из ветвей и из ремней сплетенных
И подвешенных между конями.
В логове своем, дворе ногайском,
Сразу Сияжара отделили
От друзей, их увели куда-то...
Алаяр, как прежде, к уговорам
Приступил, хотел от Сияжара
Одного добиться: чтоб служил он.
Стал рабом податливым и верным,—
Золото пересыпал со звоном,
Приводил красотку. Все напрасно,
Сияжар был чист и неподкупен.
Начал хан запугивать веревкой,
Обещал повесить на осине,
Сжечь в костре, содрать с живого шкуру,
Голову отсечь, обречь на голод...
Все не уstraшило Сияжара.
Наконец спустили парня в яму,
В каменный мешок — и приковали.
Он один сидит во тьме кромешной,
Прислонен к стене железной цепью,
Думает, как вырваться на волю,
Вспоминает, одинокий, Ную,
Встречу жаркую в лесу присурском.
Там на берегу Суры еще раз
Свидятся они иль нет — кто знает...

СКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

Нуя с нетерпением ожидала
Дня, когда на пасеке у деда
Сияжар появится. Он должен
С Жувармой поговорить... А после
Навсегда соединит их свадьба.
Но желанный все не шел, и — странно —
Никаких вестей не подавал он.
Что случилось? Где запропастился?
И куда пойти? Кого спросить ей?
Где же он, мой Сияжар? Кто скажет?
С этим размышленьем побежала
Вдоль Суры на пасеку. Ей с дедом
Жувармой потолковать хотелось,
Попросить у мудрого совета.
Он сидел под богатырским дубом,
Он сидел без шапки, был печален.

— Дедушка, родной, — спросила Нуя, —
Почему, скажи, ты сильно плачешь?
Не видал ли близ Суры тут, близко,
Молодца, ты знаешь, Сияжара?
Почему не слышно больше песен,
Не звенят в лесах, не раздаются? —
Он лицо морщинистое вытер
И заговорил печально с внучкой:
— Не пугайся, Нуя, не терзайся,
Видно, вы несчастными родились,
Видно, на Суре не жить вам, юным,
Уходить с земли родной придется
И веселые леса оставить.
Алаяр, злодей, наш край захватит.
— Где же молодцы? А Сияжар где? —
Нуя удивленная спросила. —
Разве им не отстоять Присурье,
Нашу милую родную землю?

— Больше песен парня не услышишь,—
Продолжались всхлипывания старца,—
Рощи голосом его не крикнут...
Сияжара нет, пропал с друзьями
После страшной битвы с Алаяром...
Лишь на месте боя лук нашелся,
Сломанный... Да множество убитых.
Все они — односельчане наши.
Видно, тяжело довелось им биться,
Кое-где — деревья вверх корнями,
Сбитая листва и голы ветви...
А еще нашли в гробу на дубе
Сына богача Анжая — Лутму.
Кто его убил — никто не знает;
А на гробе метка Сияжара,
Значит, он похоронил Лутмая.
Горе неожиданное, Нуя,
Как топор занесено над нами.
Не терзайся ты, не убивайся,
Может, от когтей беды спасут нас
Вознесенные молитвы богу...—
Опустился старец на колени
У ствола молитвенного дуба,
Зашептал слезливо, тихо-тихо...

Нуя убежала в лес, рыдая,
Сияжара разыскать решила.
На поляне, где им повстречаться
Удалось в тот раз,— теперь пустынно...
И у девушки в глазах затмилось,
И в лесу глубоком заблудилась,
Стала обливаться траву слезами.
Шла и шла, куда — сама не знала,
И внезапно набрела на друга,
На знакомого того, медведя.
— Здравствуй, милый проводник лохматый! —
Нуя ласково ему сказала,
По спине погладила ладонью.
И опять они вдвоем искали
Этого богатыря в доспехах.
День искали, два — искали вместе,
Проискали попусту неделю,
Потеряли всякую надежду,
Уморились и проголодались,

Возле озера остановились
Отдохнуть... И Нуя зарыдала,
Волю дав своим слезам горячим,
И от слез рубашка вся намокла,
Белая, — сгорела полосами.
Вышитая, — в ленты превратилась;
От огня катившихся слезинок
Подле ног ее траву спалило,
Мягкую золу развеял ветер...
Замолчал ее язык веселый,
Обессилев, на траву упала,
Сон пришел, притихла, успокоясь.
А медведь, как на посту, над нею
Плакал тоже, нежно, дружелюбно,
Слез своих медвежьих не жалея.
А когда уснула крепко Нуя,
Он оберегал покой сурово
И хранил вокруг нее молчанье,
Мух жужжащих отгонял дыханьем,
Птицам лапой угрожал — не пойте!

Утром братья отыскиали Ную,
На руках несли ее до дому.
Нуя ходит по светлице скорбно,
Пить не пьет и есть не ест — горюет:
Где дружинники? Куда же делись?
Сияжар, куда запропастился?
Где искать его? Что надо делать?
И к кому б она ни обращалась,
Не слыхала нужного ответа.

А меж тем опять в разгаре лета
На эрзян ногойцы Алаяра
Беспощадно, бешено, свирепо,
Как хвороба жуткая, напали.
Алаяр селенья жег и грабил,
Уводил людей с собою в рабство,
Избивал их, мучил, как Идёмевсь¹.
Дуболго и Пичегай совместно
Супротив него на битву храбро
Подняли присурские селенья.

¹ Идёмевсь — злой дух.

И опять не выдержал удара
Старый Алаяр, разбитый хищник, —
Отступил, подался к Волге бегом...
Голову сломя неслись ногойцы,
По лесам бежали без оглядки,
Побросали пики, стрелы, луки,
Многие в болотах утонули.
Добрый Дуболго остановился,
От преследованья отказался,
Дальше мчаться сил не доставало.
Он собрал рассыпанное войско,
Чтоб в леса родные возвратиться,
Где кипела и хрипела битва,
Где погибли и окоченели
Храбро бившиеся в схватке братья,
Где бежавшим хитрым Алаяром
Брошены погибшие ногойцы...

За три дня всех павших схоронили.
В чаще леса среди многих трупов
Отыскали сына Пичегая —
Храбрый Виртян был копьем заколот.
Пичегай поник над мертвым сыном,
Пал старик без чувств... Его в сторонку
Отнесли и тихо положили...

Утром грустно выглянуло солнце,
Лес поникший ласково согрело,
На могилы слезы уронило,
Осветило радостно живущих.
Пичегай пришел в себя от солнца,
Пальцами лучей тепло коснулось.
Белой тенью он поднялся слабо,
Все друзья его вокруг стояли.
Попрощались с теми, кто в могилах
И чья жизнь на жертвеннике счастья
И свободы своего народа.
Братьев раненых перевязали,
Взяли на руки — и в путь-дорогу,
На реку Суру, домой вернулись.
Мудрый Жуварма их первый встретил,
Победителям он поклонился.
Нуя стиснула до боли пальцы,
Горестно оплакивая брата.

Мать мгновенно в обморок упала,
И от слез изнемогли невестки.
Мудрый Жуварма ходил, как прежде,
По двору ходил он молчаливо,
Скорбь его невидимо точила.

Только в доме подлого Анжая,
По-хозяйски рассиялось счастье,
О Лутмае и не вспоминали,—
Сыновья любимые все живы!
Не упал с голов их даже волос,
Мзда за Сияжара — денег куча.
— Есть на что теперь женить Андымо,—
Говорил жене Анжай довольный.—
Выберет пускай какую хочет,
Сразу к ней и посылайте сваху!
— Пичегая дочь ему по нраву,—
Сообщила мужу вскользь Суляна.—
Добивается вниманья Нуи,
О других и слышать не желает.
— Посылай Любаву. Там посмотрим,—
Важно бороду Анжай огладил,—
Пусть сначала сваха потолкует,
Коль понадобится, сходим сами.
Девушка нам ко двору придется.
Работящая. Всего важнее.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Сторонясь людей, шла по задворкам
Тихо сваха к дому Пичегаев,
Умница-разумница Любава,
Шла по просьбе деверя Анжая.
Ах, в селе недаром говорили,
Что Анжая брат, живущий средне,
На миру куда его богаче —
Красотою нежной половины,
Мудростью своей жены Любавы.
С ней находчивостью не сравниться,
На печаль — отзывчивое сердце,
Скажет слово — душу успокоит,
Да и голос у нее как песня,
Восьмерых детей растит и холит,
Сорок пять ей, — а краса несметна,
Будто и не замужем, баская,
Стан девичий, молодые очи...
К Пичегаю в дом вошла степенно,
Взгляд — на матицу, под нею села
Умница-разумница Любава.
В доме только мать она застала,
Что возле печи сидела смирно.
И словоохотливая сваха,
Милая Любава, — как запела:
— Все ль у вас здоровы, дорогая?
— Бога незачем гневить, здоровы, —
Пичегаева жена сказала.
— Показалось мне, что ты печальна.
Слава Нишке пазу, что здоровы!
Знаешь, к вам я с тем же беспокойством.
Наш Андымо-то с ума ведь сходит!
Через слово повторяет — Нуя.
Ну так как? Надумали, быть может?
Вашу дочь, красаву из красивых,
Все-таки за нашего-то парня
Выдадите замуж? Сладим дело? —

Но в ответ Лияна промолчала,
Лишь вздохнула. Вышли только стоны
Из груди широкой материнской.
— Не могу сообразить, что делать,—
Взгляд она потупила смущенно.—
Выдавать ее, конечно, надо.
Не дай бог, еще похитить могут.
Жаль ее. Единственная дочка.
Я-то сыновей одних рожала.
— Милая, да так всегда бывает! —
Перебила мудрая Любава.—
Жизнь-то наша длится не без бога,
Бог дает и он же отбирает...
Коль спелое яблоко, так нужно
Вовремя и снять с родимой ветви,
Чтоб сберечь от глаз от завидующих,
Чтоб червем каким не проточило.
А уж наш-то молодец Андямо...
Доброты в нем, ласковости — ворох!
— И не говори. Мы сами видим
Сыновей богатого Анжая.
За него мы выдали бы Ную,
Да она молчит... Поговори с ней,
Если тебе, свахе, отзовется,
Согласится, мы держать не будем.
— Помоги Юртава с Нишке пазом! —
Помолилась мудрая Любава.
Поднялась она в светлицу важно,
Сваха низко поклонилась Нуе.
Та вблизи окошечка сидела,
Из холста беленого рубашку
Золотой иголкой вышивала.
— Золотко мое, ты недовольна,—
С лаской вкрадчиво пропела сваха.—
Проклинаешь — чтоб я провалилась?
Не сердись, хорошая, не стоит.
Не сама я по себе тревожу...
Наш Андямо сохнет, как былинка,
Посуди — не ест, не пьет, пожолкнул,
Ну как есть — осенняя березка.
Он ведь по тебе извелся, Нуя.
Выйдешь или нет, скажи мне прямо,
За любимца нашего Андямо? —
Нуя, не взглянув, опять склонилась,

Не обмолвясь ни единым словом,
Ткань поправив, шелковою нитью
Продолжала вышивать рубашку.
— Ты и говорить со мной не хочешь?
А? — полюбопытствовала сваха.—
И не слушаешь, язык прикушен.
Аль тебе не нравится Андямо?
Хорошо живут в семье Анжая.
Для тебя нарядов не жалели б,
Что б хотела, то и надевала,
Чем угодно угощать бы стали.
Что ж тебе еще-то нужно, Нуя? —
Губы Нуи вдруг зашевелились,
Как от ветра лепесточки мака.
— Ничего б не надобно мне было,
Если бы любила я Андямо.
Без любви все золото, богатства —
Просто прах, не стоят и полушки.
— Милая, напрасная тревога,—
Уговаривать пошла Любава.—
Все мы этак замуж выходили,
Нас не спрашивал никто о чувствах.
Выйдешь, а потом полюбишь мужа.
Не упрямясь, дорогая, ты же
Девушка смышленная, я знаю.
Что ж теперь я сообщу Андямо?
— Что хотите, то и сообщите,—
Нуя отвечала, вышивая.—
За него я никогда не выйду.
И ходить и спрашивать не надо.

Не в себе, расстроенная, вышла
Из светлицы умная Любава
И Лияне вкрадчиво шепнула:
— Вечерком я приведу Андямо,
Пусть они друг с другом потолкуют.
— Вере паз¹ пускай тебе поможет,—
Мать, вздохнув, напутствовала сваху.—
Передай Андямо: согласится,
Упираться мы с отцом не станем.—
И Лияна, проводив Любаву,

¹ В е р е п а з — верховный бог.

Возвратилась с крошечной надеждой
И удостовериться в светлицу
Поднялась и приступила к Нуе.
— Не сидеть же в девках, ты подумай...—
Нуя молча резко отвернулась.
На нее рукой махнув, Лияна
Вышла со слезами на ресницах.

После посещения Любавы
Ную никуда не отпустили,
Сказано: понадобись дома.
Сумрак Гайрусу едва окутал,
А уж к Пичегаю, в двери — гости.
Сразу же пошел Андямо в нупаль
Перемолвиться о деле с Нуей.
— Что тебе передала Любава? —
Строго девушка его спросила.
— Все дословно, что ты приказала.
— Что ж тогда тебя сюда тащило,
Где никто не ждал и ждать не будет?
— Нуя, выслушай меня, прошу я.
Я богат. Твоим все будет, Нуя.
Что еще ты от меня хотела б?
— Хоть насыпь мне золотые кучи,
Хоть весь пол из серебра ты сделай,
Все же сердца моего не купишь.
Ты пойми, богатства мне не надо,
Мне любовь, любовь необходима,
Неподкупная, уразумей ты.
Не люблю тебя, ты мне не нужен!
— Если б ты в мою любовь проникла,
Не сказала б этих слов холодных...
Сколько б заплатил я, лишь бы слышать
Голос твой всегда в родимом доме!
— И твоя любовь, и все богатство
Для меня, представь, не существуют.
Ты напрасно шел, ступай обратно,
Не люблю тебя, ты мне не нужен.
И твоей женой, не жди, не буду!

Стал Андямо будто деревянный,
Будто от пощечины, растерян,
Он притих, уйти никак не может,

И сказать-то нечего. Что скажешь?
Еле дверь открыл и робко вышел.

Ей дышать как будто стало легче.
Все же непонятная забота
Сердце девичье одолевала.
А из дома гости не спешили,
По душам о чем-то говорили.
С ними были мать с отцом, невестки,
Брат ее. Анжая голос слышен,
Колокольчиком звенела сваха...
Разговор о чем? Их речь о ком же?
И заколотилось сердце Нуи.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Гайруса во тьме густой утопла,
Смолкли голоса, не слышно песен;
Люди спали глубоко, спокойно,
Но тревога охватила Нуя:
Мать с отцом о чем же говорили?
Что они Анжаю обещали?
Ночь почти не спавши просидела,
После третьих петухов забылась,
А когда глаза открыла утром,
Удивилась, — мать над ней поникла.
— Доченька, ай сон плохой видала? —
Со слезами мать ее спросила.
— Не пойму я, почему ты плачешь? —
Нуя удивленная сказала.
А Лияна вдруг запричитала:
— Подымайся, Нуюшка, скорее,
Не капризничай, молися богу,
Вечером помолвили тебя мы,
Слово дали славному Анжаю,
Сыну его, молодцу Андямо.
Доченька, вставай! Уж в доме сваты.
На тебя хотят взглянуть, родная,
Соберись быстрее, нарядися... —
Нуя встала — пол заколебался,
Затуманило глаза мгновенно,
Поползли на подбородок слезы.
Встала на колени дочь, рыдая:
— Матушка, что сделали со мною?
Пожалей хоть ты меня... Зачем вы
Губите единственную дочку?
Вы хороните меня до срока.
Не люблю его, он мне противен...
— Доченька, а что тут сделать можно...
Вере паз нас, женщин, видно, создал
Вечно плакать и с судьбой мириться.

Испокон так было — не одна ты,
Всю-то жизнь не проживешь, как хочешь,
Девушкой в родном отцовском доме.
— А зачем спешите? Пусть бы ждали...
Я еще чуть пожила бы дома.
Ты-то понимать должна, что тяжело
Заживо мне тлеть с постылым мужем.
— Понимаю, доченька, но время,
Ясная моя, не остановишь.
Что прошло вчера — вернуть не в силах,
Слово данное не взять обратно.
Соберись-ка, Нуюшка, надень-ка
Лучший свой наряд — и выйди к сватам.
Поспеш, не упирайся, Нуя,
Незачем показывать свой норов,
Их сердца расстраивать негоже,
Жить-то с ним средь них весь век придется...—
Ную недоверье обуяло,
Рассердилась и в пылу решила
Говорить начистоту с гостями,
Пусть послушают и убедятся...

* * *

За столом, торжественно накрытым,
С двух сторон два рода восседали,
Ожидая выхода невесты.
Посередке борода Анжая
Край стола почти что задевает,
Он расселся важно, повествует
О своем богатстве, похваляясь
Рассудительными сыновьями.
А его дородная Суляна,
Расфуфыренная половина,
Рядом тоже на почетном месте.
Бусы крупные на шее блещут,
Пуговицы на шушпане — звезды,
Между окнами простенок целый
Заняла спиной и пулагаем.
Пичегай сидит напротив смирно,
Без желанья слушает Анжая.
Сват-хвастун не по душе, как видно,
Но что делать, не вернешь же слово.
Коль дано — то пятиться зазорно.

Отворилась дверь, как будто легким
Ветерком она была открыта,
И вошла встревоженная Нуя,
И замолкли все на полуслове.
Взглядами в нее уперлись сваты.
Нуя грустная остановилась,
И в глазах ее, как в небе синем,
Невеселые мелькали мысли.
Подозвал ее отец любимый
И, чтоб слышали сваты, сказал он:
— Дочь моя, просватали тебя мы,
Вскоре быть тебе снохой любимой
Славного богатого Анжая.
Сын его любимейший, Андямо,
Пусть тебе хорошим мужем будет,
А старик Анжай — любимым свекром.
Пусть дородная Суляна станет
Для тебя любимой свекровью.
Слушайся их, не перечь им, дочка,
Как родных ты слушалась доныне.
Так поклонимся же Вере пазу,
Пусть дарует он вам счастье в жизни.—
Поклонились. Нуя оглянулась.
— Вере паз, а что теперь мне делать?
Где взять силы, чтоб стерпеть все это?
Что ж! Молитесь, ведь в сердцах-то ваших
Человеческого не осталось.
Как же вы могли меня просватать
Без согласия моего? Так знайте,
Не люблю я баловня Андямо
И не полюблю! Его женою,
Не рассчитывайте, я не стану!
Сказанного мной не позабудьте,
Из ума не выкиньте, торговцы!
Слышите? Вы не хотите слушать?
Ладно! Сам Чи паз¹ меня услышит!
Пусть возьмет мою простую душу,
Светлую, и вам меня, торговцы,
Никогда не даст на поруганье!..—
Все слышали слова невесты,
Но они не отвечали Нуе,—
Все еще молились Нишке пазу,
Молодым выпрашивали счастье...

¹ Чи паз — бог.

Нуя, в обе стороны качаясь,
Возвратилась в свой уют — в светлицу,
На постель пуховую упала
И слезами облила подушки,
Как водой кипящей обожгла их,
И просила бога смерть прислать ей.

Старики окончили молитву,
За накрытый стол роднею сели,
По ковшу хлебнув хмельного пуре,
О цене невесты, о подарках,
Обо всем они договорились,—
Кто и что сам к свадьбе приготовит,
Кто и что сторгует на базаре.
И Анжай богатый с Пичегаем
Закрепили все рукопожатьем,
После сговора родными стали.

Ковш устал носить по кругу пуре...
Пили, пили радостно и шумно
За здоровье жениха с невестой,
Пели, пели свадебные песни
И плясали: молодость и старость.
Жуварма играл им на нудее,
Веселились их сердца от хмеля,
Даже под окошками береза
Под вечер пошла плясать вприсядку.
Поздно ночью кончилось застолье,
Одарили сватов на прощанье,
С песней до дому их проводили,
Жуварму — до пасеки медовой.

Богача Анжая и Суляну
У ворот сынок любимый встретил.
Напевая, мать ему вручила
От невесты вышитый подарок.
Взял его дрожащими руками
Ослепленный радостью Андямо,
Опустился сразу на колени,
Матери он в ноги поклонился,
Сапоги облобызал отцовы.

Нуя в это время во светлице
Жизнь кляла, Андямо проклинала,

Им даренное пораскидала,
А платки его рвала на тряпки.
Горестно стояла на коленях,
Шепотом просила Вере паза,
Чтобы душу девичью он принял,
Чтоб за нелюбимого не выйти.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Нуя заперлась в своей светлице
И судьбу оплакивала горько.
Но слезами горю не поможешь,
А за счастье надобно бороться!
Нуя на себя вдруг рассердилась:
«Как же, руки опустив, сижу я,
Будто опоила сваха зельем.
Сила иссякала здесь с молитвой,
Воля утекала со слезами,
Я ж сама ходила за любовью,
Я сама свою искала долю...
Где же ты, медведь, мой провожатый?
Пусть же пьют, гуляют, веселятся,
Пусть сосватана я за Андюмо,
Одного люблю я — Сияжара,
И никем другим не заменим он!
Надо разыскать его с друзьями».

Так в светлице размышляла Нуя.
К знахарям гадать она ходила,
Ей гадали — то на веретенах,
То бобы раскидывали ловко
И предсказывали, уверяли,
Что она с любимым Сияжаром
Неприменно встретится, хоть долго
Ожидать придется этой встречи.
Вместе с тем от них слыхала Нуя,
Что далеко Сияжар, далеко,
В подземелье брошен, цепью скован,
Мол, пешком дотуда не дойдешь ты,
И по воздуху не долетишь ты.

Где искать его? В каком он месте?
Кто освободить его поможет?
Надо к Славе и Вольге добратсья,
Надо сообщить им о несчастье...

Оба русских под Казанью ныне,
Борются с ногайцами на Волге.
Как им восточку подать отсюда?
Мне самой идти? Идти! Сейчас же!
Пусть хоть смерть догонит на дороге,
Пусть хоть море путь перегородит,
Пусть хоть пламя божье с неба плещет,
Все равно ее не остановят,
Нет, она не повернет обратно!
И не мешкая, без проволочек,
Нуя собралась и тайно, ночью,
Из дому родителей бежала.
Путь нелегок через лес до Волги,
Но она спешила без оглядки,
Птицей по тропе вперед летела.

Радоваться не пришлось ей долго:
Через два на третий день настигли
Ную — избалованный Андямо
Со своими родичами вместе.
Привезли в отцовский дом невесту,
Заперли ее в пустой светлице.
Разгорелась ненависть к Андямо,
Пуше прежнего он опостылел.
Ей казалось, что ее забыли
Сверстницы, любимые подруги,
В памяти их стерлось имя: Нуя.
Да и солнце как-то помутилось,
Свет луны — он вовсе не доходит,
Но зато являться стал Андямо
По ночам светлицу караулить.
— Вере паз! — она вздыхала тяжело, —
И когда же кончится все это?

* * *

Сетовала Нуя понапрасну:
Верные подруги не забыли,
Помнили любимые товарки,
Стали забегать, когда узнали...
Под вечер однажды к ней в светлицу
Прибежала милая Витова,
Бросилась на шею. Разрыдались.

Помолчали и разговорились
О нелегкой, о девичьей доле,
О постылых днях, о Сияжаре.
— Понимаешь, Нуюшка, признаюсь,—
Очень строго начала Витова,—
На парней озлобилась я даже...
Ты подумай-ка: нет Сияжара,
Он пропал с друзьями, будто в омут
Канули,— ни слуху и ни духу.
А ведь сколь в селе у нас балбесов,
Женихающихся и хвастливых.
Парни дома лавки трут, притихли,
Нет того чтобы поехать к Славе,
Нет того чтобы Вольге сказаться.
Сообщи им — русским да отважным,—
Землю вдоль и поперек изъездят
И под землю, коль нужда, подлезут,
А товарища в беде не бросят;
Верю, выручили б Сияжара
И его друзей освободили б.
— Одинаковые наши мысли,
Боль у нас одна,— созналась Нуя.—
Зря, подруженька, парней ругаешь;
Ты же знаешь — молодежь-то наших
Далеко-далече проводили,
Там они с ордой за волю бьются...
— Что же делать?— охала Витова.—
Уму-разуму непостижимо...
А чего мы ожидаем? Ты-то
Рада, что ль, что выдают насильно?
— Отчего сижу?— спросила Нуя.—
Оттого, что я уже пыталась
Славе сообщить, к нему добраться.
Прежде все дороги разузнала —
И пошла. Да изверги догнали...
Все пути душе загородили!
— Слушай, Нуя,— вскрикнула Витова,—
Аль меня подругой не считаешь?
Рассказала б про пути-дороги,
И я тут же поскакала б к Славе,
К милому Вольге — и сообщила б!
— Боже мой, Витова, дорогая,
Превеликое тебе спасибо
За такое!— и подругу Нуя

Крепко обняла, поцеловала.
Увлечлись подруги, рассуждая
И прикидывая так и этак.
— Девушке одной в такую пору
Далеко ходить небезопасно,—
Нуя озабоченно сказала,—
Не ровён час— у ногайцев в лапах
Можно по несчастью очутиться...
— Верно, да...— задумалась Витова.—
Но не забывай: когда боишься,
И на печке сам медведь отыщет.
Тронуться в дорогу я готова,
Пожелай мне доброго здоровья
И благополучья в тяжком деле.
— Как же ты пойдешь туда, Витова?—
Нуя вдруг взволнованно спросила.—
Собираешься не на прогулку...
Страшно! Не расскажешь ты позже?
— Нет. Обдумала и не попячусь.—
Твердо ей ответила подруга.—
Парнем наряжусь, верхом поеду!
Есть у нас прилудный конь ногайский,
Как-то из лесу пришел, оседлан,
Вот на нем я ездить научилась
И мужчину обогнать сумею...
Утром завтра к Славе полечу я,
Там и милого Вольгу найду я—
И вернусь обратно с Сияжаром.
— Я тебя люблю, как жизнь, Витова,—
Нуя крепко обняла подругу.—
Очень трудно мне с тобой расстаться,
Будто собственной души частица
От меня уходит в неизвестность.
— Не горюй! Надейся, жди, вернусь я,—
Уверяла шепотом Витова.—
Чую сердцем, что их разыщу я,
Будто все стоят перед глазами...
Знаю, Нуя, что тебе придется
Вытерпеть и слезно настрадаться.
Им не поддавайся! Будь хитрее.
И не унывай ты от напасти
И от долгого от ожидания.
Свадьбу оттяни, найди причины,
Ну, хотя б скажись больной, придумай,

Мучайся, страдай, как бы от хвори,
И не выходи, сиди в светлице.
И чем дольше ты протянешь время,
Тем и наша встреча будет ближе.
Мне пора! Не беспокойся, Нуя!—
Так прощалась милая Витова.—
Ты живи и здравствуй, верь, надейся,
Я без твоего, подруга, счастья
Не вернусь. Приеду с Сияжаром...—
Обнялись они, расцеловались.
Нуя со слезами проводила
Верную, любимую подругу,
Милую красивую Витову,
И одна осталась ждать и верить.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Утро тихое, без ветра, плыло,
Мягкой краской был восток окрашен,
То под песни птиц заря пылала...
Гайруса еще спала спокойно,
Лес, поля и горы отдыхали.
Только не спала одна Витова,
Конь под ней летел туда, где солнце
Медленно, как глаз вселенной, в небо
Выкатилось из-за горизонта.
Не похожа на себя Витова,
Вырядилась девушка парнишкой:
В белой, но поношенной рубаше,
В латаных штанах, в шапочке рваной,
И кафтан отца почти что впору,
И в мужские лапотки обулась.
И взяла себе мальчишье имя,
Имя брата младшего: Паксине.
День скакала, день второй летела,
В третий раз вокруг земли цветущей
Ласковое солнце обернулось,
А она вперед — без остановки,
И назад ни разу не взглянула,
Ночевала где придется: в поле,
На лугу, в лесу; коня кормила,
Охраняла зорко; забывала
Об опасности лишь ночью темной,
Как об этом забывают парни.

Вот уж пятый день Витова мчалась.
Никаких случайных происшествий —
Не задерживал никто покуда
И с пути ни разу не сбивалась.
И шестой день начала Витова
Скачкою. Когда же стало жарко—
Попасться пустить коня решила.

По пути заметив луг-поляну,
Скакуна мгновенно повернула.
Сразу из лесу — на луговину,
С ходу, не ждала и не гадала,
На отряд ногойцев наскочила,
Что расположился здесь на отдых.
— Гляньте-ка, какой хороший мальчик!
Прискакал, смотри-ка, прямо в руки! —
Все вскричали, задержать пытались.
Кто за пики взялся, кто — за луки,
Да скорей за всадником вдогонку.
Взвился конь, рванулся под Витовой
Через луг опасный и широкий,
А она, склонившись над лукою,
Лошадиному молилась богу,
Чтобы выручил ее каурый.
Раз стрела над нею просвистала.
И второй раз мимо прогудела.
Повернула в лес она обратно,
Только доскакала до опушки,
Захромал ее скакун каурый:
В ногу заднюю стрела попала.
Конь споткнулся и упал под сосны —
Заорали радостно ногойцы.
А Витова кинулась в чащобу,
Захватив с собой суму с едою,
И ее укрыл густой кустарник.

Ах, Витова, смелая Витова,
До заката по лесу бежала,
Все туда, где находился Слава;
В сосняке густом заночевала,
А на зорьке вновь вперед рванулась,
Чтоб скорей поспеть, не тратить силы,
Зашагала по лесной дороге.
Долго, быстро шла она, и если
Замечала на пути ногойцев,
В сторону сворачивала мигом,
Пряталась от вражеского ока.
Солнце с полдня медленно катилось,
И душманы реже попадались
И совсем исчезли, не встречались.
Лес притих, дорога опустела,
Солнце лезло за макушки сосен.

Хорошо шагалось, и деревьев
Мягкий шорох провожал Витову.

Вдруг деревья странно заскрипели,
Ветками дубы зашевелили.
На березах задрожали листья,
И трава испуганно поникла;
И без ливня тучи почернели,
И земля без грома затряслась.
И Витова встала средь дороги,
Глянула вперед — а встречь ногойцы,
Вспять пошла — ногойцы догоняют,
Вправо скок — горят огни ногаев,
Влево, в бег, — на озеро наткнулась.
Некуда податься, скрыться негде...
Смотрит — кинут мост через овражек,
Вот под ним и спряталась Витова,
Все, что было у нее — укрыла,
Лишь пола кафтана не вместились.
Все ногойцы через мост промчались,
Уж Витова выбраться хотела,
Глядь, один старик отставший едет, —
Поправлял седло и задержался.
У него был пес четырехглазый,
Конь огромный, как верблюд горбатый.
Как подъехал к мостику ногаец,
Пес и увидел тогда Витову,
За полу кафтана уцепился,
Потянул, залаял, окаянный,
Подзывал хозяина, конечно.
Слез тут с лошади ногаец злобный,
За полу кафтана ухватился,
Из-под моста вытащил Витову,
Впереди седла ее на холку
Посадил, да прикрутил ремнями,
Да в Казань привез, домой, поганный.

— Выходи встречать! — жене он крикнул. —
Глянь, помощника добыл тебе я! —
Вышла из дому на крик молодка,
За руку взяла Витову нашу,
Привела в ногойские хоромы,
Мужа старого она спросила:
— Что же делать мы его заставим?

— Этот раб пускай днем лошадь холит,
По ночам пусть ребятишек нянчит.—
Вот когда Витова испытала
Горечь рабской непосильной жизни:
Днем она конягу кормит, чистит,
Ночью их детей качает, нянчит.
Не спала и досыта не ела.
А когда ногаец отлучался,
От души молодка угощала
И давала выспаться ей ночью,
Отдохнуть и днем ей разрешала,
И однажды села с нею рядом,
Начала расспрашивать Витову:
— Расскажи мне, паренек эрзянский,
Из какой сторонушки ты будешь?
Из какого же села ты родом?
— А зачем тебе село-то наше?
Я родился в Гайрусе хорошей.
— Паренек, а как зовут отца-то?
— А зачем понадобилось имя?
Люди все зовут отца: Сияржа.
— Паренек, как мать зовут, не скажешь?
— А зачем тебе ее знать имя?
Матушку мою зовут: Мазярго.
— Паренек, а самого зовут как?
— А зачем тебе мое знать имя?
С детства все зовут меня: Паксине.
— Как сестру твою старшую звали?
— А зачем еще сестры-то имя?
Вот уж шесть лет ее нет дома,
В сенокос похитили ногойцы.
Звали старшую сестру Уняшей.—
И тогда ногойская молодка
Затряслась, заплакала, зашлась
И на шею кинулась Витове:
— Братом мне приходишься, Паксине!
Братик, я твоя сестра родная,
Старшая, которую украли.—
Только после этого Витова
Поняла, что перед ней Уняша.
И, наплакавшись, сестра сказала:
— День и ночь одолевала дума,
Как бежать, как вырваться отсюда...
Собралась уже, есть провожатый...

Вместе мы теперь. А разминись мы,—
Здесь рабом ты на всю жизнь остался б...—
Тут-то ей Витова и призналась
В смелой и рискованной затее.
И опять заплакала Уняша,—
Младшую свою сестру узнала.
— Вот что скоро сделаем, Витова,—
Шепотом сестра заговорила.—
Отомстим тому, кто нас похитил,
Кто торгует издавна рабами...
Мы сбежим, мы в Гайрусу поедem.
Ибрагим нам вырваться поможет.
В город тайные пути он знает,
Он разведал, изучил... И сам он
Выбраться отсель давно мечтает.
Славный человек, ему я верю,
Здесь он жил несчастно, как невольник.
Мне он рассказал, что царь московский
Под Казань ведет войска большие,
Чтоб жестокое разрушить ханство,
Поголовно всем рабам дать волю.
Коль ушла б я раньше, ты б погибла...
А теперь свободу вместе встретим!

Ибрагим под вечер приходил к ним,
Ладили что нужно для побега.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

На чужих слезах все нажитое
В горло тебе, словно нож, вонзится,
Это испытал и тот ногаец,
Тот, который задержал Витову.
Поздно вечером старик приехал,
Где-то много он добра нагребил,
На седле привез, скрутив веревкой,
Двух парней. Добро в подвале спрятал.
— А вот их,— он показал на пленных,—
Завтра к брату отошлем, к Кариму,
Табуны мои пасти там будут.
И самим пора отсель уехать,
Под топор зачем же класть нам шею?
Собери быстрее поесть, Уняша!—
Он кивнул своей жене-молодке.
Сел один за стол, с устатка выпил,
Мяса съел, бревном в постель свалился —
И заснул. И больше не проснулся.
Этот Абра-бай, старик богатый,
Совершал с отрядами набег,
Торговал невольниками часто,
Увеличивал свое богатство,
И добыл себе погибель этим.

Сразу начал в тишине полночной
Ибрагим готовиться к побегу.
Двух парней, захваченных ногойцем,
Из подвала каменного вывел.
Оба дюжие, Ефрем с Ефимом,
Одинаковы, большого роста,
Да и силой бог их не обидел.
Все они в ногойское оделись,
Так, как люди, слуги Абра-бая,
Пять коней горячих оседлали,
Пять сверкавших сабель пристегнули,
Пять острейших пик в руках зажали.

Не узнать Витову и Уняшу,
Так на воинов похожи стали.
Ибрагим повел. Пошли свободно
Через вал и через рвы с водою;
Имя Абра-бая помогало;
Лес прошли — и вот пустое поле,
Кони взмыли, ринулись крылато!
И, не перемолвясь даже словом,
До зари они на запад мчались.
А когда кругом все заалело,
Въехали они в сыр-бор дремучий,
В глубине его на луговине
Сбросили ногойскую одежду
И в эрзянскую переоделись.
И по тропам дальше пробирались.
На закате в середине бора
Отдохнуть они остановились,
Близ ручья, на маленькой полянке
Закусили, жажду утолили.
Их ко сну усталость мягко гнула.
Вдруг листва сухая зашуршала,
Словно ласточка по ней метнулась.
Как из-под земли явился парень,
Напрямик спешил он к Ибрагиму.
Тот — за саблю! Миг еще б — и наземь
Голова прищельца покатилась.
— Ибрагим, стой! — сказал ногоец. —
Это я, твой друг. Спокойно слушай.
Не с дурною целью поспешал я.
Ночью вы ушли, а утром прибыл
В дом Карим, нашел он брата мертвым.
Он искать Уняшу — нет Уняши,
Он искать тебя — и ты исчезнул.
Догадались, кто все это сделал.
Вас в лесу Карим с отрядом ищет.
Осторожней будь, не попадайся!
— Пусть аллах пошлет тебе здоровья
На всю жизнь! Ты, Архана, дружище,
Лучше лучшего! — и крепко руку
Ибрагим пожал ему за верность.
Архана пропал в кустах мгновенно.

Поднялась луна. И под луною
Вновь поехали между деревьев,

Путь держа туда, где войско Славы.
Ночью и проехали немного,
А устали сильно, кони тоже,—
Было некогда кормить их вволю.
Лес кончался. И виделось поле.
Только тронулись они с опушки,
Тут и подстерег Карим с отрядом.
Двинулись ногойцы лавой справа,
Двинулись другою лавой — слева.
Ибрагим пытался в лес вернуться,
Но и сзади — слышал — приближались.
— Слушайте, Уняша и Витова!—
Ибрагим заговорил тревожно.—
Нам придется здесь расстаться с вами.
Вот скачите в этот перелесок,
Дальше прямо во широко поле,
Там до войска Славы недалеко.
Помните рассказ мой о дороге?
Ну, а мы поговорим с Каримом,
И пока не скроетесь — задержим.—
Тронула в карьер коня Уняша,
Вслед за ней Витова поскакала.
Ибрагим остался ждать Карима,
Рядом два товарища стояли,
Ко всему готовы: к бою, к смерти,
Лишь бы в рабство не попасть вторично.
Бай Карим подъехал к Ибрагиму.
— Обвинять тебя придется дважды,—
Он сказал озлобленно и люто.—
Ты забыл великого аллаха!
Душу Абра-бая погубил ты!
Ты злодей, земля тебя не терпит,
Ты умрешь, не жить тебе на свете,
Но не здесь тебе башку отрубим,
Есть приказ: живым тебя доставить.
— Из-за Абра-бая волноваться?! —
Ибрагим в лицо Кариму крикнул.—
Бешеной собаке — смерть собачья!
Сколько загубил он душ безвинных!
На чужих слезах богатство нажил.
Он теперь уже в аду пылает!
Говоришь, живым меня доставишь?
Коль своей башки не жаль — попробуй!—
И взлетела сабля Ибрагима,

Рубанула с головы до зада.
Даже не успел Карим и охнуть—
Развалился на две половины.
Страх напал на часть его отряда,
Многие коней поворотили...
Ну, а тех, которые остались,
Ибрагима задержать хотели,
Он рубить с товарищами начал.
В лунном свете лошади храпели,
На дыбы отчаянно вставали.
Трое храбрых справа размахнутся —
Головы врагов летят налево,
Если трое размахнутся слева —
Туловища валяются направо.
Стоны, ржанье, крики раздавались.
Но сумели выдержать ногойцы,
Не ударились трусливо в бегство.
Их никто не видел и не слышал,
Лишь луна окидывала схватку,
Видела мелькавшие подковы
На копытах у коней ногойских.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Где ж теперь Уняша? Где ж Витова?
По земле они куда же скачут?
Может быть, свое догонят счастье?
Может быть, лишь встретятся со смертью?

Кони их взрезали жесткий воздух,
Кони быстрые дышали тяжко,
Позади их оставался ветер.
Позади была слышна погоня,
Всадникам озлобленно грозили,
Требовали, чтоб остановились,
Раза два в них выпустили стрелы...
Но как приросла к седлу Витова,
Наклонилась над лукой, над гривой,
Вслушивалась, различить пытаясь,
Сколько злобных гонится за ними.
Поняла: душманов три-четыре.

Пролетали всадницы над полем,
Будто две орлицы в лунном свете,
Впереди — Уняша, темным дымом
Волосы рассыпались — и плыли,
И казалось, в воздухе струились.
Все же расстояние сокращалось,
И душманы стали настигать их.
Скакуна попридержав, Уняша
Поравнялась на бегу с Витовой,
Громко крикнула: — Сестра, послушай,
Незачем нам погибать обеим.
Мчись одна... Я отвлеку ногойцев...
Пусть насытятся моей душою.
Мчись по той дороге, о которой
Ибрагим рассказывал... Ты помнишь?
Нишке паз храни тебя, сестренка!
Возвращайся в Гайрусу здоровой!

И Витова поскакала дальше.
А Уняша чуть повременила,
Чуть проехала рысцою мелкой,
На себе сосредоточив взгляды
Догонявших, и свернула вправо,
А за ней — душманы, будто волки...
Храп и топот стихли понемногу.

А Витова мчалась, но недолго,
Поняла: не гонятся за нею,
На следу ни одного ногойца,
И поводья сразу отпустила,
Конь остановился в чистом поле.
Девушка опять одна осталась,
Понизу — земля, а сверху — небо
С равнодушным лунным желтым глазом.
Вся от робости на миг ослабла,
Ажно по плечам пошли мурашки.
Как же ей теперь одной-то ехать?
Всюду смерть ее подстерегает...
С правой стороны, с опушки леса
Доносился шум и гомон схватки:
Ибрагим кричал, и голосили
Раненые, видимо, ногойцы.
Где-то там, неподалеку, взвился
Острый голос дорогой Уняши,
По сердцу он резанул Витову.
Что случилось? Что с сестрою случилось?
И заплакала навзрыд Витова,
И лицом коню уткнулась в гриву.

Выплакалась девушка — и снова
Стала вслушиваться. Схватка смолкла,
Как пожар опавший среди ночи.
Тишь глухая придавила поле,
Как тяжелый камень все прижала.
Девушка растерянна и долго
Без движения в седле сидела,
Конь воспользовался остановкой —
И пощипывал траву густую.
Постепенно липкий страх и горечь
Отходили, высыхали слезы,
Мысли разные в мозгу шныряли,
Каждую сто раз пересмотрела,

Пересиливало любопытство;
Натянув поводья, повернула
Скакуна обратно. И к опушке
Через поле заспешила рысью,
В глубине лесной остановилась
На какой-то маленькой лужайке,
Конь мгновенно жадно потянулся
Мордой к мураве росистой, мягкой,
А Витова, как в бреду глубоком,
Обессиленная, наземь слезла
И в кусты упала и заснула.

Что усталой снилось — не упомнит,
Но, проснувшись, переполошилась:
Нет коня. Куда же задевался?
По лесу прошла — и следу нету,
Голос подала — и не ответил
На зазыв лихим веселым ржаньем,
К ней пустое эхо докатилось.
И осталась пешею Витова.
Солнце утреннее подымалось
По ветвям зеленым, по макушкам.
Ей, потерянной, все ж не терпелось
Выйти на опушку, к месту боя,
Чтобы мертвую сестру увидеть,
Попрощаться с дорогой Уняшей,
Схоронить от ворона и зверя.

Вот они — побоища останки,
Зрелище — мороз бежит по коже!
На земле вскопыченной и взбитой
Там и сям распластаны душманы.
Обошла всех мертвых, осмотрела —
Ни сестры, ни Ибрагима нету,
И Ефрем нигде не отыскался...
Боже! Среди мертвых тел валялся
Лишь Ефим, но меч в руках держал он...
До плеча дотронулась Витова —
Парень застонал, глаза открылись...
— Жив ты? Хорошо! — Она склонилась
И спросила: — Где Уняша — знаешь?
Ибрагим, Ефрем — они пропали?
— Ранены. В лесу искать их нужно, —

Бледными губами шевельнул он.—
Мне водички бы попить холодной...

«Где взять воду?» — думала Витова.
Догадалась. Конь лежит убитый!
И нашла еду в седельной сумке,
В кожаном мешке нашла напиток,
Им она Ефима напоила.
Он вздохнул, заметно оживился,
Еле сел, рукою в землю уперся.
— А теперь и поразмыслить надо,
Сгинуть раньше времени мне или
Погодить... Годов я прожил двадцать...
Мне б поесть чего-нибудь, Витова,
А затем с костлявой поконаюсь.

Обошла побоище Витова,
Подняла еще две сумки снеди.
Мясом жареным его кормила,
Потчевала творогом сушеным.
И Ефиму будто полегчало,
Попытался встать — не тут-то было,
Боль в ноге к земле нещадно гнула.
— На одном-то месте даже камень
Рассыпается, а мы — подавно
Здесь хорошей доли не дождемся.
Нам отсель сподручней перебраться
В лес поглубже... — И Ефим поднялся.
И пошли они. Ефим-страдалец
Раз шагнет — заходится от боли,
Три шагнет — в испарине жестокой,
Чуть не в обмороке... Постепенно,
Кое-как, но добрались до чащи,
До лошины с родником журчащим.
Там Витова раны врачевала,
Родниковую водой промыла,
Травами целебными прикрыла,
Осторожно их перевязала.
И опять Ефиму полегчало.
— Ты от мудрой матери родилась,
Ты от доброго отца, Витова,—
Похвалил Ефим, блестя глазами.—
Не приди ты, смерть тогда б явилась.

Чем же оплачу твою заботу,
Животворный отдаю подарок?
Жизнь за жизнь! Спасибо, дорогая!
Что-то в сон меня кидает... лягу.—
И заснул Ефим, как в детстве, крепко.

Охраняла сон его Витова,
Дума в голове ее кружилась:
«Выхожу Ефима, а куда мы
Подадимся? Ведь кругом душманы...»
Не заметила, как задремала,
Сон мелькнул какой-то на мгновенье,
Вздрыгнула от хруста — и проснулась.
Сумерки. Валежник рядом треснул.
Тень возникла. Вскинулась Витова.
— Не пугайся, девушка. Не бойся.
Я приятель Ибрагима. Помнишь?
— Архана! — воскликнула Витова
И покаялась чистосердечно:—
Кто напуган раз, тому и кустик
В сумерках покажется медведем.
— Не сказал бы я,— кивнул пришелец.—
Нет, тебя кустом не напугаешь.
Слезы близко, это верно. Слушай!
Ибрагим, сестра твоя Уняша
И Ефрем захвачены врагами.
Собираются в Казань отправить.
Связанных, пока их в яме держат...—
Покатались слезы у Витовы.
Архана пытался успокоить,
Но она запричитала в голос.
Он взглянул на девушку сердито:
— Я не досказал... Ну,— вытри слезы!
Эти слезы нам беду накличут.
Тише! Тише! Слушай хорошенько.
Наши в яме, связанные прочно,
Охраняются большим отрядом,
И освободить их, бедных, могут
Только Слава и Вольга отважный.
Войско их отсюда недалеко,
Знаю, где оно расположилось.
Вместе мы туда пойдем с тобою,
Потому что я им неизвестен,
Я ж ногаец, могут не поверить...

— А Ефима мы куда же денем?—
Спохватилась девушка.— Он ранен!
— Здесь оставим,— Архана ответил.
— Не оставлю! — топнула Витова.
— Ничего со мной не приключится,—
В спор их поспешил Ефим вмешаться.—
Выручайте трех, меня оставьте.
Время — жизни! Скорее поспешайте!—
Но Витова снова колебалась:
— Невдомек, что делать... Побежала б
Бегом, полетела бы по небу...
Как же одного его здесь бросить?
Умереть он может без подспорья...
— Ты не хорони меня, Витова,—
Ей сказал Ефим сурово, твердо,—
Есть еда, ее надолго хватит,
К роднику переберусь поближе.
Уходите! Проступили звезды.

Все-таки его перетащили
К роднику, где были гуще травы,
Чтобы там и людям не увидеть,
Да и птицам сверху не заметить.
Рядом положили, под рукою,
В сумках снедь. И попрощались с парнем.
И ушли. Между деревьев скрылись
Архана с Витовой. Он остался.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Архана́ идет сквозь чащу леса,
Так плывет в реке свободно рыба,
Он сучка плечами не заденет,
Он о пень торчащий не запнется,
Он с пути, шагая, не собьется.
А за ним ступает вслед Витова.

Расстояние прошли большое,
Кажется, рукой подать до цели.
Утро занялось, заря в полнеба.
Архана спешил, Витова рада.
Но оттуда возникает горе,
Где без шороха таится гибель,
Разве может предупредить нас сердце?
Архана уверенно и твердо
Шел и шел, и вдруг задел за что-то
И споткнулся, чуть не растянулся,
На ногах он еле удержался.
А Витова вскрикнула, упала,
Боль огнем ударила ей в ногу,
Будто пасть звериная схватила.
Архана к ней подскочил на помощь...
Между тем среди стволов, поодаль,
Тень кричащая легко мелькнула:
— Сатынбай, беги сюда быстрее,
В наш капкан послал аллах предобрый
Красну девицу! Попалась птичка!
— Потерпи немножечко, Витова,—
Архана шептал, к земле пригнувшись,
Челюсти капкана разжимая.—
Не стнай! Пусть подойдет поближе...—
И они, не шевелясь, притихли.
Подошедший не успел склониться,
Архана к нему взметнулся рысью.
Сабля! И охотник повалился,
Отделившись, голова глядела...

Прибежал второй, дыша натужно,
И спросил, еще не разобравшись:
— Чем же наградил аллах великий?
— Птичкой божьей, девушкой красивой,—
Архана, смеясь, ему ответил.
Не был слеп и не был глух ногаец,
Без башки приятеля увидев,
Побежал назад через лужайку.
Архана прицелился из лука —
И бежавшего догнал стрелою.
Архана спешил. Что было делать?
Дальше не могла идти Витова,
Боль горела в голени распухшей.
На лесных лужайках и в лощинках
Он собрал, как мать его учила,
Болеутоляющие травы
И перевязал Витове рану.
Боли постепенно затихали...
Архана уселся на пенечке,
Архана задумался печально,
Разве мог предвидеть он задержку?
Увезут друзей в Казань на гибель...
Он задвинул глубже саблю в ножны,
Лук с колчаном за спину закинул,
И, преодолев сопротивление,
Взял Витову на руки насильно,
И понес по тропке, как ребенка.

Он ступил на торную дорогу,
Зашагал, посматривая зорко,
Вслушиваясь в шорохи лесные;
От злосчастных мест ушел далеко,
Но уже усталость догоняет,
С каждым шагом ноша тяжелее.
— Архана! — Витова догадалась.—
Опусти меня, прошу я, наземь,
Отдохни ты сам хотя немного.—
А он шел вперед, не отвечая,
Молча шел, передвигая ноги.
Неожиданно остановился,
В сторону, в кусты свернул с дороги
И легонько опустил Витову.
— Тише! Слышишь, крики? Скачут кони.

Отступают и бегут ногойцы,
Их преследуют иные крики.—
Архана мгновенно вынул саблю
И ударил по стволу осины,
Повалилась горькая осина
Поперек лесной дороги узкой;
Он второй раз по сосне ударил,
И помог ей рухнуть на осину,
От удара третьего упала
Ель густая — и образовалась
На пути коварная засека.

Показались мчащиеся кони,
Тяжело они дышали, хрипло,
Понукали их плетями, били
Убегающие вспять ногойцы,
Ибо наступающие быстро
Настигали задних и рубили.
При такой езде молниеносной
Кони налетали на деревья,
Кони спотыкались и валились,
Кувыркком попадали ногойцы,
Тут их сабля Арханы встречала.
Сзади наступавшие насели,
В дело пущены мечи и пики,
И отряд врагов, зажатый в клещи,
Окровавленный и поредевший,
Поднял руки, сдался добровольно.
Лишь вблизи поваленных деревьев
Архана кричал кому-то громко:
— Жизнь твоя здесь кончится, собака!

Всадники из наступавших, в латах,
К Архане подъехали вплотную.
Было видеть очень любопытно,
Как лупил ногоец Абдул-бая,
Вспоминал ему его жестокость
И еще какие-то проделки,
Наконец приподнял бая в воздух
И ударил головой о землю.
— Абдул-бай не человек — собака,
Загрызавшая людей невинных,—
Архана сказал и сел устало
На сосну, лежавшую в завале.

Он в плечо был ранен, окровавлен,
Голову бессильно опустил он.
Окружившие заговорили:
— Это чей же парень? И откуда?
Среди нас такого не имелось.
— Ихний парень, колотил своих же.
— Здорово отдалал Абдул-бая!
— И своих, кажись, мурзы да баи
Допекли. А парень честный, храбрый.
— И дубы растут средь бурелома!
— Здорово отдалал Абдул-бая!
— Это он здесь повалил деревья,
Больше некому... Зови Бурная!
— Сам вон едет! Ишь какой веселый!
— Что же, молодцы?— Бурнай подъехал.—
Хорошо работали мечами,
Действовали пиками не хуже!
— Слышь, Бурнай, здесь ихний помогал нам,
Абдул-бая задержал засекой!
Парень обессилел, обескровлен,
Храбрецу перевязать бы раны.—
Спешился Бурнай и сразу к парню,
Архане пожал он крепко руку.
— Друг, благодарю тебя за помощь!—
Архана поднялся, пошатнулся,
Поманил Бурная за собою
И привел его в кусты к Витове.

Озадаченный Бурнай склонился,
Он к лицу лежавшей присмотрелся.
— Что за человек? Кажись, знакомый,
Где-то видел; право, не упомню.—
А Витова, боль преодолевая,
Села поудобней и запела
Песню о селе своем любимом.
А на песню — старший брат Витовы
Прибежал Кижай в недоуменье:
— Да откуда здесь Витова наша?

— О себе я расскажу попозже,—
Волновалась радостно Витова,
Обнимая и целуя брата.—
Вы об Архане сейчас заботьтесь,
Рану-то ему перевяжите,

Накормите досыта, устал он,
Нес он на руках меня с рассвета.
— Хорошо! Мы выполним наказ твой.
Как ты, Расскажи, сюда попала? —
Молодцы из Гайрусы просили,
Знавшие ее односельчане.
— Длинная история, ребята,
И о ней рассказ пока отложим,
Главное — освобождение наших,
Ибрагим, наш друг, он связан, в яме,
С ним Ефрем, сестра моя Уняша,
Раненый Ефим в лесу остался...
В Гайрусе печаль, большое горе:
Сияжар пропал с друзьями вместе,
Алаяром, говорят, захвачен...
Вы его освобождать готовьтесь!
Ную помните, мою подругу?
Жалко, высватали за Андямо.
Вам безотлагательно придется
Ехать, выручать из ямы наших,
Вырвать Ибрагима и Уняшу,
И Ефрема у душманцев подлых.
И в лесу Ефима разыщите.
Архана вас повести к ним может...
Я сама-то ранена, ребята,
От меня, признаться, пользы мало.
— Где же тебя ранили? — тревожно
Стал расспрашивать Кижай Витову.
— Все потом... Все заживет до свадьбы.
Поезжайте, опоздать нельзя вам,
Увезут враги в Казань Уняшу,
Там погибнут Ибрагим с Ефремом...
Да в лесу Ефима разыщите!
Больше не скажу я вам ни слова.

А Бурнай стоял, молчал сердито,
Мысль заботила о Сияжаре,
Разгоралось в груди желанье
Беспощадно отомстить за друга...
Приказал похоронить убитых,
Разобрать завал, убрать деревья,
И к Витове нежно обратился:
— Преогромное тебе спасибо!
Отдыхай, быстрее поправляйся.

После будешь веселить нас песней.
— Знаешь, голос мой охрип от скорби,
Сердце беспокоится о Нуе.
Я боюсь,— она сказала,— как бы
Не уволокли ее к Андямо...
— А когда сыграть решили свадьбу?
— Срок не назначался. Нуя хочет
Оттянуть до осени до поздней.
— Много бурь нас опахнет за лето,
К осени мы в Гайрусу прибудем...—
Высказал Бурнай предположение.

Все окончилось пополудни.
Предали земле убитых в схватке,
А в живых оставшихся ногойцев
Повели в село, где войско Славы
Основательно расположилось.
На телегу — на охапку сена
Уложили милую Витову.
Архану на лошадь посадили,
По лесной дороге покатали.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Повезли Витову на телеге,
Впряжены стремительные кони!
А кругом, верхом, с ней вместе — парни,
Все знакомые, односельчане,
Близкие, родные, словно братья,
Ах, счастливая она какая!
И в ноге утихло пламя боли,
И самой легко-легко вдруг стало,
Пройденное в сон оборотилось,
Билось сердце трепетно и нежно,
В голубых глазах светилась радость.
И она глядела на Бурная,
На его товарищей эрзянских,
Что вели ногайцев полоненных,
И приятно думала: «Ах, парни!—
Есть за что любить их, сильных, храбрых».

Поредели толстые деревья,
И закраек леса показался.
Здесь Гамзур, гонцом предупрежденный,
Поджидал давно нетерпеливо
И отряд и милую Витову.
С ним стояли спешенные парни
Из присурских сел и жадно ждали
Новостей, конечно, от Витовы.
И Гамзур, и воины-эрзяне
С нею поздоровались душевно.
И со всех сторон пошли расспросы:
Как там Гайруса, что в ней творится,
Кто женился, урожайна ль нива...
Аж язык Витовы уморился,
Отвечать им еле успевала.

До села рукой подать. Дорога
Повела через широко поле.

У околицы их встретил Слава,
И Вольга веселый тоже встретил.
Шли до дома рядышком с телегой,
А Вольга — держась рукой за грядку.
И они расспрашивали тоже,
И она, что знала, рассказала.

Посреди села стоял домище,
В нем и обитали воеводы,
И к нему подъехала телега.
И Вольга взял на руки Витову,
Как младенца, в горницу занес он.
Архану туда же пригласили,
Стол накрыли, сели отобедать.
И Гамзур с Бурнаем подоспели.
Сперва-наперво летали шутки.
— Надо же, в капкан она попалась,—
Всем подмигивал Бурнай с улыбкой.—
Я не прочь бы стать капканом этим...
— Нет, не стать тебе моим капканом,
У тебя колючие объятья,—
Девушка отшучивалась остро.
А затем пошли воспоминанья,
А затем и прикоснулись к делу...

Архана отставил ковшик с брагой,
Оглядел приятное застолье
И сказал: — Прошу, не обижайтесь.
Я вам благодарен за доверье
И за то, что отдохнуть маленько
Мне гостеприимно предложили.
Милые, да разве сон пристанет,
Если знаю, что в противной яме
Друг с товарищами истлевают,
Если ожидает их погибель?
— Верно! — поддержал Вольга.— И вправду,
Ожиданье выйдет преступленьем.
Надобно сейчас скакать, немедля,
Подстеречь или догнать в дороге,
И распотрошить отряд ногайский,
И отбить плененных, не иначе...
— Молодцы из деревень присурских,—
Сообщил Гамзур,— готовы к схватке...—

К Архане оборотился Слава:
— Много ль всадников в отряде этом,
Что Уняшу в яме охраняет?
— Может, полторы, а может, сотня,
Их привел Карим, но он зарублен,
Но к ним шли вчера с отрядом крупным
Два или три бая... Сабель триста.
Думаю, они соединились.
И снялись. Их догонять придется.
— У меня сейчас одно желание,—
Встал из-за стола Бурнай, взволнован.—
Дорогой наш воевода Слава,
Разреши уехать мне с отрядом.
Я дорвусь до глотки Алаяра,
Сияжара выпущу на волю...
— И меня, прошу,— Гамзур поднялся,—
Вот сейчас отправьте за Уняшей,
Мы догоним, разобьем душманов!

Воевода всех окинул взглядом,
Медленно заговорил, спокойно:
— Молодцы, сподвижники, вас стоит
Похвалить за бурные желанья.
Чувства ваши с вами разделяю,
Но дела важнее перед нами...
Я пошлю тебя, Бурнай, с отрядом,
Ты оттуда, друг мой, не вернешься,
Ни тебя, ни Сияжара больше,
Вот те крест, уверен, не увидим.
Алаяр силен, старик коварен,
Хан владеет сатанинским войском.
Разгромить его — нужны отряды.
Кто нам даст большую силу ныне,
Коль нужна вблизи Казани сила?
Сияжара выручим, конечно,
Воздадим его врагу сторицей.
Потерпи, Бурнай, еще немножко.
Перед кем челом бить? Кто отпустит
Молодцев в страду, прикинь-ка, друже?
Пушки вспашут, а нам сеять стрелы!
Все мы вместе здесь необходимы,
Наше дело, братцы, под Казанью!
Хан его не умертвит, поверь мне,
Алаяр хитрее нас обоих,

Переманивает Сияжара...

А на случай — нужен и заложник.
Но сдается мне, наш друг отчаян,
Что-нибудь да все-таки предпримет,
Проскользнет меж пальцев Алаяра.
Хан самонадеян, не удержит.
И объявится он под Казанью,
Сияжар, любимец, вот увидишь!

— Нишке паз пускай тебя услышит,—
Пробурчал Бурнай, насупив брови.

— Скоро в колокол ударит время,
Мы отсель поднимемся, как вихри,—
Слава из ковша хлебнул немного.—
Близок час. Терпеньем запаситесь.
Не сегодня-завтра бой начнется
Под стенами яростной Казани.
А с Гамзуром нужно согласиться —
Надобно догнать отряд ногайский,
Выручить Уняшу с Ибрагимом,
Малой силой поразить душманов;
Это сделают Вольга с Гамзуром.
Пусть Вольга, догнав отряд ногайский,
Быстро стороной его обскочет,
Спереди дорогу загородит.
Ты, Гамзур, иди по следу, сзади,
С двух сторон сдавите, как клещами.
Впрочем, там, на месте, вам виднее...
О своих парнях не забывайте,
Их вы пуще ока берегите,
Дорожите воинами. С богом!—
Скоро два отряда вышли в поле,
Архана повел за горизонт их,
Он один знал, где отряд ногаев.
С завистью следил Бурнай за ними.
Ночью сон его совсем покинул,
Днем все та же мысль его терзала,—
Мысль о друге, мысль о Сияжаре.

СКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

По приезде в дом Витове сразу
Лекари перевязали ногу,
С прибаутками да с поговоркой
На медвежьи шкуры уложили.
И пока застолье собиралось,
Боли позабылись понемногу,
И она уже повеселела,
И пила, и ела, и шутила,
Все о ней заботились, как будто
Привезла из Гайрусы всем счастье.
Вплоть до вечера она лежала,
Думы ей отягощали душу,
Из ума не шла сестра Уняша:
Что там с нею в распроклятой яме?
Нуя, мученица, возникала
В цепкой памяти,— и незаметно
Для себя Витова как-то сникла,
В мягкий сон глубоко окунулась...

Ночь она спала без сновидений.
Но зато какое пробуждение!
Синие глаза она раскрыла,
Солнце высоко уже стояло.
Глянула в окно, а перед домом
Улица запружена народом,
Шум и гуд, волнение, как в улье,
Будто встреча поезжан на свадьбе.
Нишке паз! Верхом сестра, живая!
Весело подъехала Уняша...
Ибрагим! Ефрем! А на телеге
Раненого подвезли Ефима.
Спешиться Гамзур помог Уняше.
О больной ноге забыв, и боли
Не почуяв, в дверь, во двор просторный
Опряметью кинулась Витова,
Со слезами бросилась к Уняше.

Что поделать — и от счастья тоже
Иногда текут обильно слезы.

А Вольга рассказывал встречавшим,
Удивленным Славе и Бурною:
— Мы нашли их быстро. И, представьте,
Мы мечей не омочили кровью,
Ни одной стрелы не посылали,
Ни с одним ногойцем не сразились,
И друзей не мы освободили,—
Все свершилось не по нашей воле.
Архана был прав, отряд трех баев,
Двигавшийся в сторону Казани,
Неожиданно соединился
С воинами павшего Карима.
Но в отряде баев оказалось
Несколько знакомых Ибрагима,
С ними духом и душой слились
Ибрагима знавшие ногойцы
Из отряда павшего Карима.
Вот они и подходили к яме
И советовались с Ибрагимом,
Вот они и овладели сильно
Помыслами многих из отрядов,
Вот они-то и скрутили баев,
Отказались им повиноваться,
Их сторонников всех перебили.
Вызволив из ямы полоненных,
Сняли с них веревочные путы,
И избрали старшим Ибрагима.
Если б мы не прибыли с Гамзуром
К ним, они приехали бы сами
К нам, сюда, в расположение наше,
Чтоб примкнуть и вместе с войском русским
Брать Казань, с казанцами сражаться!
— Случай добрый, а таких побольше б...
Средь ногойцев много недовольных,
На руку нам это,— молвил Слава
И кивнул на всадников прибывших.—
Видно, их мурзы ожесточили,
Видно, ханы их замордовали,
Непосильно мучая работой,
Делая из них рабов навечно.

Подошел к ним Ибрагим; сначала
Поклонился низко и достойно,
А затем свой меч, стальную пику —
Боевых соратников и верных —
Положил перед Вольгой и Славой.
Стоя прямо, говорил он прямо:
— В жизни нашей часто так бывает...
Если человек, во мгле блуждая,
Чуть не татем слыл, ему не скоро
Люди добрые поверить могут.
Я на вашу сторону не с просьбой
Перешел в живых меня оставить
И за деньги я себя не продал,
Я не дорожу своею жизнью.
Жизнь за правоту отдать не жалко,
Умереть за гнусное — досадно.
Рос я чистым и ходил за стадом.
Я любил простор полей заволжских,
Дед с отцом добру меня учили,
Наставляли: быть всегда правдивым.
О делах бесчестных Абра-бая,
Моего хозяина, не знал я.
Нанял он меня в отряд однажды,
Обещал платить... За что? Не знал я.
Он захватывал людей в набегах
И сбывал их, торговал рабами...
Пользы от меня не получил он,
Бешеную душу в нем увидел —
И душа моя отвортилась.
Только раз дурное дело сделал:
Вот Уняшу для него украл я.
Истерзался, грусть меня глодала,
Истужилось сердце... И ушел я
Снова в пастухи. Ходил за стадом
И мечтал освободить Уняшу.
Клятву дал. Страдал. Исполнил, мучась:
Абра-бая нет уже под солнцем,
А Уняша нынче на свободе.
Я привел с собою триста сабель
На соединенье с вашим войском,
Примете — пойдем сражаться рядом!

Слава поднял меч его и пику,
Остроту оружия потрогал.

— Ибрагим, возьми! — их подал Слава.—
Ты правдив, а правду, помни, надо
Защищать оружием от кривды.
Наш обычай прост: друзей, не скрою,
Хлебом-солью мы всегда встречаем,
Злоумышленников — по заслугам...
Верим мы тебе. Будь нашим другом,
Против недругов пойдем мы вместе.
А теперь и отдохнуть не грех вам.
Отвести им место для ночлега!—
Сразу же распорядился Слава.—
Накормите досыта прибывших!

Попрощался Слава с Ибрагимом.
Уговор скрепил рукопожатьем,
По селу да по полю прошелся,
Осмотрел расположение войска,
Сотни те, что были на ученье,
Оглядел стреляющих из лука,
Заряжающих огнем пищали,
Всадников, орудующих пикой...
То-то будет дело под Казанью!

А тем временем Гамзур усталый
Отдохнуть прилег, но мысль о доме
Сон отпихивала, оттесняла.
Он поднялся и пошел к Витове,
Донимать расспросами своими.
Девушка душевно рассказала
Все, что помнила, и все, что знала
О семье и о его сестренке,—
Тем и успокоила Гамзура.

Он спросил, когда Витова смолкла:
— Как нога? Ходить-то скоро будешь?
— В пляс пушусь через неделю. Лечат
Хорошо. А больше что мне нужно? —
Девушка посмеивалась мило.
— Как поправишься, домой отправим,
В Гайрусу на скакуне приедешь,—
Он предупредил ее устало.
— Взор какой тебе на ум приходит,—
Улыбнулась милая Витова.—

Хлопоты напрасные! Отсюда
Проводить меня вам не удастся.
В Гайрусу вернусь я с Сияжаром,
Ни за что — одна, лишь только с ним я!..
Дадено мной обещанье... Понял?
— Знаешь ты, когда уместны шутки?
— Говорю без шуток. Шутки позже.
Мы со временем и посмеемся.
А покамест мысли об отправке
Выкинуть из головы придется!
— Если б сам я этих слов не слышал,
Никакой молве бы не поверил.
Ах, Витова, зря ты забываешь,
Что на белом свете происходит...
Был бы братом, так за твой поступок
Кнутиком тебя я отстегал бы.
Из сельчан-то о твоём уходе,
Кроме Нуи, знать никто не знает,
Даже мать с отцом... Ты понимаешь,
Что сейчас там деемся с родными?
— Знаю. Плачут. Обо мне горюют.
И о Сияжаре тоже плачут.
Ты не забывай, Гамзур, об этом.
Отругать меня легко... А сами
Каковы? Когда же поспешите
Из забвенья вырвать Сияжара?
Иль не он был вам надежным другом?
— Слава верно говорил вчера нам.
Победим здесь и возьмемся сразу
За освобождение Сияжара;
Мы без отдыха и без задержки
Поиски свои направим к цели,
Сияжар найдется непременно.
С Ибрагимом к нам один ногоец
Перешел, он знает это место,
Где томится богатырь наш в яме,
Можно вызволить его лишь с боем.
Верь, Витова, сбудется, как надо...
Слушай, поправляйся и скорее
Поезжай-ка в Гайрусу, и вести
Отвези односельчанам нашим.
Ты утешь их беспокойство, горе,
Сообщи, что живы мы, здоровы,
И наказ их выполним — душманов

Разобьем и укротим их зависть.
— После вызволения Сияжара! —
Девушка решительно сказала.—
Только с ним я в Гайрусу поеду,
А до этого — не удалить вам,
На коне горячем не отправить!
— Искорка моя, подумай лучше,
Скоро битва страшная начнется,
Сотни ядер полетят из пушек,
Дым пороховой покроет небо,
День от ночи люди не отделят,
Смерть пешком начнет ходить, ощерясь,
И над каждой головой маячить,
Многие, упав, с земли не встанут...
Сохраним ли мы тебя — не знаю,
Пропадешь ты, девушка, боюсь я,
Ни за что в кромешной суматохе.

— Кто увиделся с одною смертью,
Семь смертей того не испугают! —
Резко девушка заговорила.—
Родилась на свет я не пугливой,
Не трусливой жить хочу на свете.
Пусть недолго проживу, зато я
Очень многое увижу в мире.
На два года ты меня постарше,
Жизнь твоя вся впереди, однако
Не щадишь ее и лезешь в битву...
Дома мог за печкой бы скрываться,
Как скрывается сынок Анжая,
Женишок заносчивый Андямо.
— Если б я таким, как он, родился,
Я б родителей, наверно, проклял,
Потому-то я другого нрава.
— Ты смотри-ка, прав! Тогда зачем же
Ты другим навязываешь трусость?
Застращать решил огнем и дымом...
Я ведь тоже не люблю трусливых,
Я ведь тоже нрава — как подснежник,
Скажем, не из робкого десятка.
Знаешь, на меня не обижайся.
Ночь бессонная, видать, сказалась
На твоей головушке, мой милый.
Отдохни-ка. Ты устал, умаян...

Ты поди заспи свои надежды
В Гайрусу меня одну отправить.
Не уеду я без Сияжара,
Я дождусь его освобожденья! —
И ушел Гамзур весьма довольный,
Он в душе хвалил Витову очень,
Лег и, опускаясь в сон бездонный,
Бормотал: «Не девка — чистый пламень».

А через неделю, в самом деле,
Девушка поправилась — и стала
Мучить воинов своей походкой,
Белозубой радостной улыбкой.
Впрочем, девушка опять с Вольгою
Вечерами где-то пропадала
Под веселой круглою луною.

Время шло — и колокол ударил,
Подымалась битва под Казанью!

СКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

Где наш Сияжар? Куда он делся?
На Суре народ о нем тоскует.

Он один сидит в глубокой яме,
Вырытой на берегу на волжском,
Он к стене прикован тяжелой цепью,
Будто в каменный мешок опущен.
Покупали серебром — напрасно.
Золотом манили — не сманили,
Обещали казнь — не испугали,
Сын эрзянский оказался крепким,
Не пошел он в услуженье к хану,
Алаяр и посулил, бушуя,
Медленную гибель в этой яме,
Выложенной камнем, будто погреб,
И, как саблей рубленное горло,
В ней отверстие темно зияло.
Сияжар уже почти неделю
Тут страдал в железах одиноко.
Рвать хотел их — но не тут-то было,
Свет мутился, руки были вялы,
Плыл туман по жилам непрерывно,
Будто хворь какая-то напала.
Он не понимал, куда девалась
Вырывавшая деревья сила,
Мощь, ломавшая мечи, как хворост,
Почему одолевает слабость,
Почему ко сну все время клонит,
Почему стрела между лопаток
Всажена, привязана бечевкой;
Боли нет, но вырвать невозможно, —
Скованные руки не достанут.
Все же он попробовал еще раз
Потягаться с леденящей цепью,
Уморился парень, обессилел
И заснул сном каторжным, тяжелым.

Что-то странное во сне он слышал,
Голоса чужие раздавались,
И слова в него впивались больно,
Будто стрелы. Он не мог ответить...
Он проснулся поздно, может, в полдень,
Он проснулся, кажется, от стога,
Он взгляделся в сумрак, он увидел,
Он, пожалуй, просто догадался,
Что напротив человек прикован.
Он молчал, прислушивался долго
К сильному дыханью человека,
Понял: молод и силен товарищ.
Снова стон! И словно от досады
Человек, пробормотав проклятье,
Заскрипел зубами; аж казалось —
По железу шилом бороздили.
Сияжар не выдержал, окликнул:
— Кто ты? Как попал ты в эту яму? —
Человек молчал, не шевелился.
Но сквозь сумрак Сияжар заметил,
Как чуть-чуть тот голову приподнял,
Как глаза открыл — белки блеснули,
Вздых тяжелый вырвался сначала,
А затем раздался хриплый голос:
— Разве не один я в подземелье?
— Коль меня ты слышишь, парень, значит,
Близ тебя сосед, как ты, закован.—
Сияжар ответил человеку.
И опять спросил тот Сияжара:
— Хочешь знать, кто я такой, откуда?
— Как же не хотеть? Ведь среди поля
Дереву и то бывает скучно.
Мне тем более, я в подземелье,
Видишь сам, страдаю одиноко.
Расскажи мне про свои невзгоды.
— Слушай же, меня зовут Сафаром,—
Начал он так медленно, как будто
Выдирал слова из глубины сердца,
Выдирал их с болью, с кровью, с хрипом.—
Кто я? Да сам бог, поди, не знает,
Все запуталось в судьбе, сместилось...
Был отцом моим Пиний-табунщик,
Пас коней у хана Алаяра,
Мать все звали Галией разумной,

Брат был — Тимергал, была сестренка —
Милая Аси. И было счастье.
Иногда к нам приезжала тетка,
Ласковая, умная Кемаша,
Но она давным-давно пропала.
Позабыл, когда ее и видел.
Лет с восьми на скакунах я ездил,
Так, что даже птицы отставали,
Я стрелять из лука научился,
Так, что на скаку снимал синицу...
Помню, мне четырнадцать сравнялось,
Жеребец убил отца, Пиняя,
Мать от горести совсем зачала.
В доме я остался за старшего,
Мать мне подарила кнут отцовский,
И я стал пасти табун, как взрослый,
Всей семьи я сделался кормильцем...
Тимергал подрос — пришел на помощь,
Помогала также нам Кемаша,
Но она к нам ездить перестала.
Что случилось с ней — никто не знает.
Все равно мы горе одолели,
Даже счастье дом наш посещало.
Правда, изредка, а все ж гостило.
Восемь лет прошло. Мы с братом буйно
Выросли здоровыми парнями,
А сестренка — девушкой красивой!
На меня поглядывая странно,
Поговаривала мать все чаще
Мимоходом о моей женитьбе.
Мол, пора подыскивать невесту.—
Тут Сафар прервал рассказ, подумал,
И опять вернулся к разговору.
— А тебя-то как зовут? — спросил он.
— Сияжаром назван в день рождения.
— Ты красиво назван, звучно имя.
Сияжар, а ты откуда родом?
— С берегов Суры. Там край мордовский,
Теплые леса гостеприимны,
Люди тороваты, хлебосольны.
Я оттуда, дорогой товарищ.
— Сияжар, кого-нибудь ты любишь?
А быть может, ты уже женатый?
— Не хватило времени жениться.

А по девушке одной страдаю,
Вновь увижу ли ее — кто знает...
— Одинаковы, кажись, в любви мы...—
С горечью сказал Сафар со вздохом.—
Я вот тоже встретился однажды
С девушкой одной, прекрасней солнца...
Как случилось — сам не понимаю,
В лес какая сила затянула,
На поляну к милой притащила,
До сих пор, представь, не разобрался,
А она, как будто ожидала,
Кинулась сама в мои объятья...
Не заметили, как день иссякнул.
Мы взаимно дали обещанье:
Жизнь прожить совместно до могилы!
Приходил в условленное место,
Соловьиным посвистом свистел я,—
Милая никак не отзывалась.
Не было ли это наваждением?
Больше я ее нигде не видел,
Больше никогда и не увижу,
Ведь из ям живыми не выходят...
Впрочем, Сияжар, тужить не стоит,
Все равно я умереть решился.
— А твою красавицу как звали?
— Зарой звали.— Он ответил тихо.
Сияжар мгновенно вспомнил Зару,
С ней, отважной, в Гайрусу поездку,
О любви — ее повествованье...
— Друг мой хмурый,— он сказал Сафару.—
Не впадай от неудач в неверье,
Коли есть любовь — тебя разыщет,
За лесами, милый, за морями!
— Так-то оно так,— Сафар печально
Вновь заговорил.— Но в нашей жизни
Путаны пути и перепутья...
По себе сужу, свой горек опыт.
Оцени, какой мне дикий жребий
Вынула моя судьба слепая.
Зара на уме, а мать решила
Все ж меня женить. Она сказала:
«Ты, Сафар, стал взрослым и разумным,
И, пожалуйста, не обижайся,
Если я тебе открою правду,—

Ты ведь не в моей семье родился,
Я тебе — не мать, Пиняй покойный —
Не отец, и Тимергал не брат твой,
Не доводится Аси сестрою...
В дом наш принесла тебя Кемаша,
И она мне не была роднею». —
«Кто же мать моя и кто отец мой?» —
Я спросил, дрожа от удивленья.
«Это знала лишь одна Кемаша, —
Галия, волнуясь, отвечала. —
Может, тайну выдала Пиняю,
Но Пиняй погиб, лежит в могиле,
А Кемаша сгинула, пропала». —
Я окаменел, язык отнялся,
Невдомек, что делать было дальше...
Галия со мной по-матерински
Вразумляюще заговорила,
Обняла, усаживая рядом:
«Дорогой Сафар, не беспокойся,
Я своим тебя считаю сыном,
И не думай уходить из дома,
Нас одних оставить не решайся.
Парень ты хороший, работающий.
На Аси женись, Сафар, и в доме
Становись хозяином единым.
Знаешь сам, Аси скромна, разумна,
Будет верной, ласковой подругой». —
Сияжар, прикинь, как трудно было,
Я любил сестру Аси — и только,
Нежную, красивую сестренку.
Как я мог, представь, на ней жениться...
Немо выбежал я вон из дома,
Прыгнул на коня — и в лес галопом.
Разыскал заветную поляну,
Где среди цветов увидел Зару.
Пел, по-соловьиному свистал я,
Голос мой мне возвращало эхо.
И опять я к табунам подался.
Захотелось умереть, и вскоре
Мне представился прекрасный случай
С бесталанной жизнью распрощаться.
В табуне одном у Алаяра
Конь гулял, не конь — а чистый дьявол.
Перепрыгивал он реки, горы,

А в лесу ходил, как щука в Волге.
Хан честолюбив, решил владеть им,
Многих заставлял поймать, объездить
Этого коня, но бесполезно —
Смельчаки боялись подступиться,
Никому он в руки не давался,
Убивал одних, другим увечья
Наносил и убегал на волю.
И коня за бег, за нрав, за дикость,
За мятежную неуловимость
Молнией табунщики прозвали.

Молния! Яр-конь! Он, правда, очень
Нравился мне, он летал — не бегал.
И поймать я Молнию задумал.
Долго мучился. Не подпускал он.
Днем к нему не подойдешь, бывало,
Ночью — и подавно не поймаешь,
Чуток, как шайтан. Хитер! Однако
Я подкараулил... К водопою
Он всегда ходил одной тропинкой.
Я смекнул — на дерево забрался,
Сел на сук над самой над тропинкой,
И когда, резвясь, он под ветвями
Шел, я на спину и прыгнул сверху.
Крепко уцепился я за гриву
И прильнул к нему весь, как пиявка.
Как махнул он! Перепрыгнул реку,
На гору высокую взлетел он,
Будто по небу со мной носился,
Обломил, кажись, луну копытом,
На дыбах ходил, брыкался, прыгал,
Сбросить со спины меня старался,
Укусить пытался: глаз искрился
И ощеренный оскал светился
При безумном повороте морды.
Он из края в край бросался так, что
Весь вытягивался, хвост казался
Черной длинной полосой дыма,
Грива у меня в руках, как туча.
Он со мною на спине по миру
День, другой — отчаянно мотался,
И на третий не остановился,
Небо, землю целиком, быть может,

Обскакал. Где мы неслись — не помню.
Я не ел, не пил, ссыхалось нёбо,
Конь и я — мы оба одержимы!
На четвертый день с восходом солнца
Присмирел он, встал, облеплен пеной...
Слез я, обуздал его, погладил
И, счастливый, к табунам поехал.
Как завидели меня живого,
Да еще на Молнии, так люди
Начали со всех сторон стекаться.
Я сидел на яр-коне, я ехал,
А меня уже считали мертвым.
Алаяр как раз тут появился,
Подошел ко мне с хвалой медовой.
Ах, слова какие, обещанья!
Сознаюсь, без всяких подозрений
Стал служить чистосердечно хану.
На горе Чихан в его охране
Был я, в крепости мы долго жили,
Он мое завоевал доверье.
Яр-коня, которого поймал я,
Отдал Алаяру. Конь летучий
Много раз спасал его от смерти.
Много раз и мне своею саблей
Выручать пришлось, когда в жестоких
Стычках и грабительских походах
Хана я сопровождал, безумный.
Я был правою его рукою.
Радовался хан, сулил награды,
И, как видишь, подарил мне цепи,
Смерть мучительную в этой яме.
А за что? Вина моя какая? —
Продолжал Сафар, возвысив голос. —
Слушай, Сияжар, и вникни в дело.

На Чихан однажды возвратился
Алаяр расстроенный и хмурый.
Где он был — аллаху лишь известно.
Подошел ко мне, дрожали губы,
На меня смотрел с каким-то страхом,
И слова, как град железный, сыпал:
«Из моих людей ты самый верный,
Я душой к тебе, Сафар, привязан,
Дело нашей жизни доверяю...

Русский царь Казань отнять собрался,
Подступил он к ней с великим войском.
От меня потребовали спешно
Для охраны города направить
Множество людей... Ты поведешь их?
Знай, своих людей я доверяю!
Как вернешься, заплачу чем хочешь».
Согласился я. В Казань со мною
Поскакало более двух тысяч.

Как мы прибыли — и в то же утро
Сунули нас в бой кровопролитный.
Половина — голову сложила,
Полегли там из-за Алаяра.
Через три дня лишь пятьсот осталось.
Где уж тут с победой возвратиться,
Думаешь — когда же смерть настигнет?
Ночью через Волгу отступили,
Беспокойство охватило всех нас.
А меня еще беда достала —
Прискакал ко мне мой друг — табунщик,
Честный парень — пастухи послали.
Он открыл мне вероломство хана,
Он мне сообщил такие вести:
— Друг Сафар, скачи домой быстрее,
С матерью, с сестрой твоей несчастье,
Хан тебя послал сюда нарочно,
Чтобы ты погиб и не вернулся.
До него дошли глухие слухи,
Что ты сын какого-то Тагая...
Он Аси и Галию упрятал
В крепость на Чихане, там погибель...
Торопись, Сафар, освободить их!

Я всю ночь ходил и думал, думал,
И, казалось, мне шептали боги:
«Отомсти жестоко Алаяру!»
И оставшихся в живых собрал я,
Рассказал о вероломстве хана.
Сели на коней мы, чтоб вернуться,
Чтоб разрушить крепость на Чихане,
Чтобы уничтожить Алаяра.

Шли мы рысью в сторону Чихана.
Нас лазутчики опередили,
Известили быстро Алаяра.
Он послал отряд большой и сильный
Нам наперерез и, беспощадный,
Приказал не оставлять в живых нас.
Старый не учел, что надоели
Верным слугам грабежи, убийства,
Подлая его работоторговля.
Весь отряд соединился с нами.
Вместе мы и окружили крепость
На горе высокой, на Чихане.

Мы ее неделю осаждали.
В ней казна хранилась Алаяра.
Стены мощны — сил не доставало,
Чтоб разрушить сразу и оттуда
Вырвать Галию, Аси, — и все же
Пятиться назад не собирались.
А защитники дрались, как черти,
В лес из крепости, я знал, подземный
Выкопан был ход рабами хана,
По нему хотел проникнуть в крепость...
Мы бы их, конечно, победили.
Но пришел один пастух-табунщик
И сказал мне на ухо такое:
«Зря вы бьетесь. Мать с сестрою дома,
Ждут тебя, приятель, с нетерпением.
Бессердечный, ты хотя б проведаль...
Что — не веришь? Провожу, коль хочешь.
Только не скупись, подарок сделай».

Наказал товарищам надежным,
Чтоб держались — и не отступали.
Их заверил в скором возвращенье.
И ошибся. Прискакал я к дому.
Соскочил с коня. Вошел поспешно.
И меня схватили. Отбивался.
Человек двенадцать навалилось,
И меня скрутили и избили,
Как собаку. Потерял сознание.
Очутился в каменном подвале,
Долго голодом меня морили...
И однажды, как мешок мякины,

Брошен был в подвал мой сотоварищ,
Окровавленный и смертно битый,
Он участвовал со мной в осаде.
Он сказал перед своей кончиной:
«Друг Сафар, ты помолись аллаху,
Нам отсюда путь один — в могилу.
Обманул всех Алая кровавый.
Ты был схвачен, друг, а осаждавшим
Показалось сгоряча — ты предал,
Разошлись, разъехались сердито,
А иные милости просили...
А твоих товарищей надежных
Хан переловил поодиночке.
Живы ли они — сам бог не знает.
Выследили и меня, скрутили,
Били до смерти... И вот — в подвале...»

Умер он. Когда пришли за мертвым
Ханские приспешники, то снова
До беспамятства меня избили.
Я пришел в себя, когда меня ты,
Сияжар, окликнул. Очень странным
Голос твой во мраке показался.
Значит, в яме я... Конец... А знаешь,
Все равно, где умирать... Скорей бы.
Неприкаянная жизнь! А кто я?
Кто отец мой, мать моя? Где правда
И где ложь? А? Все перемешалось...
Не осталось на земле мне места.

Замолчал Сафар — устал, как видно.
Сияжар, ошеломленный, долго
Размышлял над горестным рассказом.

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

В это утро узники проснулись,
Возбужденные одною думой,
Оба парня, будто онемели,
До поры до времени молчали;
Всматриваясь в прошлые события,
Каждый про себя о жизни думал,
Сон товарища боясь нарушить.
И когда, видать, воспоминанья
Застонать заставили Сафара,
Сияжар к прикованному против
Дружелюбно первый обратился:
— Друг мой, твой рассказ правдив до дрожи.
Мне пришлось по сердцу, не скрою.
В том, что кажется тебе загадкой,
Помогу, пожалуй, разобраться...
А ведь, знаешь, я встречался с Зарой,
А ведь Зара искренно и нежно
О тебе, товарищ, вспоминала,
Говорила, снишься ей, твой голос
Чудится везде, как наважденье,
Что заспать твое не сможет имя,
Ни забыть, ни разлюбить не сможет,
Что умрет — не выйдет за другого...
— Сияжар, спасибо за известье,—
Задыхавшийся от удивленья,
Перебил Сафар нетерпеливо.—
Ты мне муки облегчаешь сказкой.
Обожди, а где ты видел Зару?
Если правда — значит, надо жить мне.
— Ах, Сафар, в тебе такая сила,
А раскис уныло и не веришь...
Зара посмелей была и, скрывшись
От замужества, тебя искала;
Потому ее в лесу я встретил,
Потому оберегать пришлось мне
От головорезов Алаяра,

От наймитов батюшки родного.
Ну, так слушай, как все это было.—
Сияжар передохнул и начал
Нам известное повествованье.
И покамест злоключенья Зары
Долго рисовались Сияжаром,
Умирал Сафар не раз и снова
Воскресал, как бы по слову бога,
И благодарил: «Мой друг, спасибо!»

— Не спеши, постой, не все ты знаешь,—
Сияжар остановил Сафара.—
Ведь Кемаша — мать твоя родная...
— Мать?! — Сафар вскричал и звякнул цепью.
— Да. Она доводится сестрою
Дуболго, эрзянину Присурья.
Дуболго, старейшина, отец мой,
Мы с тобой — двоюродные братья.
А Кемаша — тетка мне, унылец!
— О, создатель! Как благодарить мне,
Чем — за откровенье Сияжара? —
Прошептал Сафар благоговейно.—
Брат мой, говори... Ты, может, знаешь,
Кто отец мой настоящий... Кто он?
— Он — Тагай, наш богатырь эрзянский! —
Сияжар ему ответил гордо.—
Он убит был подло Алаяром.
На второй день свадьбы, у колодца
Хан напал с отрядом на Тагая,
Чтоб украсть его жену Кемашу.
А потом... Насильник притворялся
И любовь выказывал... Да что там! —
Сияжар в проклятой этой яме
Все, что знал, порассказал по-братски.

— Значит, моего отца убил он! —
И Сафар заскрежетал зубами.—
И меня хотел он уничтожить,
Требовал от матери убийства...
Я, выходит, сирота незрячий,
Помогал убийце, душегубу,
Помогал ему в его набегах
Убивать людей и грабить честных...
Он жирел от грабежей и крови...

Сияжар, я умирать собрался.
Сознаюсь, я чуть поторопился.
Должен жить, чтоб уничтожить хана,
Должен отомстить я Алаяру
За несчастья, за людские слезы.
Мсть! Из-за нее и жить мне нужно
И стремиться вырваться на волю.

Алаяр как будто это слышал,—
Тяжело дыша, он потихоньку
Появился, стал у края ямы,
В глубь ее сырую взгляд направил
И сказал насмешливо сидельцам:
— Молодцы, а вам не надоело
Тут, бездельничая, прохлаждаться?
Вы меня сейчас хоть посчитали б
Не за зверя, а за человека,
Зверь — он рвет, а я вам жизнь дарю.
Стоит ли на старика сердиться,
Чем могу, тем потчую, ребята.
Аль не так? Да, молодость строптива.
Чем же я тебя, Сафар, обидел?
Пальцем не дотронулся ни разу,
И теперь все по вине моей же
С головы твоей светловолосой
Волоска, соратник, не упало.
Жизнь тебе я сохранил покамест,
Поумнеешь — будешь на свободе,
А за помощь заплачу я щедро,
Душу сберегу твою, не трону,
Ты ж меня не раз спасал от смерти.
Все-таки, а чем не угодил я?
Не таи, Сафар, открой причину,
Выслушаю — и, глядишь, поладим.
Будь прямой, не забывай аллаха.—
А Сафар кипел, скрипел зубами,
Лязгал цепью, кулаки сжимая,
Ярость клокотала в нем, как улей,
Тронутый рукою воровскою.
Этого дурного человека
Он возненавидел люто, будто
Семиглавого в нем видел змея.
— Что ж, послушай,— произнес сквозь зубы

Он ему угрюмо.— Ты ведь знаешь
Хорошо, кто я такой... Не ты ли
Моего отца убил, преступник?
Зары мать зарезана тобою!
Где моя родная мать Кемаша?
Где же Галия, чьей добротою
Был воспитан я, и где же брат мой
Тимергал, сестра Аси? Что скажешь?
А, молчишь, злодей, язык проглочен...
Если вырвусь я, живым останусь,
От меня ты ожидай лишь смерти,
И ничем ты не смягчишь мне сердце,
И рука не задрожит, проклятый,
В миг, когда тебя душить придется!
Ничего другого не дождешься!

Алаяр стоял окаменевший,
Бледный, даже стаи бородавок
На лице поганом побелели.
Зашипел он голосом осипшим:
— Нет, легко тебе не обойдется,
Смерть мгновенную не подарю я,
Медленную уготовлю, гнить ты
Заживо и постепенно будешь.
Мать твою Кемашу я поймаю,
В этой яме встретишься ты с нею,
А не приведу живой, так кину
Голову ее тебе в подарок.
Ну, а ты, строптивец, что надумал? —
Хан, показывая хладнокровье,
К Сияжару тут же обратился.—
Ты, силач, когда служить мне станешь?
Управляй отрядами моими,
Золотом оплачиваю службу.
Волю за согласие получишь.
За рачительность, исправность, верность
На красавице женю. Так как же?
— Алаяр, действительно ослаб ты,
Коль чужих за деньги нанимаешь,
Значит, ты уж никому не нужен,
Значит, от тебя все откачнулись.
А в чужой кибитке, как известно,
Далеко, владыка, не уедешь.
Чем тебе такому поклониться,

Лучше вырву сердце — и собакам!
Правда о тебе дороже денег!
— Медленную смерть и ты получишь! —
Крикнул Алаяр рассвирепевший.—
Я в такое место вас отправлю,
Где источат комары обоих,
Муравьи до косточек обгложут.
Ждите, молодцы, пришлю за вами,
Завтра поплывете вы за смертью!
И друзей всех ваших вместе с вами
Провожу, чтоб веселее дошли.
Ни одна эрзянская собака
След оттоль на волю не отыщет.—
Хан, трясаясь и злобствуя, от ямы,
Как паук от пламени, помчался.

Узники опять вдвоем остались,
Тихо перекинулись словами;
Поняли, что умная Кемаша,
Видимо, давно от хана скрылась.
Неизвестное владело ими:
Что ж еще на воле происходит?
Чем-то все же Алаяр напуган?
Что же дальше? В чем всего развязка?
Ждать ли помощи?.. Должна быть помощь!
Или что-то сделать попытаться?
Что же можно сделать, сидя в яме?
И никто не ведает, что будет,
Что их, сильных, храбрых, ожидает.

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Мы покамест молодцев оставим,
Возвратимся в Гайрусу на время.
Жизнь в селе горела, как лучина,
Люди — то пылали, то чадили,
Дуболго хранил покой их трудный.
Тяжко старику: один остался,
Словно дуб среди ржаного поля,—
Сыновья в плену у Алаяра...

Пичегая горестью согнуло:
Сын в бою погиб, любимый Виртян,
А тут сваты — с Нуей расставаться,
Дочку с кровью отдирать от сердца,
Эта боль-печаль немаловажна;
Нелегко терпеть, когда от сердца
Жизнь куски такие отторгает.
Нуя не выходит из светлицы,
Жизнь ее как спутанная пряжа,
Дни, как слезы капаят,— без солнца,
Ночи, как тюрьма,— луны не видит.
— За постылого не выдавайте! —
Батюшку просила — отвернулся,
Пала в ноги матушке — смолчала,
Брату плакалась навзрыд — не понял.
Взять обратно слова не решились.
Подходил день свадьбы ближе, ближе,
Пугалом он к Нуе приближался,
Тьмою смерти, гробовым исчадьем.
Дрожь пронизывала тело Нуи:
Мало жить на воле ей осталось,
Скоро жизнь девичья оборвется.
Все богам она, шепча, молилась,
Но никто молитвы не услышал,
Будто боги на небе оглохли.
Клясть она в отчаянье их стала,—

Видно, все они с чертями вместе
Мерзкому Анжаю помогали.

Как просватали ее, ни слова
Не сказала жениху Андюмо,
Проходила мимо — не глядела,
В дом наведывался — уходила,
А услышит: парня хвалят — плюнет,
Тотчас скрыться норовит подальше.
Иногда был огород приютом,
Иногда печальная бродила
По сурскому берегу — и долго
В омута реки смотрела смутно.
Спать ложилась, чтобы сон увидеть,
А во сне, чтоб встретить Сияжара,
На ночь клала в изголовье землю,
Взятую с дорог, на трех развилках.
Но, обидно, — видела Андюмо:
Он выскакивал огромным змеем,
Синим пламенем глаза сверкали,
Языком когтистым, как две лапы,
Он хватал ее, душил за горло,
И она кричала, просыпаясь.
Прибегала мать и все невестки
И шалфей в светлице жгли, чадили,
А в постель пахучей мяты клали.
Дня она не провела счастливо,
Ночи даже не спала спокойно, —
Донимало головокружение,
При ходьбе шаталась, как больная,
Пол как будто ерзал под ногами,
Обессилела и побледнела
И иставала, будто свечка.
А вокруг нее кружил Андюмо,
Будто коршун, видящий цыпленка.
Он к ней часто заходил в светлицу,
Опускался рабски на колени
И выпрашивал, как нищий — хлеба,
Ласковое слово иль улыбку,
Обещаньями душил, как петлей.
Хвастался: венок ей может сделать
Из лучей играющего солнца,
Из росы собрать на шею бусы,
Нанизав на солнечные нити,

Из зари вечерней лент нарезать,
Чтоб вплетала в шелковые косы.
Мол, достанет голубого неба,
Чтобы справить свадебное платье;
Обещал — в коты ее обует
С золотой узорной канителью,
И кормить-то будет свежим медом,
И поить одним медовым соком.
Жить, мол, как царица в сказке станешь,
Только мужу сладко покоряйся.
Эти сказочные обещанья —
В них не столько радости, сколь горя,
Веры в них и на мизинец нету,
Все в них беспросветно и немило.
Если б это Сияжар сказал ей,
Вот тогда она могла б поверить.
А Андямо, что ж... Жених паскудный,
Ни за что любовь ее не купит,
Ни за золото и ни за сказки.
Замуж за себя постылый малый
Никаким богатством не заманит.
— Молви, Нуя, ласково словечко,
Нам ведь полюбовно жить придется,—
Приторно жених к ней обращался.
А невеста в сторону косила,
А невеста нехотя цедила:
— Откажись от свадьбы, липкий парень,
Полюбовного у нас не будет.—
Как жених ни умолял — от Нуи
Большого слыхать не удавалось.
Но зато Андямо дома злобно
Скалил зубы и по-волчьи щелкал.
— Эту спесь,— грозил заглазно Нуе,—
Из тебя я выбью, девка, скоро.
Погоди, еще под дудку нашу
Ты неузнаваемо запляшешь!
Над тобой хозяином я стану —
И тогда, строптивая, заставлю
Пол мести своими волосами...

Да, пошли на лад дела Андямо.
Свадьбы день теперь не за горами,
Счастье жаркое он скоро схватит,
И никто его из рук не вырвет.

Только Нуя, будто на том свете
Очутилась, изошла слезами,
Солнце кажется уже не солнцем,
Света вроде меньше, тускло, серо,
Дом, кажись, не тот — не те в нем люди,
Будто незнакомые ей силы
В мир теней скорбящих заточили.
Нет, женой Андямо не бывать ей,
Пусть — хоть даже свадьба состоится,
Пусть стыда натерпится, быть может,
К счастью путь лежит через несчастье.
До последнего благословенья,
До последней роковой минуты
Не отступится от ожидания.
— Он приедет! — размышляла Нуя.—
Не дождусь — со смертью повстречаюсь.
Вечер весь причитывала Нуя,
Не присела, не передохнула...
Мать печальная вошла в светлицу.
— Нуя, доченька, не обижайся,
Нас, родных, не обвиняй напрасно,
Не враги, чай, мы добра желаем,
Извелись с тобой, изхлопотались...
Не сидеть же вековухой, Нуя!
И приданое уже готово,
Мы на доброе не поскупились.
Бабий жребий всюду одинаков,
От него тебе не отмахнуться.
Дом чужой не сладок, это правда,
И кручину и попреки встретишь,
Опосля притерпишься, привыкнешь,
Не нахвалишься... Ведь так со всеми.
А любовь — не знаешь, где и встретишь,
И состаришься, покамест ищешь.
Дитяtko, молиться надо богу,
Бог-то памятлиv,— глядишь, подарит
И любовь, а с ней и счастье с мужем.
А теперь готовься, свадьба близко,
Не срами перед людьми родных-то,
Будь поклонною, как все другие...—
Нуя молча выслушала это,
Матушке ни словом не переча,
Думая о том, как провести ей
Эти дни кончающейся жизни...

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Тяжело прикованным цепями
Жить и жить мучительно хотелось!
Сияжар не раз уже пытался
От стрелы Зулы освободиться,
Что в спине торчала меж лопаток,
Что привязана веревкой к телу...
«Странная стрела,— он вяло думал,
Ерзая спиной по глыбе камня.—
Боли нет и силы нет, ослаб я
От какой-то внутренней болезни...
Руки скованные трудно двигать.
Тело, будто сонное, не может
Разуму никак повиноваться.
Да куда ж моя девалась сила? —
Спрашивал себя он, в тьму вперея
Два горящих глаза.— А зачем же
В спину мне они стрелу воткнули?» —
Он догадывался: колдовская!

А Сафара жгла и жгла досада:
Если б знал он о себе всю правду,
Он давно бы с ханом рассчитался,
Острой саблей с одного замаха
Развалил бы на две половины...
А приходится терпеть здесь муки,
А приходится ждать глупой смерти...

Опосля ухода Алаяра
Целый день прикидывали оба,
Как им к солнцу вырваться, на волю,
Как им выйти в жизнь из темной ямы,
Как им разорвать лихие цепи,
Приковавшие к стенам тела их.

Солнце пало где-то за лесами,
Ночь накинута на землю алчно.

В яме сумрачно и днем, а ночью
Темь глухая, черная, густая,
Лишь в отверстиях — звезды мерцанье.
И они на дне, как бы в могиле,
Разговаривают, горемыки.
— Брат мой, нам во что бы то ни стало
Надо выбраться из этой ямы,—
Говорил Сафар, вздыхая тяжело,—
Ты подумай... Зара, значит, любит...
Значит, ждет меня, как говоришь ты...
— Это верно, ждет! Но что нам сделать? —
Сияжар откликнулся Сафару.—
Алаяр нам угрожал... Постой-ка!
Помнится, сказал он «поплывете»...
А куда? В какую местность? С кем же?
— Как всегда, по Волге вниз — на лодках,
На базар невольничий отправит.—
Сразу же Сафар ему ответил.—
У него отсель неподалеку
Скованные, на огромных лодках,
Пленники и взятые в набегах
В разных селах мужики и парни...
Хан давно готовился к продаже,
Собирался в Астрахань, похоже...
— Не удастся ли, Сафар, бежать нам,
Если в лодках повезут по Волге
В рабство на далекую чужбину?
— Трудно, брат, почти что невозможно.
Знать бы, кто сопровождать нас будет,
Знать бы охраняющих... Тогда бы...—
После беспокойного молчанья,
После длительного размышленья
Сияжар заговорил тоскливо:
— Обмануть, быть может, Алаяра?
Обвести вокруг пальца лиходея?
Поступить к коварному на службу,
Выйти таким путем из ямы,
День-другой, согласно обещанью,
Дело делать, а затем тихонько
Напрочь отвернуть башку злодею.
— Хан хитер, как старая лисица,
Ни за что теперь он не поверит.—
Мрачно собеседник отозвался.
— Что ж нам, ждать, пока придут на помощь? —

Сияжар задумчиво промолвил. —
Где я, что со мной — друзья не знают,
Все они воюют под Казанью.
Можно никого и не дожидаться,
Кроме смерти, — смерть освободит нас
Где-нибудь в неволе, на чужбине...
Нет, Сафар, нам это не подходит...
Знаешь, цепи-то сковали люди,
Разрывать их могут тоже люди;
Потяни-ка цепь свою, попробуй,
Пошатай-ка каменные глыбы,
И, глядишь, сам бог тебе поможет! —
Стал Сафар приподниматься, цепи
Резко натянул — заскрежетали,
Начал дергать — зашатались камни,
И стена качнулась, как живая,
Медленно выкрашиваться стала.
Но иссякла сила у Сафара,
Прислонился он к стене усталый,
Изнемогший и заснул под утро.
— Что ж, не сразу, капля рушит камень... —
Радовался Сияжар и тоже
Канул в сон болезненный, тревожный.
Кто их разбудил — они не знали,
Думали, окликнул старый стражник,
Что раз в сутки им еду и воду
Опускал лениво на веревке.
Донеслося фыркание лошажье.
Стук копыт и осторожный говор.
Думали, приехали за ними
По распоряженью Алаяра,
Чтоб исполнить ханскую угрозу:
«Завтра поплывете вы за смертью».
Снова кто-то ласково назвал их:
— Сияжар, Сафар, вы живы? Здесь вы?
— А кому нужна в нас? Кто приехал? —
Закричал Сафар из глубины ямы. —
Ханские приспешники вы, что ли?
— Нет! — ответил твердо тот же голос.
Узники слышали шуршание
Опускавшегося к ним аркана,
А затем и человек спустился.
Он держал в руке горящий факел,
К поясу его привязан молот

И ключей позвякивавших связка.
Он сказал, оглядывая яму:
— Мы приехали освободить вас.
Четверо нас... надо торопиться.—
Подойдя мгновенно к Сияжару,
Из его спины стрелу он вынул,
Чародейную стрелу сломал он.
Сияжар почувствовал, как сила
В теле богатырском заиграла,
Как он выздоравливает быстро,
Исчезает гибельная слабость.
Прежняя в нем закипела ярость,
И в неистовстве и нетерпенье
Не дождался он, когда посланец
Отомкнет ключом замки цепные,
Начал цепи рвать; распались звенья
От могучей силы богатырской.
И когда Сафар освобовился
От оков, они поодиночке
Выбирались из проклятой ямы,
Ухватившись за аркан, что сверху
К вековому дубу был привязан.
Выбрались они и огляделись —
Занялась заря уже в полнеба,
На траве и на листе деревьев
Красная роса свежо горела,
Берег Волги круто опускался.
В мелколесье и кустах звучали
Свисты, перезвоны птичьих трелей,
А между ветвей, в больших просветах
Виделась река, и доносились
Мерные ее грудные вздохи.
Возле ямы шесть коней стояло,
Шесть коней оседланных, горячих,
Трое молодцев коней держали,
Трое молодцев, вооруженных
Саблями кривыми и ножами,
Трое молодцев, одетых разно,
Но, как и старшой их,— по-ногайски.
Тихо, молча все происходило,
Молча подвели коня Сафару
И вручили блещущую саблю,
Молча подвели и Сияжару,
И такую же он принял саблю.

Молча сели в седла — и от Волги
Поскакали в глубину лесную.

По пути, лишь засияло солнце
И по небу мерно покатилося,
Сияжар с Сафаром искупались
В омуте быстротекущей речки
И оделись в свежую одежду.
А потом проехали чащобу,
А за нею в темный яр спустились,
Выбрались из яра на поляну —
И увидели вблизи закрайка
В воздухе дымок легко скользящий,
Трех парней, стоящих у березы;
У костра, сутулясь, на колоде
Женщина задумчиво сидела.
Вот на стук копыт, и фырк, и шорох
Повернулась женщина мгновенно, —
Скорбное лицо преобразилось...
Прошептал Сафар, ее увидев:
— Сияжар! Вай, это же Кемаша,
Мать моя!.. Есть бог еще на небе...
Сияжар, нас счастье не забыло!.. —
И Сафар, к костру не подъезжая,
Спрыгнул с лошади и побежал к ней...
— Сын мой! — обняла его Кемаша,
И зашлась от счастья, зарыдала. —
Сын мой, мой Сафар, мой горемычный,
Свет мой, сердца моего частица! —
Часто повторяла мать сквозь слезы.
— Матушка! — Сафар к ней обратился,
Обнимая трепетно и нежно. —
Успокойся, я теперь все знаю...
Сияжар мне рассказал всю правду...
Вот и кончилась разлука наша.
Не казись, ведь мы нашли друг друга. —
Эту встречу матери и сына
Радостно, с улыбкой наблюдали
Сияжар и те, что их из ямы
Вызволили, привели сюда их,
Сияжар и те, что у березы,
Трое в ожидании стояли...
А Кемаша, вытирая слезы,
Слезы счастья, слезы возбуждения,

Подняла глаза на Сияжара
И отрадно с ним заговорила:
— Сияжар, наш праведный воитель,
Сын любимый Дуболго, сын брата
Моего любимого, родного,
Как я счастлива, что ты на воле,
Как я рада, что тебя я вижу
Вместе с искоркой моей, Сафаром...—
И Кемаша протянула руки,
Обняла, ликуя, Сияжара.
И, придя в себя от слез, от счастья,
Успокоившись немного, села
На колоду у костра и рядом
Усадила их, честнейших, храбрых,—
Ненаглядного Сафара справа,
Дорогого Сияжара слева.
— Я ведь здесь уже давно скрываюсь,
Чтоб не видеть бельма Алаяра,—
Продолжала говорить Кемаша.—
С той поры, когда мы с нашей Зарой
Брата Дуболго освободили.
Многим полоненным помогла я
Убежать от ханских лап кровавых,
Все они находятся со мною,
Здесь они, в лесу живут, на воле,
Трое русских, остальные — эрзя,
Парни вам в великом ратном деле
Верными помощниками будут.
Четверых вы знаете — сурские,
Ездили, отважные, за вами...
Мы бы сразу вас освободили,
Да в округе Алаяр все рыскал,
Он меня разыскивал усердно.
Ждали мы, когда он отлучится
В сторону, выгадывали время,
На опасность налететь боялись...
Он бывал с наймитами в отъезде,
По лесам шнырял, в оврагах шарил
И неожиданно, быстро возвращался.
И решили мы его обманом
На два дня подальше спровадить,
И тогда мы ложный слух пустили,
Слух дошел к нему путем окольным,
И назвали место, где искать нас...

Это далеко отсель, далече,
День езды туда... Он и помчался
Изловить меня там. А тем часом
Вас и выручили из неволи!
Тут нам Зара очень пособила,
Разузнала, как найти нам яму,
От оков ключи достать сумела...
— Матушка, скажи, а где же Зара? —
Перебил Сафар рассказ Кемаши.—
Где ее искать, тебе известно?
— Зара дома... И не выпускают
Никуда из нупаля, бояться...
Сторожат, следят за каждым шагом.
Все-таки она перехитрила
Сторожей свирепых, помогла нам...
Алаяр давно бы за Азгара
Зару выдал бы, да только хану
Нишке паз всесильный не позволил!
Под Казань Азгар уехал с войском,
Чтоб стоять до смерти против русских,
Лучше бы обратно не вернулся!
Алаяр из-за него и держит
Зару взаперти... Есть слухи: хочет
На гору Чихан ее запрягать
В ожиданье золота Азгара...
Там крутая крепость, как могильник,
Там Аси, бедняжка, изнывает,
Мучается девка беспросветно,
Может быть, и Галия там с нею...
Тимергал же под Казань им послан.—
И пока Кемаша говорила —
На костре в котле еда поспела,
Пар струился, пряно пахла стерлядь.
Потчевали молодцев малиной,
Диким медом, вынутым из дупел.
Ели досыта и отдыхали
На траве высокой и прохладной.
Но желанье исподволь точило
Души молодцев: пора сражаться!
Встал Сафар с земли и отряхнулся,
Отряхнулся и потрогал саблю,
Сабля голосом его звенела:
— Надобно разыскивать нам Зару,
Надобно спасти от Алаяра! —

Сияжар с земли поднялся тоже,
Тоже отряхнулся, тронул пояс,
Тронул пояс, сабля покачнулась,
Покачнулась сабля, и сказал он
Басовитым голосом спокойно:
— Зару мы найти еще успеем!
Ты скажи нам, умная Кемаша,
Не известно ли тебе, где лодки,
На которых пленники томятся,
Собранные ханом для отправки
На невольничий базар? Их надо
Поскорей освободить, несчастных,
А затем подумаем о Заре.

— Как не знать,— ответила Кемаша.—
Есть за поворотом Волги устье
Маленькой реки, там пристань хана.
От нее до дома Алаяра
Ехать близко, хорошо я знаю.
Алаяр согнал туда плененных,
Заковал и посадил на лодки.
Вас я поведу путем коротким
До излуки,— а за ней и пристань!
— Матушка, тебе остаться лучше.—
Затревожился Сафар.— Одни мы...
Будет схватка... Всякое бывает!
— Сын мой, не тревожься. Так должно быть!—
Ласково ответила Кемаша.—
Я в руках держать умею саблю,
Я могу коней ловить арканом,
Я стреляю на скаку из лука,
Горе горькое всему научит! —
За плечи взяла она Сафара
И блаженно в лоб поцеловала.—
Молодцы, на лошадей садитесь! —
Крикнула Кемаша и спокойно
Подошла к оседланной каурой,
Ногу — в стремя, за луку — рукою.—
Прямоком пойдем, за мной скажите!..—
И копыта слабо застучали,
Их удары скрадывали травы.

Маленький отряд вслед за Кемашей
То шел вскачь, то крупной рысью мчался.

Вот он берег Волги, вот дорога,
Низкою подернута травой.
Что это? Заграда? Верховые!
Путь им преградили два ногойца,
Два наймита злого Алаяра,
Сильные и преданные хану,
Злобные, готовые сражаться.
Хорошо их знал Сафар — и прямо
Своего коня на них направил:
— Это что же, поперек вы встали? —
Закричал Сафар и вынул саблю.
Оба всадника, его увидев,
Вмиг замолкли и окаменели.
— Сабли дайте мне! Сюда кинжалы! —
Приказал Сафар ногойцам грозно. —
Луки, стрелы! Ну, без разговора! —
И немедля отобрал оружие. —
А сейчас в сарай охраны — быстро!
Там оружие есть — возьмите больше,
Все, что есть... Скорей везите к лодкам,
К тем, что с пленниками на приколе
В устье речки за большой излукой! —
И ему ногойцы подчинились,
Выполнять его приказ помчались.
Маленький отряд летел, как ветер,
Вдоль реки, по берегу — до устья,
Развевались и хвосты и гривы.
Два богатыря как вновь родились,
Заблистала сила и отвага,
И они вскочили в лодки с ходу,
Прямо с лошадей, крича пленным:
— Здравствуйте, друзья! Скорее рвите,
Рвите цепи, руки размыкайте!
— Рвите! Рвите! — повторял Сафар им. —
Разбивайте вдребезги оковы!
На берег, на волю выходите! —
И откуда что бралось — и сила,
И ключи, и молоты, и клещи.
Вдохновенно шло освобожденье
От оков, надетых Алаяром.
Двести человек на лодках было,
Вышли на берег они, не веря
В совершившееся это чудо.
— Сияжар! — один освобожденный

Бросился богатырю на шею.—
Принесли тебя какие боги? —
Сияжар воскликнул громко:— Сырезы! —
И к груди могучими руками
Радостно прижал родного брата.

В этот миг один из двух ногойцев,
Посланных к Сафару за оружием,
Прискакал, привез мечи на берег.
— Десять! Больше нет,— сказал он в страхе,—
Мой товарищ предал вас, спешите!
Сообщил о вашем нападенъе
Только что приехавшему хану.
Старый Алаяр, как пес, озлоблен.
Я бежал! Прими, Сафар, я с вами.
— Хорошо! Ну, а предатель этот,—
От меня он не уйдет, мерзавец! —
Гнев неистово пылал в Сафаре.—
Я сдеру с него с живого шкуру!
Забирайте-ка мечи! Их мало.—
Обратился он к освобожденным.—
Все вооружайтесь, чем придется!
И — быстрее к дому Алаяра!
А иначе вмиг работорговец
Ускользнет от кары, как гадюка!
Все за мной! — Сафар вскочил на лошадь.—
Воинов у Алаяра горстка,
Все отряды под Казань отправил,
Непременно мы его осилим! —
Окружили дом. Сафар стремился
Отыскать в нем Зару за замками.
Дом не оказал сопротивленья,
Старый Алаяр успел исчезнуть,
Словно идемевсь, с людьми своими,
Он бежал — куда? — никто не знает.
Лишь Кемаша тут же сообщила:
— На Чихан удрал! Куда же больше?
И забрал туда с собою Зару.
Здесь, окрест, его не обнаружишь.
Не сорите временем, спешите!
Он подался на Чихан, сказала,
Вы ему наперерез скачите! —
И Сафар и Сияжар остыли,
Призадумались: что делать дальше?

Мысль у каждого своя светилась,
Каждый думал о своем заветном...

— Знаю, здесь тебя мы не удержим,
Мысленно уже ты под Казанью,—
Начал рассуждать Сафар.— Не так ли?
Я и сам, брат, поскакал туда бы.
— Это правда,— Сияжар сознался,—
Мне пора, брат, поспешить... Там битва!
А тебе — заботиться о Заре,
Если любишь — под землей отыщешь,
Да не упусти и Алаяра,
Убежать не дай — опять возьмется
За кровавые дела. Привычка!
— Что ж, выходит, надо расставаться? —
Как во сне, спросил Сафар печально.
— Пусть расстанемся, зато и встречу,—
Сияжар сказал,— быстрее приблизим.
— Все-таки поступим мы без спешки...—
Высказал Сафар свое суждение.—
Одному тебе опасно ехать,
На дорогах недруги шныряют,
Надо взять товарищей хороших,
Надо двигаться туда с отрядом,
Едешь ты не отдыхать — а драться!
Об одном прошу — оставь со мною
Сырезю, ведь мне товарищ нужен,
На кого я мог бы положиться.
Алаяр ослаблен, но коварен,
Враз не взять, придется потягаться...

Так и сделали они, два друга,
Подобрали молодцев надежных,
Смельчаков из бывших полоненных,
Каждого вооружили саблей,
Лучникам-умельцам дали стрелы.
Собралась отменная ватага!
А перед уходом Сияжара
Приоткрыл Сафар Казани тайну.
— Слушай и запоминай, дружиче.
Осажденных взять измором трудно,
Есть проход подземный под стенами,
В дальний лес ведет, в овраг глубокий.
По тому проходу в город возят

Пропитание, войска впускают...
Сияжар, я проходил там дважды...
Слушай, как найти овраг — запомни!..—
Тронулась ватага с Сияжаром.
А Сафар и Сырезь отдохнули
И взялись за собственное дело:
Бывших пленных всех вооружили,
Лошадей, каких могли, достали.
Боевой отряд образовался!
Время не терпело — поскакали
Где-то Алаяру путь отрезать
И освободить, конечно, Зару.
По пути на табуны наткнулись,
При которых был Сафар когда-то
Удалым табунщиком бесстрашным.
Он увидел пастухов знакомых.
— Галимбет! — он одному вдруг крикнул.—
Сколько Алаяр тебе, мерзавец,
Заплатил за голову Сафара? —
Пал пастух на землю от испуга
И пополз к Сафару на коленях,
Плакал, и молился, и пытался
Он поцеловать сапог Сафара.
— Сам аллах меня не оправдает,
Так перед тобой я провинился,
Отруби мне голову сейчас же,
Коль тебе моих детей не жалко.
— Бог с тобой! — сказал Сафар брезгливо.
— Буду я рабом твоим навечно,
Выполню я, что б ни приказал ты.
— Совершенно не нужны рабы мне.
А детей своих такими пестуй,
Чтобы на тебя не походили...
А сейчас из табуна вам надо
Выловить коней, и самых лучших,
Чтоб любого черта обгоняли,
Ими мы заменим наших слабых,
В быстроте нуждается отряд мой.
Если к табуну сам хан прискачет,
Сообщите, буду ждать его я
На горе Чихан. Пусть поспешает.

Двести скакунов, и самых лучших,
Привели табунщики отряду,

Их седлали и на них садились...
Галимбет сказал Сафару тайно:
— Знай, проехал здесь Аглай недавно,
С ним сто человек, наверно, будет,
На Чихан, сказал он, еду с ношей,
Дорогую ношу хан доверил.
Я заметил, эта ноша — Зара,
Алаяра связанная дочка.
— Ну спасибо, Галимбет, за это.—
И Сафар, подпрыгнув, сел на лошадь,
Думая: попробуем, догоним.
— Все за мной! — товарищам он крикнул.
И они, как соколы, рванулись,
На Чихан проклятый полетели.

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

То не гром грохочет в сизом небе,
То не туча молниями плещет,
Не дубы столетние с корнями
Напрочь выворачивают вихри,—
То, покачиваясь, блещет войско,
Блещет войско Грозного Ивана,
Грозного Ивана, государя.
Войско русское — до окоема,
Войско — света божьего не видно!
Впереди хоругвь на красном древке,
Спас на ней изображенный — темен,
Борода Христа летит по ветру.
А за ним — в остроконечных шлемах
При булатных саблях верховые,
А за ними — ратники пешою,
С бердышами, в кованых кольчугах.
А за ними вслед стрельцы лихие,
Полымем стреляющие люди.
А за ними с побережья Волги
Горные марийцы и чувашаи...
Путь ведет их к логову душманов.
Кто верхом, а кто бежит и бегом...
Кони тащат на колесах пушки,
Люди на руках несут пищали.
На дорогах тесно ратной силе,
Поле не вмещает эту силу,
Путь леса широкий открывают,
Горы в сторону с пути отходят,
В реках расступается течение...
И полки, как пламя, меж водою,
И никто остановить не может!

И собрал свой полк-дружину Слава.
— Други храбрые! — заговорил он.—
Нам пора! Войска идут к Казани,

Поспешают. Пусть же каждый знает,
Что нам поручает государь наш.
Как ударят ядрами из пушек,
Как разрушат стены городские,
Нам врываться первыми в проломы.
Будут в нас стрелять казанцы яро,
Поливать нас пламенем, смолою,
Будут стрелы пролетать со свистом...
Мы и перед смертью не отступим!
Други храбрые, — к стенам Казани!
Пусть увидят, каковы мы в схватке,
Как враги разбитые сдадутся.
Если не поднимут кверху руки,
То застывшие протянут ноги! —
Как вода весной, рванулись к Волге.
За ночь переправилось войско.
Встали было поперек ногойцы,
Но полки царя их смяли скоро.
Утекли оставшиеся в город,
Затворили за собой ворота,
Кованые черные ворота.
Высоки вы, неприступны, стены,
Долго вам изнемогать в осаде!
Войско петлей окружило город,
Пушечным огнем кромсало стены,
Воины нет-нет да шли на приступ
Через ров, подкатывая туры...
Ну, а стены тоже не молчали,
Древние, они огонь метали,
Оперяя смертью, слали стрелы,
Скатывали каменные глыбы
И смолой кипящей поливали
Осаждавших, жаждавших победы.
И земля и деревья дымились.

Не напрасно там, свирепосерды,
Скрылись криводушные ногойцы,
Не хотят по-доброму сдаваться.
Перед смертью шмель жестоко жалит!
Город девяносто дён в осаде.
Беки и мурзы остервенели,
Осажденные теряют силы,
Отбиваются — а не сдаются,

Голодом сидят — а не сдаются.
Без воды сидят — а не сдаются.

Царь Иван, на посох опираясь,
На Казань глядит с тяжелой думой.
Ночи стали зябки. Скоро осень.
Там дожди пойдут... Там снег посыплет...
Высоки вы, яростные стены!
Царь ударил посохом о землю,
Топнул в нетерпении ногою...
И к шатру цареву прискакали
От полков большие воеводы.
Оглядел их царь и так сказал им:
— Слуги мои верные, пошто же
Не трубите в трубы и карнаи
И не вьется знамя над Казанью?
Как же сии стены одолеть нам,
Кто мне скажет, слуги-воеводы?
Милостью того не обойду я
И его пожалую богатством,
Серебром да золотом, да уделом.—
Царь ударил посохом о землю.—
Вы молчите, очи опустивши!
Так идите,— государь им крикнул,—
Разыщите мудрого такого,
Чтоб уразумел он путь к победе...—
Государь свой тяжкий посох поднял
И на город острие направил.

Поскакали воеводы к войску
И гонцов во все края послали.
И два друга из дружины Славы
Тоже мигом на коней вскочили.
«Где найти нам мудреца такого?» —
Думали в пути Гамзур с Бурнаем.
Скоро на одной лесной развилке
В стороны разъехались, простившись...
Под вечер вблизи села большого
Шум побоища Бурнай услышал.
Он туда — на звон, на треск, на ржанье...
Глядь, бегут ногайцы, рассыпаясь,
Тронутые страхом, как слепые.
Их преследует какой-то всадник,
Сабля в небе молнией играет.

О, да с ним тут конная ватага!
Как настигнет богатырь ногойца,
Как с размаху рубанет ногойца,
Так и наземь голова сорвется
И покатится, сверкая глазом,
Как червя, земля притянет тело.
— Сияжар! — узнал Бурнай и сразу
Повернул коня очами к бою.—
Друг ты мой! — и прынул на подмогу,
Выдернув за крыж из ножен саблю.

И когда рассеялись ногойцы,
Обнялись Сияжар с Бурнаем.
— Нишке паз принес тебя откуда?
Говорили, был ты в заточенье
Неизвестно где — у Алаяра.—
Улыбнулся Сияжар: — Где был я,
Там теперь одна пустая яма.
Поспешал к царю я, да наткнулся
На отряд душманов... Шли на помощь.
Знают, что Казань еще не пала.
Вон лежит зарубленный мурза их.
Слышь, Бурнай, как разыскать мне Славу?
— К первым петухам к нему доедем.—
Трогая коня, Бурнай ответил.

Ночь плыла. Молчанье леса длилось.
Дождь накрапывал. Копыта били.
В тишине поскрипывали седла.
Каждый куст медведем притворялся.
Волчье око в тьме перебегало,
И раскатисто вслед ухал леший.
Близ полуночи среди деревьев
Тихо заметались пятна света,
И костры вдруг стали приближаться.
На одной поляне возле дуба
Векового — веселилось пламя.
От костра летели струи дыма.
Тут Бурнай остановился, щелкнул,
Будто перепелка, голос подал.
И на голос показался Слава.
Ратники из-за кустов сошлись.
— Ты, Бурнай? Так скоро? Али вести?
— Вести! На коне, со мною рядом.

Вот какие вести,— поглядите!—
Всадники въезжают на поляну.
— Сияжар! Откуда? — ахнул Слава.—
Спешивайся, друг мой, поскорее!
Спешивайтесь, люди дорогие!
Пуре нет, а накормить накормим.
Можно сыртью аль ушицей пряной,
Медвежатины прошу отведать,
А медовой сытою запьете.
Богатырь земли мордовской спрыгнул,
Под одежей звякнули доспехи.
— Дай-кось обниму тебя покрепче.—
И его схватил в объятья Слава.—
А уж мы с Вольгою убивались,
И в живых не чаяли увидеть...
Как перехитрил ты Алаяра?

Сели на бревно они под дубом,
Русский и мордвин, душа с душою,
И костра играющее пламя
Освещало тихую беседу.
Сияжар провел по лбу ладонью
И сказал: — Мне помогали люди.
Вот они. Пойдут на штурм Казани.
Алаяр — насильник, плел потайно
Для людей из лжи и злобы петлю...
Сам в удавке этой задохнется!
В подземелье, где я был прикован,
Разделял со мною злую участь
Пасынок злодея Алаяра...
Он сказал: «Казань не взять измором
Никому. Из города — наружу
Есть глубоко под землей широкий,
Долгий, тайный ход к лесному яру.
И оттоль таскают воду в бочках,
И еду тем ходом доставляют.
— Неужели? — удивился Слава.—
Сияжар, а яр и вход нашел бы?
— Хоть глаза мне завяжи, я мимо
Не пройду. Сафар приметы выдал...
— Так скорей поскачем к государю.—
Встал с бревна, заторопился Слава,
Приказал седлать коней быстрее,

И герои, как орлы, взвились,
Стук копыт истаял меж деревьев...

У царя в шатре свеча горела,
Пред киотом теплилась лампада,
Рынды в ерихонках возле входа
С бердышами острыми стояли.
Царь сидел в кафтане, чуть мерцавшем
Прозолотью, рядом тонкий посох,
Будто аспид, прислонился к креслу.
Царь на Сияжара удивленно,
С любопытством ястребиным глянул.
— С чем пожаловал, молодчик, ночью,
Из-за благ каких ты досаждаешь?
Ну, попотчуй небылью, попотчуй,
Может, сказка по сердцу придется.
Говори! — И Сияжар тут начал,
Все поведал о подземном ходе...
— Это правда? — царь спросил сурово.
— Истинная! — отозвался Слава.
— Ишь ты, как на выручку приходишь
Сотоварищу. — Царь усмехнулся. —
Вот ты истину-то с ним и сыщешь!
Не найдете — на себя пеняйте,
Если с вас мне взыскивать придется... —
Царь откинулся на спинку кресла,
Цепкий взор на Сияжара кинул
И спросил, прищурившись пытливо:
— Чьего роду-племени ты будешь,
Молодец? Неужто сын боярский?
— Государь, я сын земли мордовской,
Дуболго отец мой. Родом эрзя.
— Дуболго? — царь думал, вспоминая. —
Не силач ли тот, храбрец мордовский,
Что моим князьям да воеводам
На Суре помог побить ногайцев?
— Государь, он самый, мой родитель.
— Видно, молодец, ты сын надежный.
Кланяйся отцу, скажи — царь помнит.
А сперва, не обессудь, разыщешь,
Яко жилу жизни, ход подземный.
Ты же, воевода верный, Слава,
Ратников своих бери поболе,
Да меня не обойди известьем,

Коли сыщется та жила жизни.
Как светать начнет — езжайте с богом!

Из шатра их выпустили рынды.
Чуть забрезжило — и поскакали,
Мимо стен Казани пролетели,
Путь врезался в лес густой, и к Волге
Две версты тропинками ветвился.
У оврага спешились. Глубок он.
Как бездонный. Выступы. Обрывы.
Вниз спускались, за кусты хватаясь,
Сияжар, за ним Бурнай и Слава,
Ратников десятка два на случай.
А на дне ручей ворчал. Две глыбы
Каменные, как медведи, грузно
На утоптанном стояли месте.
Сзади них, повыше, под кустами
Тайный лаз в заросшей мхами кладке.
Влезли в темень, запалили факел.
Ход просторен, слегами обложен,
И коню пройти в упряжке впору.
Долго шли сторожко... Вдруг ворота
Кованые, черные — закрыты!
Что за ними? Бог весть. Может, стража.
Пробовали их сломать, но даже
Пошатнуть и то не пошатнули.
Как железными корнями в камень
Вросшие, стояли воротища.

Сообщили Грозному. И Грозный
Сам приехал, приказал в овраге
Крепкие поставить караулы.
— Молодец, — сказал он Сияжару, —
Слово твое верно. Так же верно,
Как и то, что мы Казань не взяли,
Стен высоких пушки не взломали.
Что ты думаешь об этом, эрзя?
— Думаю, как сделать стены дымом! —
Царь настороженно вскинул брови,
Сияжар достойно поклонился.
— Государь, позволь поведать думу,
В душу мне запавшую... Под стены
Надо бы подкопы сделать, бочки
С порохом туда бы мы вкатили,

Бочек пятьдесят, и их взорвали б...
И через пролом дорога в город
Осаждающим открыта будет,
Будет некуда казанцам деться...—
Грозный после краткого раздумья
Заговорщицки взглянул на Славу...
— Сотоварищ-то твой дельный малый,
Светлая башка, видать, у парня,
И силач в отца, и думой красен.
Что ж, сокól, тебе и дело делать!—
Обратился к Сияжару Грозный.—
Пороху для божьей кары хватит!
Приступай, сын Дуболго, не мешкай,
Вместе с воеводой. Бог вам в помощь!

Дни и ночи, дни и ночи рыли,
Под землей вели проход под стены,
В два подкопа ратники вкатили
Бочки с порохом. И вот все войско
В напряженье — к приступу готово.
В подземелье Сияжар на бочках
Пятьдесят свечей зажег и вышел
И наружу две свечи горящих
Вынес осторожно к наблюдавшим,
И одну из них царю он отдал,
А другую сам зажал в деснице.
— Государь, как только наши свечи
Догорят, так стены и взорвутся!

Царь и воеводы в ожиданье...
Весело играют огонечки,
Слезно каплет ярый воск на землю,
Время тяжко тянется, и свечи
Сияжару кажутся столбами,
Фитили их будто бесконечны...
Вдруг свеча в руках царя моргнула,
Пальцы обожгла ему и гасла,
И у Сияжара догорела...
Царь стряхнул воск ярый раздраженно.
— Молодец, ты, знать, горазд на шутки?—
Царь повел свирепыми очами.—
Стены-то сии стоят греховно,
Супостаты на стенах ликують...
Так иди же, молодец, на плаху!

— Государь, карать меня ты волен.—
Сияжар отвечал спокойно.—
Отрубить мне голову успеешь.
Дай терпенью царскому продлиться...
Ведь на свежем воздухе, снаружи,
Я забыл, огонь горит сильнее,
А на бочках с порохом в подкопе
Свечи тают медленней и тише.
Государь, терпенью дай продлиться!
Может...— Сияжар не кончил речи.
Он увидел, прежде чем услышал,
Взрыв... Земля, как на китах, качнулась,
Черный гром ударил в поднебесье,
И взлетели, дым опережая,
Бревна, каменные глыбы, люди...
Через миг второго взрыва грохот,
Содрогнулась мать-земля, и снова
К облакам взлетели, рассыпаясь,
Бревна, каменные глыбы, люди.
И, не дав опомниться казанцам,
Хлынули в пролом полки цареvy!
Засверкали топоры и копья,
Заиграли бердыши и сабли,
И загрохали огнем пищади,
И над сечей поднялося знамя!

Грозный обернулся к Сияжару.
— Ну, сын Дуболго, служил ты верно.
Чем же наградить тебя прикажешь?
Может, золотом? А может, чином?
Может быть, пожаловать поместьем?—
Поклонился Сияжар, ответил:
— Государь земли великой русской!
Не прими же слово за гордыню,
Сердце не печется о награде,
Я еще не заслужил покаяния.
Об одном осмелюсь попросить я:
Разреши мне вместе с земляками
Влиться в войско русское и тоже
Брать Казань и побивать ногаев!—
И сказал Иван Васильич Грозный:
— Сын отважный Дуболго, ты воин,
Верю слову твоему и сердцу.
Будь помощником Вольги и Славы,

Воеводам, верным мне и храбрым.
Сын отважный Дуболго, ве́ди же
Соплеменников своих на битву,
Бейся с ворогом и супостатом,
Бейся беспощадно, аки пардус!

Сияжар сказал царю: — Спасибо! —
Низко поклонился — и помчался
Рядом с другом, воеводой Славой,
К землякам, стоявшим наготове,
Чтоб уйти самозабвенно в битву,
Что дымилась яростно в Казани.

Все жестоко в городе кипело,
И от крови камни размокали,
Стрелы сеялись, скакали копыа,
Смерть навеки обрывала крики...
К вечеру казанцы город сдали
И победно трубы протрубили.
Вышли из угрюмых подземелий
Все порабо́щенные когда-то
Злобными ногайскими князьями,
Алчными казанскими мурзами.
Дни пошли, как ратники в походе,
И Казань из мертвых восставала,
Хлеб везли, и проводили воду...
Ибрагим и Архана, два друга,
Двух детей Уняши разыскали,
Вывели на площадь из укрытья,
Радостно их матери вручили.
А Витова, милая Витова
Раненым всю душу отдавала,
Перевязывала нежно раны
Воинам — и русским и эрзянам,
Обихаживала и поила.
Жизнь спасла веселому Гамзуру,
Раненого принесла в укрытье.
— Ах, Витова, — говорит Гамзур ей, —
Пребольшое братское спасибо!
Первое спасибо за спасенье,
А второе — за твое леченье!
Не лекарства раны мои лечат,
Руки твои нежные девичьи,
Руки успокаивают боли.

Ах, какое испытает счастье
Тот, кто назовет тебя женою...
Я бы тоже, может быть, женился
На любимой девушке Вияне,
Я бы тоже стал счастливым, если б
Не похитили ее ногойцы.
Рукодельницей слыла, певуньей.
Для семьи хорошей и веселой
Рождена была моя Вияна.
Ничего теперь о ней не слышно...
Может, на чужбине, здесь Вияна?
Как считаешь — всех ли мы отыщем?
— Вы ж сюда приехали за этим,—
Утешала нежная Витова.—
Проливали кровь не потому ли?..
Вы плененных всех освободите,
Снимете с несчастных путы рабства
И насильникам ногойцам руки
Загребущие укоротите.
— Чтоб твои слова сбылись, молюсь я
Вере пазу,— он сказал Витове,—
Пусть же кровь не пропадает даром.
Ты, Витова, позови Бурная,
Я давно соскучился о друге.
Говорят, он дрался беззаветно,
И наградой царь его отметил.

И пришел Бурнай к Гамзуру тотчас,
По-медвежьи взял его в объятия.
— Друг мой, волчье логово разбито...
Сияжар помог своей смекалкой...
— Как так Сияжар? Ты что болтаешь?—
Закричала на него Витова.—
Сияжар в плену у Алаяра,
В подземелье скованный томится!
— Что ты, что! — Бурнай заулыбался.—
Он давно утек из подлой ямы,
Он отряд привел к царю Ивану,
Он помог взорвать глухие стены,
Он во время штурма отличился.
Царь сказал, сражался он, как пардус!
Он, Вольга и Слава снаряжают
Ратников к тяжелому походу.

Царь их посылает для разгрома
Старого гнездовья Алаяра.
Нынче пополудни уезжаем
Все, все наши воины сурские...
— А меня оставить здесь решили? —
Горестно вздохнул Гамзур. — Обидно!
— Ну, зачем так? Отдыхай спокойно.
Поправляйся. Раны еще свежи.
Как справимся мы с Алаяром,
Так сюда и за тобой заедем.
Не грусти! С тобою тут Витова,
Умная Уняша остается.
До свиданья! Ты не огорчайся.
Скоро будем в Гайрусе, дружище! —
И Бурнай Гамзуру подал руку.

Полк пошел. Ударили копыта.
Впереди всех Сияжар и Слава,
Посреди полка Вольга на карем,
Рядом с ним Бурнай на аргамеке.
И Витова оказалась с ними,
В воинских доспехах — на саврасом.
Ах, Витова! Надо ж — не отстала.

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Мчались Сафар, Кемаша, Сырезь
Сквозь леса, через поля — к Чихану,
С ними их отменная ватага.
— Что-нибудь слышал ты об Аглае? —
Сырезь спросил Сафар в дороге.
— Как же, он, когда меня поймали,
Первым начал бить, бил как собаку.
— Алаяра верный пес, прислужник,
Исполнитель дел секретных хана, —
Объяснил Сафар, коня сдержавши.
Из-за быстроты им разговора
На скаку не удалось закончить.
Возле крепости они Аглая
И его сообщников настигли.

Нет, не ожидал Аглай погони,
Кто зовет, не сразу разобрался,
Полагал, посланцы Алаяра,
Срочное везут распоряженье.
Часть его людей вошла в ворота,
Увела коня с ценнейшей ношей.
Сам Аглай без всяких подозрений
С несколькими всадниками смело
От ворот поодаль задержался.
И когда, осаживая лошадь,
Подлетел Сафар, он растерялся,
Он узнал его и испугался,
А тем временем с другими Сырезь
Окружал, хотел нырнуть в ворота,
Но они испуганно закрылись.
— Ты умрешь! — Сафар Аглаю крикнул. —
Говори, где дорогая ноша! —
Посмотрел Аглай на окруживших,
Биться с таким отрядом — глупо,
С ним людей осталась горстка — тридцать.

И Аглай в ответ кивнул на крепость.
— За воротами, Сафар, та ноша,
Мне доверенная Алаяром.
Ты охотишься за дочкой хана?
Хан великий за меня, за дерзость
Снимет голову, Сафар, с любого.
— Хватит, пес, пугать! Себе ищи-ка,
На какой висеть осине слаще.
— Незачем на петлю время тратить,
Незачем нам совершать убийство,—
Вынул меч из ножен добрый Сырезь.—
Пусть хоть раз по-честному сразится,
Супротив меня открыто встанет.
Пика у него — меча длиннее.
Моего меча длиннее пика,
Значит, и надежней в поединке.

Быстро круг раздался. Чисто место.
Свистнул им Сафар — рванулись кони,
Встретились и на дыбы взметнулись.
Пики длинной в грудь удар — но Сырезь
В сторону мечом отвел мгновенно,
Рубанул — и обломилась пика,
А затем мечом, плашмя, Аглая
По башке ударил, тот свалился...
Сырезь спешил, пошел к Аглаю,
Встал на грудь, и меч прошел сквозь горло.

Сразу тридцать всадников Аглая
Перешли на сторону Сафара.
— Эй, вы, сторожа, открыть ворота!—
Закричал Сафар, на стены глядя.
Но на крик отозвались насмешкой,
Свистнули слепые стрелы тотчас.
Сырезь и Сафар посторонились.
Сырезь предложил взломать ворота.
— Нет, повременим,— Сафар ответил.—
Все-таки поговорю я с ними,
Объясню, что происходит ныне...
— Вы теряете напрасно стрелы,—
Весело защитникам сказал он.—
За кого стоите? Вы смекните!
Над башкою Алаяра — петля!

Так давайте вздернем вместе хана.
Отомстим ему за все несчастья!
— Это ты, Сафар? — зло отвечали.—
Раз уже товарищей ты предал.
Кто теперь предателю поверит?
Драться хочешь — за мечи возьмемся,
Сложив руки мы сидеть не будем.
— Это ты, Ахма, честишь так грязно?—
А? — спросил Сафар, не обижаясь.
— Да любой тебе такое скажет!
— Все меня предателем считают?
— Кличку кобелю дают по шерсти,
Человеку — по его деяньям.
— Нет позора большего, чем этот,—
Горестно Сафар Ахму ответил.—
Я клянусь,— я этого не делал...
— Продал правду,— со стены кричали,—
Нынче ложью хочешь оправдаться!—
Это обвиненье взволновало
Бывших пленных, мучившихся в лодках.
— Клевета! — они шумели дружно.
Голос свой возвысила Кемаша:
— А ты знаешь, дерзкий обвинитель,
Что подстроил Алаяр ловушку?
А ты знаешь, что Сафар был схвачен
Возле дома своего и брошен
Ханом на смерть медленную в яму?
Он страдал, он вырвался на волю,
Ты же хочешь подло опозорить!
Узнаешь меня, Ахма? Припомни!
Я ведь первая жена владыки.
Открывай немедленно ворота!

На стене смутились, зашептались,
Начали корить Ахму: «Ты что же!...»
В этот миг десятка два ногойцев
Прискакали. Лошади их в мыле.
На землю ногойцы повалились.
— Ой, беда! Беда! — они стонали.—
Русский царь Казань забрал! Ой, горе!
Где владыка, Алаяр великий?
Войска, что послал он,— не осталось,
Кто побит, а кто в плену у русских.

Распахнули мощные ворота.
Кланялся Ахма подобострастно,
Пропуская всю ватагу в крепость.
А Сафара повели к светелке,
Где замкнуть уже успели Зару.
На ее дверях собачьей сворой
Семь замков висели молчаливо.
Встреча — с радостью и со слезами,
У Сафара голова кружилась,
Сердце было выскочить готово,
Зара ожила и засветилась,
Как весною ветка оживает.

А Кемаша бросилась к темницам,
Галию, Аси там разыскала,—
Плакали они втроем от счастья.

В главном доме крепости — подвалы,
Их открыли, выкатили бочки
С пенистым вином, и снедь нашлася,
Выпили соратники, поели,
Сон сморил их. Очень крепко спали.

Только Сырезь ни глотка не выпил,
Он учел предвидение Зары:
«Алаяр без боя не сдается.
Он прискачет не один, с Азгаром,
Чтобы за него меня здесь выдать...
Как поймет все — нападет на крепость».
Сырезь перемолвился с Сафаром,
Он свои расставил караулы,
Проверял запоры на воротах,
И на башню на сторожевую
Сам с надежными людьми поднялся.

Небо закрывали тучи плотно.
Тишина глубокая стояла.
Но перед рассветом гул понесся,
Выкрики слышались из лесу.
Стукали копыта, приближались
Прямо к крепости. Шум. Говор. Топот.
Алаяр, стуча в ворота, гаркнул:
— Кто тут есть? Быстрее открывайте!

Слышал, беглецы сюда прибились.
Задержали их? — спросил сердито.
— Все здесь, до единого, — ответил
Сырезь. — Ждали вас. Они уснули.
— Где заключены? Смотрите, как бы
Не сбежали, а? Не то — вас в яму!
— Место скверное у них, в подвале,
Выпили вина — и отдыхают. —
Сырезь сообщил ему шутливо.
— Ты смеешься надо мной? Да кто ты? —
Старый хан вспылil. — Башки лишишься!
— Руки, коротки! Тебе отрубим!..
Сырезь говорит с тобой, собака!

— Вот кто ты! — завыл старик от злобы. —
Ты не веселись! — кричал истошно. —
Ты еще заплатишься, поплачешь!
В первый раз я промахнулся малость,
Упустил тебя, ошибку сделал,
Но теперь отсюда ты не выйдешь,
По головушке твоей, как слезка,
Петелька уже затосковала.
— Верно, ты в последний раз ошибся.
Кончилось твое, разбойник, время! —
Угрожающе ответил Сырезь.
— Пусть падут на всех вас громы неба,
Головы испепелятся ваши! —
Хан, ругаясь, от ворот отъехал.
Слышно было, он просил с надрывом:
— Друг Азгар, поговори ты с ними,
Пусть идут они на штурм сейчас же,
Пусть они быстрее разрушат крепость!
— Не спеши. Зачем же людям ночью
Сдуру лезть под сабли и на пики. —
Собеседник рассуждал спокойно.
— Друг Азгар, из крепости прорыл я
Ход подземный, он в овраг выходит.
Может, силачам вовнутрь пробраться?
— А Сафару этот ход известен?
— Да, он знает. — Алаяр ответил.
— Так чего же ты, старбенья, хочешь,
Чтоб в норе барсучьей перебили
Силачей твоих? Сафар не глупый...
Потерпи. Гроза идет. Ты видишь?

Утром мы на крепость ополчимся,
Схватим их и на дубах развесим.
— Всех повесим! — завизжал бессильно
Алаяр. Стегнул коня нагайкой,
Под дубы поехал в гущу леса
Укрываться от рычавшей тучи.

Ливень хлынул. Затряслось небо.
Молнии ломались, будто копья
В диком и неистовом сраженье.
И в разгар грозы Сафар поднялся
К Сырезю в сторожевую башню.
— Алаяр пожаловал к нам в гости? —
Он спросил полушутя, с улыбкой.
— Собирается напасть на крепость.
— Знаю, Сырезь. Волчий вой я слышал.
Алаяр скулит и ищет смерти,
С ним Азгар в одну могилу ляжет,
Мы здесь пресечем их путь кровавый.
— Хороши твои слова... Но здесь мы
Заперты, Сафар. Отсель не выйдешь!
— А зачем нам выходить под ливень?
Лучше пусть враги промокнут. Слушай,
Сырезь, я нашел в подвалах дома
Золотые клады Алаяра,
Россыпи монет. Мы завтра утром
Угостим их золотою шуткой,
Золотом его добудем смерть им,
А себе желанную победу.
Сырезь, отдохни поди. Не спал ты.
А не ляжешь, буду я сердиться.
Я посторожу, понаблюдаю. —
Ласково его Сафар похлопал
По спине. — Ну-ну, иди, дружище! —
Сырезь в дом ушел. И лег. И вскоре
Гайрусу, Суру во сне увидел.

Он проснулся — небо голубело,
Шум и крики слышались снаружи;
Он спросонья, недоумевая,
Удивляясь, выглянул в окошко:
Мимо, без оглядки, одержимо,
Пробегали люди, люди, люди,
Кто-то с луком, кто-то с острой пикой,

Кто с мечом, кто с легкрылой саблей,
На конях, пешою поспешали,
Кто куда — на стены и к воротам.
«Нишке паз, да это ж битва, приступ!..» —
Про себя воскликнул добрый Сырезь,
Выскочил из каменного дома,
На стену по лестнице взобрался.
Там уже бок о бок, вперемежку,
Кучками стояли наготове,
Ждали нападения эрзяне,
Русские, мокшане, черемисы
И обманутые Алаяром
Бедные, служилые ногойцы,
Ханские приверженцы лихие,
Ставшие на сторону Сафара.

Он вошел в сторожевую башню.
Он был встречен весело Сафаром:
— Вовремя пришел! Поспал немножко?
Хорошо. А мы уже втащили —
Вот в колчане золотые стрелы.
Тут их много. — И Сафар, довольный,
Улыбаясь, показал рукою
На сундук, окованный железом. —
Удивительный колчан, не правда ль?..
Начинается! Вон, видишь, скачут.
Из лесу выныривают ловко.
Тащат два бревна... Ну да. Ворота
Собираются они таранить.
Вон и Алаяр с Азгаром рядом.
Хан свиреп. А все-таки растерян.
Подъезжает ближе. Люду много.
Всадникам обманутым конца нет!
Ну, сейчас начнутся уговоры,
Золото он всем пообещает —
Вечная приманка негодая.

Хан остановился в отдаленье,
Там, куда стрела не долетает,
Закричал визгливо, резко, сипло:
— Эй, вы! Слушайте, Сафар и Сырезь!
Слушайте меня и остальные!
Чтобы не было средь вас убитых,
Предлагаю вам открыть ворота.

Всех прошу, задерживать не стану,
И пойдете, кто куда захочет.
Кто останется служить мне — тех я
Не премину наградить... Откройте!
Не решитесь — на себя пеняйте!

— Бреешь, Алаяр! — сказали сверху.—
У тебя слова нежнее шелка,
А дела людской политы кровью.—
Две стрелы, жужжа, со смертью в клювах
У копыт коня его упали.

Алаяр, страшась, коня попятил,
Передвинул жеребца подальше,
Всадникам своим махнул нагайкой.
— Вышибайте поскорей ворота!
Да изменников не оставляйте
Никого в живых! Рабов рубите!
Тех, кто уцелеет,— я повешу!

Закипело войско Алаяра.
Лучники к стенам поближе стали,
Засвистали стрелы, загудели,
И под выкрики и гам ногойцы
Понесли к воротам два тарана.

И тогда Сафар громкоголосо
Обратился к осаждавшим крепость:
— Слушайте меня! Остановитесь!
Слушайте, приверженцы владыки,
Верные пособники злодея!
С вами говорит Сафар. Я тоже,
Помните, бывал в набегах с ханом,
Помните, мы жгли чужие села,
Помните, добро эрзян и русских
Мы захватывали и тащили,
Мы людей безжалостно губили;
Помните, в полон мы уводили
Девушек, парней и молодаяк,
Чтобы на невольничьих базарах
Алаяр великий продавал их.
Были мы верны работоторговцу,
Грабя, убивая, помогали
Алаяру скапливать богатство!

А за нашу за слепую службу
Хан награды обещал, сулил нам
Серебро и золото, и клялся
Именем аллаха. Но посулы
Так посулами и оставались.
Он обманывал и вас, и бога!
На слово он щедр, да скуп на честность!
Слушайте, обманутые люди!
Был я правою рукою хана,
И, как вы, обманут им жестоко.
Нынче, чтобы вы вернулись к семьям
И голов в честь хана не теряли,
Правая моя рука вас щедро
Одевает золотом! Ловите!..—
И Сафар, открыв сундук мгновенно,
Горсть монет схватил и что есть силы
Бросил всадникам, как можно дальше.
Горсть вторая, третья — полетели,
Искрились монеты под лучами
Золотившегося в небе солнца.

В стане осаждавших каждый замер,
Замешательство, оцепененье,
Звякали лишь кони удилами.
Алаяр следил, как очумелый,
Жадными, безумными глазами,
Как летело золото горстями...
А Сафар бросал без остановки —
Исступленно — звонкие монеты.
На мгновенье, может быть, сперва им
Легкое сомненье овладело:
«Не берут! Неужли я ошибся,
И тирану преданы без меры?»
Вот монеты — горсть очередная —
О таран ударились со звоном,
И ногаец, на бревне сидевший,
На лету поймал одну монету,
Осмотрел, понянчил на ладони,
Щелкнул языком и вверх подбросил,
И поймал опять, осклабясь в смехе.
И нагнулся подбирать другие...
С этого и началось. Как рыси,
Наземь прыгали с коней ногойцы,
Сбрасывались вниз с монгольских седел,

И к земле дрожаще припадали,
И коленями и животами
Травы приминали и давили,
Купыри, чертополох ломали,
Разгребали мураву руками,
Разбирали пальцами былинки,
В них ища застрявшие монеты.
Позабыли обо всем на свете
И о том, что крепость надо брать им.
Наконец и заварилась свара:
Двое не поладили немножко
И полезли друг на друга яро
С кулаками, за ножи схватились.
К ним прихлынули еще другие
И ввязались, стали заступаться...
И пошла раскидываться драка,
И резня, и свалка у предстенья.

За побоищем друзья Сафара
Со стены умильно наблюдали,
Резво подзадоривали сверху.
— Этого-то нам и нужно, Сырезь,—
Подмигнул Сафар и усмехнулся,
Собственной затеей изумленный.—
Волки из-за падали дерутся!
— Может быть, напасть на них? — И Сырезь
Показал на скопище ногайцев
Бившееся.— На руку нам это!
— Нет, я не пролью ни капли крови.
Пусть хоть режутся, пускай секутся,
До всего дойдет... Пусть сами, сами
Друг у друга злую кровь пускают,—
Возразил Сафар.— Не разберешься,
Кто кого колотит и ломает,
Отправляет на тот свет по-свойски...
Но кого нам надо — мы поймаем!

Старый Алаяр ополоумел,
Сиплым голосом воззвал к Азгару:
— Хватит драться им. Останови их!
Пусть проломают поскорей ворота!
Задушите всех передо мною,
Всех, что влезли в сундуки чужие
И меня до нитки обобрали.

Поспешай, скорей, Азгар, не медли!
Что останется — отдам тебе я,
Выдам Зару за тебя сегодня,
Ты хорошую жену получишь.
— Поздно, Алаяр. И силы неба
Их не остановят. Иль не понял,—
Сумрачно Азгар ему ответил,—
Их приманкой сладкою прельстили,
Их пронзили золотые стрелы,
И впились они в корыстолюбье.
Эти стрелы пострашней обычных.
Крепость не возьмем мы, не с кем брать-то.
Посмотри, от рук отбились люди.
Если же не утечем отсюда,
Значит, мы в последний раз сегодня
Видим это благостное солнце.
В темный лес, пока не поздно,— скачем!
— Что ты! — Алаяр перепугался.—
Как во рту язык твой повернулся?
Зара там! Там все мое богатство!
И оставить им, рабам? Ты спятил!
— Попусту, старик, ты суетишься!—
Потерял Азгар терпенье.— Едем!
Коль себя спасем — сюда вернемся
С новой силою — и овладеем...
— Мочи нет! — и хан почти заплакал.—
Дайте мне огня! Сожгу я крепость!
Стрелы, стрелы огненные дайте!
Дай огня, Зула! Колдун, ты слышишь?
Пусть добро, пусть дочь горит, пусть в небо
Дымом изойдет мое богатство!

Трижды, зубы стиснув, задыхаясь,
Огненными стрелами стрелял он.
Деревянные строения скоро
В трех местах печально загорелись,
Закрутился дым, окутал крепость.
Но Сафар уже на всякий случай
Отворил подземный ход и стражу
У дверей окованных поставил.
Ход из крепости вел в лес — далеко...
Но по-прежнему во всеоружье
На стенах защитники стояли,

И по-прежнему следили зорко
С толстых стен за войском Алаяра.
Между тем остановилась драка,
Драчуны совсем остепенились
И коней своих переловили,
Кучками усталые расселись,
Синяки, кровоподтеки, раны
Украшали лица, руки, груди...
Люди разговаривали вяло,
Каждый пересчитывал добычу,
Прятал в кошелек дрожащий деньги,
Иль запихивал в широкий пояс,
Иль в седельной сумке хоронил их.
Все, как звери сытые, сидели
С полным безразличьем к остальному...

Старый Алаяр, оцепеневший,
Одинокий, как в лесу коряга,
Слезных глаз не отрывал от дыма,
Что струился в небо от строений...
В этом дыме таяло богатство,
Им награбленное у народов.

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Оборвалось время Алаяра,
Кончилось господство властелина.
Был богатым хан, могучим, хитрым,
Стал он жалким, никому не нужным;
Обессилен он своим богатством,
Ненавистью к людям обессилен,
Жадность, двоедушие, жестокость
Властелина привели к могиле.

Нет, не ожидал конца такого
Старый Алаяр, когда шел в крепость,
Вел сторонников во всеоружье,
Собирался Зару выдать замуж;
Даже захватил Зулу с собою,
Колдуна, чтоб сглазу не случилось.

Нет, не ожидал он незадачи,
Что события повернутся лютю,
Что служившие свирепо люди,
Преданно и до изнеможенья,
Вдруг откажутся повиноваться.

Как заметили пожар ногойцы,—
Мирные от щедрости Сафара,
Смирные от золотого дара,—
Бросились к стенам, к воротам с криком:
— Эй, тушите вы огонь, тушите!—
И схватили злобно Алаяра,
С жеребца стащили и связали
Намертво волосяным арканом;
Будто заарканенного волка,
На землю швырнули возле дуба,
Двух парней поставив караулить.

Хан Азгар насторожился, видя,
Что стряслось с великим Алаяром,

Тут же улизнуть поторопился
С малочисленным своим отрядом,
Ехал за восьмой женой прелестной,
Юной, нежной, свежей, как подснежник,
А пришлось до свадебного пира
В страхе мчаться от старухи-смерти.

Сквозь слои крутящегося дыма
Начинало пламя прорезаться.
— Эй, Сафар! — зывали что есть духу
Отступившие от Алаяра.—
Мы к тебе на службу переходим!
Открывай! Тушить пожар поможем!
Поостерегитесь! Не спалитесь!

Но как раз раздался гром из леса:
Грохнули три выстрела трех пушек,
И над крепостью, как знаки кары,
Пролетели воюющие ядра.
Те, что подле крепости стояли,
Устрашенными на землю пали.
Выскочили враз из-за деревьев
Всадники, ударили копыта
По сухой дороге, каменистой.

Сияжар, поднявши меч широкий,
Первым прямо подскакал к воротам:
— Кто зажег?! В гнезде змеином этом
Множество моих друзей в осаде,
Если кто из них в ожогах выйдет,
Никого в живых вас не оставлю!

И ответили ему ногойцы:
— Богатырь, к огню мы непричастны;
Приведем виновника пожара,
Он под дубом, связанный арканом.

Вслед за Сияжаром прилетели
Ратники и воины сурские,
И Вольга и смелая Витова;
А Бурнай веселый на аркане,
Как козла, волок сюда Азгара,
Убежать хотевшего от кары.

Подвели торжественно ногойцы
Алаяра, связанного туго.
А Сафар и Сырезь по откосу
Со стены восторженно сбежали,
Растворили широко ворота.
Что тут было! Спешивались — махом,
Обнимали радостно друг друга,
Целовались, звонко восклицали.
И, охватывая Сияжара,
Говорил Сафар: — Мы живы! Живы!
Наши там пожар бесстрашно тушат...—
И на эти вскрики ликования
Прибежала умная Кемаша,
Перемазанная сажей, пеплом.
— Дом сгорел, а два — мы отстояли.
Залили! — она всем сообщила.
Тут подъехал воевода Слава
С воинами русскими. Довольный.
— Сияжар! — спросил он. — Где герои?
— Вот Сафар, с которым в яме был я.
Этот — Сырезь, брат родной. Они-то
С бывшими рабами Алаяра
Ханской крепостью и овладели.

Люди Алаяра и Азгара
Поклонились низко и сложили
Перед Славою свое оружие.
Он сидел в седле русобородый,
Он свой меч спокойно вдвинул в ножны,
Он снял шлем, провел ладонью по лбу,
Оглядел и всадников и пеших,
Поле близ ворот заплонивших,
И сказал, перекрестившись трижды:
— Спасу, нашему Христу, — осанна!
Битвы кончились. Свободна Волга
От разбойников-рабовладельцев,
От князей ногойских двоедушных.
Из Казани павшей по дорогам
Тысячи рабов идут к родимым
Семьям, к селам, к землям заповедным.
Всем, кто с Алаяром был в набегах,
Всем, кто шел с оружием за Азгаром,
Мы даруем навсегда свободу,
За грехи чужие мстить не станем.

Расходитесь по домам, по землям,
Где впервые увидали солнце,
Где вас матери вскормили грудью,
Где к труду вас деды приучали.
Но не забывайте: кто протянет
Руку, чтобы взять добро чужое,
Без руки останется навеки.

— Вот спасибо! Правильно сказал ты.—
Вышел наперед старик щербатый,
Видимо, Азгара приближенный.—
Это правда, мы чуток ослепли,
Потому что с ханами ходили...
Если добрый ты, то сделай милость,
Старого отдай нам Алаяра,
И Азгара злого с ним отдай нам,
А уж мы по-своему сумеем,
Как сумеем, так и обвиним их.
Будь хорошим, выполни-ка просьбу.

Кое-кто за это голос подал:
— Верно, верно, ханов нам отдайте!—
Шум поднялся. Многие ногайцы
Супротив пошли и закричали:
— А зачем нам? Приколоть их сразу!
— Слушайте!— Сафар сказал сердито.—
Понял я, кому-то захотелось
Их оставить жить на белом свете.
За год и дождя на нашу землю
Столь не выпадает, сколько было
Пролито людской безвинной крови:
Грабили и продавали в рабство,
Убивали и держали в ямах...
Их простить, старик, никак не можем!
— Ни к чему пустые разговоры,
Лишь теряем время понапрасну,—
Взволнованный Бурнай вмешался.—
В Гайрусу спешить нам надо, Слава!
Я сейчас на небо их отправлю,—
И он выдернул из ножен саблю.
— Не спеши! Не стоит мазать саблю
Чистую змеиной черной кровью,—
Дружески Сафар сдержал Бурная.—
Мы решим по-своему их участь.

Алая сулил мне с Сияжаром
Медленную смерть. Ее получит
Сам он с другом золотым Азгаром.

Старый Алая заклянчил слезно:
— Я прошу помиловать: клянусь я
Делать лишь добро до самой смерти,
Замолю грехи перед аллахом.—
Он увидел у ворот Кемашу
И захныкал: — Добрая Кемаша,
Лучшая моя жена, Кемаша,
Я в тебе души не чаял, муж твой,
Упроси ты воеводу, чтобы
Жить оставил нас на белом свете...—
Не сказала ничего Кемаша,
Повернулась, твердо зашагала
На пожарище, где тлели угли
И чадили мертво головешки.

Двух коней упрямых, норовистых
Привести Сафар распорядился.
Привели им молодых красавцев,
Не стоят, а пляшут иноходцы,
Свет в глазах горит, играют уши.
Вороной, темнее ночи,— злобен!
Вот к его хвосту и привязали
Алая за ноги арканом.
А к хвосту гнедого так же крепко
Прикрутили длинного Азгара.
Лошадей ударили бичами,
На дыбы они взвились — и, прынув,
Полетели по лесной дороге,
Потащили ханов на арканах.
Только их и видели. Какой-то
Молодой ногоец самовольно
Пожалел Зулу: молниеносно
За ноги схватил — и об ворота!
Эту смерть никто и не заметил.

Люди Алая и Азгара
Были всем испуганы безмерно.
Это понял воевода Слава
И сказал им всем слова такие:
— По родным местам вы расходитесь,

Как вам нравится, так и живите,
Ничего дурного вам не скажут,
Никогда никто у вас у мирных
Ничего, поверьте, не отнимет.
Есть свое гнездо у каждой птицы,
Есть своя семья у человека.
Вы в чужие гнезда не садитесь,
Не крадите скарба у соседа,
Чтоб навек без крыльев не остаться,
Чтобы не расстаться с головою.
С богом, люди! Расходитесь, люди!
Ты, Сафар, о крепости заботься,
Соблюдай здесь строгие порядки,
Да всю жизнь доглядывай в округе,
Не давай в ней злу распространяться.
Если хочешь — в Гайрусу поедем,
Наши друзья в гости приглашают
На реку Суру отведать пуре.

СКАЗ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

У Анжая в доме будет свадьба!
Сбилась с ног родня, хлопочет пылко:
Как нарядней пиршество украсить,
Как невесту привезти картинней,
Радостно да с песнями, да чтобы
По дороге не случилось сглазу.

Накануне ночь не спал Андямо,
Сладкая бессонница томила,
Утра ожидал, а с ним и счастья,
Свадебного счастья молодого!
Привезет он Ную и, как солнце,
В дом введет, в свой — струганый, сосновый.
Радуюсь, плясал, а не ходил он:
Ну теперь она ему и в ноги,
Как раба, поклонится покорно,
Эта умная милашка Нуя,
Им пренебрегавшая гордячка.
Ну теперь Андямо предоволен,
Он хозяином над нею будет,
Уму-разуму ее наставит.
Пусть она в невестах не дарила
Ни одной приветливой улыбки,
Разговаривать с ним не хотела,
Но зато его женою станет.
Нынче станет. Купленная — слаще!
Как угодно, так он с ней поступит,
Что захочет, то заставит делать!

Дом Анжая празднично всполошен,
Сын любимый женится, Андямо,
Для него затеянную свадьбу
Правят женщины их рода: тетки,
Сестры да невестки, и мужчины —
Старики да мужики постарше.
Пироги уж вынуты из печи,

Дух идет от всякой вкусной снеди,
И разряженные поезжане
В ожидании сидят на лавках.
Кони на дворе давно в упряжке
И готовы мчаться за невестой.
А людей тьма-тьмущая толпится.
Как на битву собрано народу.
Свахи ждут разумницу Любаву,
Песельницу лучшую в селенье.
Звон на улице на всей раздался,
Звон да развеселый колокольцев!
Это едет пышно не боярин,
Нет, не царь великий быстро скачет,—
На лихих конях везут Любаву,
И не по дороге мчатся с нею —
Сваха знатная летит по ветру!..

Широко открыл Анжай ворота,
Во дворе остановилась тройка.
Умницу-разумницу Любаву
Поезжане из кареты знатно
На руках на землю опустили,
Как царицу, под руки, почетно
Подвели ее к крыльцу резному.
Все вошли в богатый дом за нею,
Все за стол со свахой сели рядом,
Все пригубили и закусили.
И тогда всплеснула по-лебяжьи
Сваха белоярыми руками,
Умница-разумница Любава:
— Не пора ли ехать за невестой?

Поднялись из-за стола в дорогу,
Помолились молча Вере пазу,
Умную Любаву одарили,
Всякой всячиной озолотили,
На успех ее благословили.
И запела им в ответ Любава:
— Нарядившиеся поезжане,
Собирайтесь под моей рукою,
Мы поедем во страну чужую,
Мы тайком к чужой родне заедем,
Заберем вспоенную девицу,
Увезем вскормленную невесту.—

Поскакали свадебные кони
По селу, по улицам широким,
Колокольчики на всю округу,
Будто жаворонки, зазвенели!
Звон несется, поезжане мчатся
За красавицей невестой Нуей!

Утро праздничное начиналось,
Как река Сура текла, степенно.
Накануне свадьбы, ночью, Нуя
Глаз волшебных синих не сомкнула.
Проводив подружек поздно, плакать
На дворе просторном выходила.
Так причитывала, так рыдала —
Белый свет наполнился печалью.
Длилось причитание, покамест,
Бедная, не изошла слезами,
Не лишилась сил и не поникла,
Средь двора без памяти упала,
Как подрубленная повалилась,
Повалилась и не шевельнулась.
Подняли несчастную невестки,
Отнесли печальную в светлицу,
На постель, тревожась, положили.
И лежала и не шелохнулась,
Побледневшая, она молчала,
Словно бы душа ушла из тела.
Мать расстроенная поспешила,
Дочь увидев, вся зашлась от плача.
Нуя синие глаза открыла.
Жалость к матери девичью душу
Тронула сперва, но вспыхнул в сердце
Пламень гнева, жалость пересилил.
— Матушка, зачем же льешь ты слезы? —
Так сказала Нуя. — Надо мною
Петлю-то повесили вы сами!..
Что ж, по-своему все, видно, правы.
Мне суля богатый дом и счастье,
Для себя извлечь хотели пользу...
Радуйтесь! Вы своего добились.
Успокоились? Ну, уходите!
Проведу одна остаток ночи,
Этой ночи девичьей последней.

Все ушли, плечами пожимая.
В дверь — они, а в окна утро тихо
Робкий свет скорбяще уронило.
Нуя в горенке, как птичка в клетке,
С мыслями тяжелыми осталась.
В ней, казалось, высохли все чувства,
Слезы бирюзой больной, как раньше,
Не текли уже из глаз огромных.
Вера в близких выпала из сердца,
И покинули надежды Нюю.
Что осталось? Умереть осталось.
С радостью бы наложила руки
На себя сейчас, не отлагая,
В это утро грустное, до свадьбы...
— Вере паз! Пожалуйста, скажи мне, —
Силой всей души она просила, —
Неужели умереть должна я?
Неужели путь один — в могилу?
Или сузилась земля настолько,
Что мне места больше не осталось? —
К ней вернулась прежняя решимость,
Быстро выпрыгнула из постели,
Вынула из паря¹ шитый пояс.
А рассвет уже проник в светлицу,
Из окна видать, как ходят люди.
Вот по улице верхом Андямо
Поезжан сзывать уже поехал,
В новой шапке, в вышитой рубашке,
Дорогой кафтан на нем застегнут.
Кушаком шелковым подпоясан.
Придержал коня он, проезжая,
Гордо глянул на окошко Нуи.
— Созывает поезжан на свадьбу,
А на похороны соберутся... —
Прошептала Нуя. Шитый пояс
Превратила в петлю и искала
Привязать второй конец за что бы...
Все окончится: страданье — в землю,
И любовь свою с собой, туда же.

Но открылась дверь, и на пороге
Встала мать и радостно сказала:

¹ Парь — круглый сундук, выдолбленный из липы.

— Я вошла будить тебя... Ты, видно,
И сама заботишься о свадьбе.
Вот спасибо матушке Юртаве
За твое успокоенье, дочка.
Скоро собирать тебя в дорогу
Женщины придут, ты не артачься,
Все, что присоветуют, то делай.
Чему быть, того ты не минуешь...—
Вскоре появились и невестки,
Тетки разные, старшие сестры,
Увели к родным соседям Ную,
Там помыли в бане, накормили,
Стали наряжать ее для свадьбы.
Нуя на наряд свой не смотрела,
Сожалела лишь, что помешали
В подлом мире с жизнью распоститься.
Все-таки еще надежда тлела,
Как в костре потухшем тлеет уголь.
Острый нож взяла и осторожно
Спрятала в рубашке, в пышных складках,
Только он и выручит из бедствий
И спасет от мук в семье Анжая.

И покамест наряжали Ную,
Волосы кудрявые, как солнце,
В косы женские уже сплетали,
Прибыли за нею поезжане,
Дружки жениха со знатной свахой,
С умницей-разумницей Любовой,
Привезли подарки — в парь не влезли,
Попросили поспешить с убранством,
Мол, Андямо ждет и не дождется.

Вот наряжена невестой Нуя,
Девушка пришла домой проститься,
У дверей причитывала глухо,
Ни одной слезинки не роняя.
Девушкой за стол сажали Ную,
Чтобы из застолья вышла бабой.
Исполняли дедовский обычай:
Поезжан одаривали щедро,
Угощали смачно, пели песни.
Нуя как во сне средь них сидела,

Не пила, не ела, не слыхала
Их речей, не видела их лица.

Поезжане выпили, поели,
Поезжане, кланяясь, вставали,
Из-за отчего стола, как паву,
Дружки бабой выводили Ную.
Выходила Нуя из застолья
И причитывала Нуя, плача,
И просила батюшку родного,
И просила матушку родную,
Ко груди ее лицом прижавшись,
Чтоб не выдавали, не губили:
— Видно, выгнать вы меня хотите
Из родного радостного дома,
Гоните на путь и слез и горя;
Видно, раньше времени — за что же? —
Посылаете меня в могилу.
Восемнадцать лет я помогала
Обихаживать хозяйство ваше,
Никогда не бегала от дела,
С радостью бралась я за любое...
Я работы трудной не бросала,
Коль просили — просьбу выполняла,
Посылали — я бегом бежала,
Старшим не перечила и младшим,
Летом — я всегда бывала в поле,
Пряла, ткала день и ночь зимою
И ни от кого не отставала.
Видно, нет мне места в вашем доме,
За столом за вашим нет мне места.
Жаль вам дать мне даже ломтик хлеба,
Даже ковшика воды вам жалко,
Как чужую, гоните из дому.
Продали меня постылым людям,
Счастье отняли вы вместе с жизнью.
Видно, вы и бога не боитесь,
Оттого и в рабство продаете,
Загоняете дитё в могилу.
Вот что накажу перед уходом:
В сумерках умру сегодня, завтра
Вы на похороны приходите,
Через три дня — на мою могилу,
Через шесть дней — на мои поминки.

Это так же верно, как и то, что
Я сегодня плачу перед вами,
Как и то, что мой прощальный голос
Слышите в последний раз сегодня.
Пусть погибну я, совсем исчезну,
Всем добра желаю на прощанье,
Пусть пошлет вам Вере паз здоровья,
Пусть ваш скарб всегда он охраняет!
Дорогая матушка, родная,
Ты последнюю исполни просьбу:
Вспоминать меня не забывайте —
На том свете будет много легче
Ни за что моей душе пропавшей,
Коль меня помянете добром вы.
Неужели мне уйти придется?
Уходить же из родного дома,
Батюшка, поверь мне, хуже смерти,
Со двора отцовского мне выйти —
Все равно что лечь живой в могилу.
Так я ухожу, так пропадаю,
На тяжелый путь благословите,
Да меня в могилу проводите
И дурным не поминайте словом!

Все, кто слушал плач, окаменели.
Этот безутешный голос Нуи
Обдавал то холодом, то жаром,
От него наворачивались слезы.
Только камни не умели плакать,
Но стонали и они потайно.
Старый Жуварма стоял, согнувшись,
Как кривая, старая береза
Одинок на опушке леса.
Пусть иные Нуе и не верят,
Он-то нрав любимой внучки знает,
Он догадывался о неладном,
Эта — руки на себя наложит,
Что решила — то она исполнит.
— Дедушка, родной, прощай навеки! —
Нуя низко поклонилась деду
И его в морщинистую щеку,
Вся в слезах, поцеловала крепко.
Из родительского дома вышла
Медленно, пошатываясь, плача,

Двор пересекая, задержалась,
Попрощалась мысленно с Юртовой,
Доброю хранительницей дома.
Нуя шла и оставляла слезы,
Жаркие, как крошечные солнца.
С двух сторон к ней подступили дружки,
В свадебную усадив телегу,
Повезли в постылый дом Анжая.

Ждал Андямо поезжан с невестой,
Бегал по дому, во двор кидался,
На сарай влезал от нетерпенья,
Ну не находил себе он места;
Может, сто раз открывал он двери,
Может, сто раз подходил он к окнам, —
Поезжане все не возвращались.
Дом притих, невесту ожидают,
Род Анжая важен, многолюден,
Высыпал на улицу, разряжен,
Старики сидят на толстых бревнах,
Бороды поглаживают молча,
У крыльца молодки и старухи
Судят, рядят, шутят удивленно,
Девушки в сторонке, на лужайке
Свадебные песни распевают.
Матери сестра, Андямо тетка,
Вырядилась в страшного медведя:
Шубу вывернула и надела,
Лоб и щеки вымазала сажей.
Мать Андямо, гордая Суляна,
Приготовила хлеб-соль для встречи
Ожидаемой давно невесты.
Наконец — дождались: будто туча
Развеселая летела к дому,
Колокольцами звенело небо,
Как весенний гром, катились тройки,
У ворот, копыта опуская,
Еле сдерживаясь, стали кони.
На таких бы мчаться через горы,
Через реки — да по всей земле бы!

По обычаю встречали Ную
Хлебом-солью и благословеньем,

Осыпали изобильем хмеля
И испрашивали у Юртавы
Разрешенья в дом впустить невесту.
Ную за руки вводили дружки,
Ставили, как надо, перед печкой.
И тут праздник свадебный начался.
С пенным пуре ковш пошел по кругу,
Мисы с мясом оседали грузно,
Пирог румяные дымились.
Пир шумел, кричал, хлебал и чавкал,
Брагою шипел, стучал о блюда...
Как поплыли песни над столами,
Словно души взвились лебедями.
Как пошла отчаянная пляска
На ногах хмельных, веселых, гнутых,
Так казалось — пола не касалась.
Нуя еле сдерживала слезы,
Унизительно ей приходилось
Кланяться постылому Андямо,
Разным теткам и кому придется
И за будущую жизнь рабыни
Свекру приносить благодаренье,
И свекрови, и золовкам тоже,
Их родне до пятого колена.

До заката пили и гуляли.
Опьянел Андямо, стал как тряпка,
Рядом с Нуей он стоит, качаясь,
И того гляди хлестнется на пол.
Глупо улыбается, слюнявый,
Губы распустились и обвисли,
Вместе их не соберешь граблями.
Свадебное кончилось застолье,
Справили старинные обряды,
За день от хлопот и от веселья
Гости и хозяева устали,
Начала одолевать их дрема.
И тогда, как исстари ведется,
Спать в амбар, стоявший в огороде,
Повели тут жениха с невестой.
Впереди с плетью шагали дружки,
А за ними Ную вел Андямо,
Шествие Любава замыкала,
Веником дорожку подметала,

Чтобы новобрачных лиходен,
Разные злодеи не нашли бы,
Да любви бы их не помешали...

Вот амбар открыт, постель готова.
Первым перешел порог Андямо,
Стал нетерпеливо раздеваться.
Как всегда иных невест, Любава —
Песельница-сваха — пред амбаром
Вкрадчиво напутствовала Ную,
Как ей надо почитать Андямо,
Нареченного судьбою мужа.
Нуя слов Любавы не слыхала,
Нуя с ужасом на дверь смотрела,
Как медвежья пасть, она открыта,
Как войдет она в амбар проклятый,
То живой оттоль уже не выйдет.
И, свои закончив наставленья,
Повела Любава Ную к двери.

Не пришлось переступить порога...
В этот миг загромыхали крики,
Зазвучали голоса людские:
— Сияжар вернулся! Все вернулись!
Слава! Сияжар! — везде кричали.
Слыша крики, задрожал Андямо,
Отрезвел, хмель вышибла тревога,
Страх покрыл его лицо, как снегом,
И упал он на пол, как колода.
Дружки выскочили из амбара,
Через тын на улицу махнули.
— Сияжар? Где? — на бегу орали.
Быстро расторопная Любава
Кинулась в амбар и обомлела,
Принялась трусливого Андямо
Поднимать, а он, раскинув руки,
На полу без памяти валялся...

Нуя растерялась, онемела,
Ног не чувствует, побежать не может,
Радость силы отняла внезапно,
Нуя и не верит, и не знает,

Наяву ли деется, во сне ли...
Эту весть, как с неба, услыхала...
Раз переступила, снова стала,
Будто зла невидимые нити
Привязали к страшному амбару
Этого проклятого Анжая.
Шаг еще, не слушаются ноги,
Остается на землю упасть ей.
В этот миг к воротам подскакала
Смелая красавица Витова,
Через двор коня заторопила,
Прыгнула с седла на огороде,
И — к амбару побежала, к Нуе.
Хлынули из глаз у Нуи слезы,
Зарыдала на груди подруги.

— Нуя, радуйся! Вдвоем примчались —
Сияжар и я... Другие сзади, —
Говорила смелая Витова,
Обнимая давнюю товарку. —
Успокойся, Нуя! Обошлось...
Ты не обижайся, что так долго...
Все-таки я выполнила слово,
Вовремя приехали. Как сокол,
Сияжар летел, коня копыта
И земли, должно быть, не касались!
Я, по правде, еле успевала.
Чуяла я что-то и боялась
За тебя... Подруженька, не плачь ты,
Счастье не потеряно, мы живы!

А в селе уже поднялся гомон,
Вихрем неся в сторону Анжая.
Буря шла! Повеселела Нуя,
Улыбнулась, весть ее встряхнула.
Сдернула венок, рванула ленты,
Что ее день целый украшали,
Все изорвала, измяла гневно,
И ногами тут же истоптала.
За руки взялись, пошли подруги
Через двор, минуя обалдевших
И испуганных родных Анжая.
Улицей направились на площадь,
Конь на поводу шел за Витовой.

Собралась вся Гайруса на площадь,
У сосны у вековой кипела.
И среди скопления народа
Сияжар сидел на аргамаче,
Он одет был в медь, одет в железо,
Шлем его луной сиял над всеми,
И зари вечерней красный отблеск
На доспехах воинских метался.
Меч широкий на луке держал он,
Конь под ним плясал нетерпеливо,
А старейшины — вокруг толпились.
Мудрый Жуварма преобразился,
От восторга, как помолодевший,
Дуболго и Пичегай явились,
Стариков пригнало любопытство,
Мужиков и юношей беспечных.
— Почему Анжая здесь не вижу? —
Сияжар спросил тяжелым басом. —
Где презренный сын его Андямо?
Позовите их сюда на площадь,
Не пойдут — насильно притащите!
Я поговорю при всем народе
С ними. Не откладывая. Тотчас! —
Шум заколыхался. Отделились
Много мужиков, парней — и мигом
Кинулись на розыски Анжая.
Улучив мгновенье, к Сияжару
Нуя подошла, взялась за стремя,
И лицом к его ноге прижалась,
И рукой его поймала руку,
Синими благодаря глазами.
Чуть ли не силком вели Анжая,
А Андямо волоком тащили.
Вял Андямо, как побит морозом,
Но Анжай по-волчьи, исподлобья
На кругу народном озирался.
— Обо всем подробно, что случилось,
Не успею рассказать. Ночует. —
Сияжар слова ронял раздельно. —
Главное — вина скупца Анжая:
Он нас продал в рабство Алаяру,
Всех, кто охранял родную землю.
Сколько мзды он получил — не знаем,
Завтра спросим, завтра сам ответит.

Он Лутмая заставлял сначала
Навести на след наш Алаяра.
Лутма, умирая, сообщил нам
О коварстве отчима Анжая.
А потом сынок его продажный,
Вот стоит он, видите, — Андямо
Выдал ваших сыновей и братьев.
Показал расположение наше
Алаяру... Нас врасплох застали.
Как хотелось золота им, умным!

Ураган выплескивали горла,
Туча гнева яростно дышала,
Падали проклятья на Анжая.
Тут вперед протиснулась Любава.
— Провалиться бы тебе, нечистый! —
На него отчаянно вскричала. —
Пусть в аду тебе не будет места!
Пусть ты мне доводишься роднею,
Пусть ты слыл хорошим человеком, —
Оказался со звериным сердцем,
Не простим предательства тебе мы!
На кого ж ты, подлый, поднял лапу?
Парни землю нашу охраняли
От ногайцев, завидуших злыдней,
Нас от горестей оберегали,
От угона в рабство, от разора,
И своей, как луг весенний, жизни
Не щадили... Будь ты проклят, злыдень!..
Гнев людской сожжет тебя на месте.
Смерть тебе позорная, предатель!
— И не приведи бог! Что ты, баба!.. —
И Анжай на людях, как обычно,
Лгать стал, вывернуться попытался. —
На душу на чистую, селяне,
Видит бог, греха я взять не смею,
Перед всеми открываю душу:
За собой вины такой не знаю!
Алаяра ненавижу, с ханом
Не встречался и к нему не ездил.
Если ж ездил — пусть отсохнут ноги,
Если ж говорил когда-нибудь с ним —
Пусть сейчас язык мой онемееет.
Сколько слез я пролил по Лутмаю!

Заставлял его... Поклеп, и только...
Оговор... Греха не принимаю!—
И последние слова Анжая
Потонули в ругани и гуле.

— Кто лжецу и хапуну поверит?—
Мудрый Жуварма сказал спокойно.—
Ты, людей обманывавший часто,
Торговавший медом, наловчился
Продавать людей... Своих же продал!
— Невиновен я, как перед богом!..—
Завопил Анжай, затряс руками.
— Прикуси язык! — Андямо крикнул.—
Ложью грех свой, батя, не отмоешь,
Я скажу, старейшины, вам прямо:
Это правда, преступление наше,
Хана я привел, отец велел мне...
Сияжар правдив... меня там видел...

Волгою в грозу вскипела площадь,
Вскидывались кулаки и крики.
На Анжая бросились. Убили б!
Голос Сияжара смёл напавших:
— Все назад! И волоса не трогать!
Посадите, чтоб не убежали!
Завтра будет день. И разберемся.
А теперь гостей готовьтесь встретить —
Славу и Вольгу и ваших храбрых
Сыновей, сражавшихся в Казани.
Привезут огромную вам радость:
Дочерей и сыновей, которых
Вы давно пропавшими считали,—
Вновь обнимете... Они сегодня
За Сурой на вырубках ночуют.
Много возвращающихся. Завтра
Все приедут в Гайрусу родную:
Бывшие в полоне у ногайцев,
Краденые, проданные в рабство;
Раненых, больных и изможденных
Привезут тихонько на телегах.

В каменный амбар ввели Анжая,
Семь замков повесили на двери,

А Андямо в тот амбар, в котором
Не успел остаться вместе с Нуей.
— Да и без замка не убегу я,—
Он внушал парням, его садившим.—
Все раскрою людям без утайки,
Плохо все ж от подлеца родиться...—
Но ему никто не верил. Парни
Заперли его и караулить
Новобрачного остались. Так вот
Завершилась у Андямо свадьба —
Стал тюрьмой амбар с постелью брачной.

А село гудело, пели песни,
Позабыт был сон, все ждали утра,
Дорогих гостей все ожидали.
Сияжар по улицам прошелся,
Песнями встречали, зазывали,
Заговаривали с ним девицы,—
Что ж, понравиться ему хотели.
А Витова проводила Ную —
Нуя девушкой вошла в светлицу,
До восхода солнца говорили,
Не заметили, когда уснули...

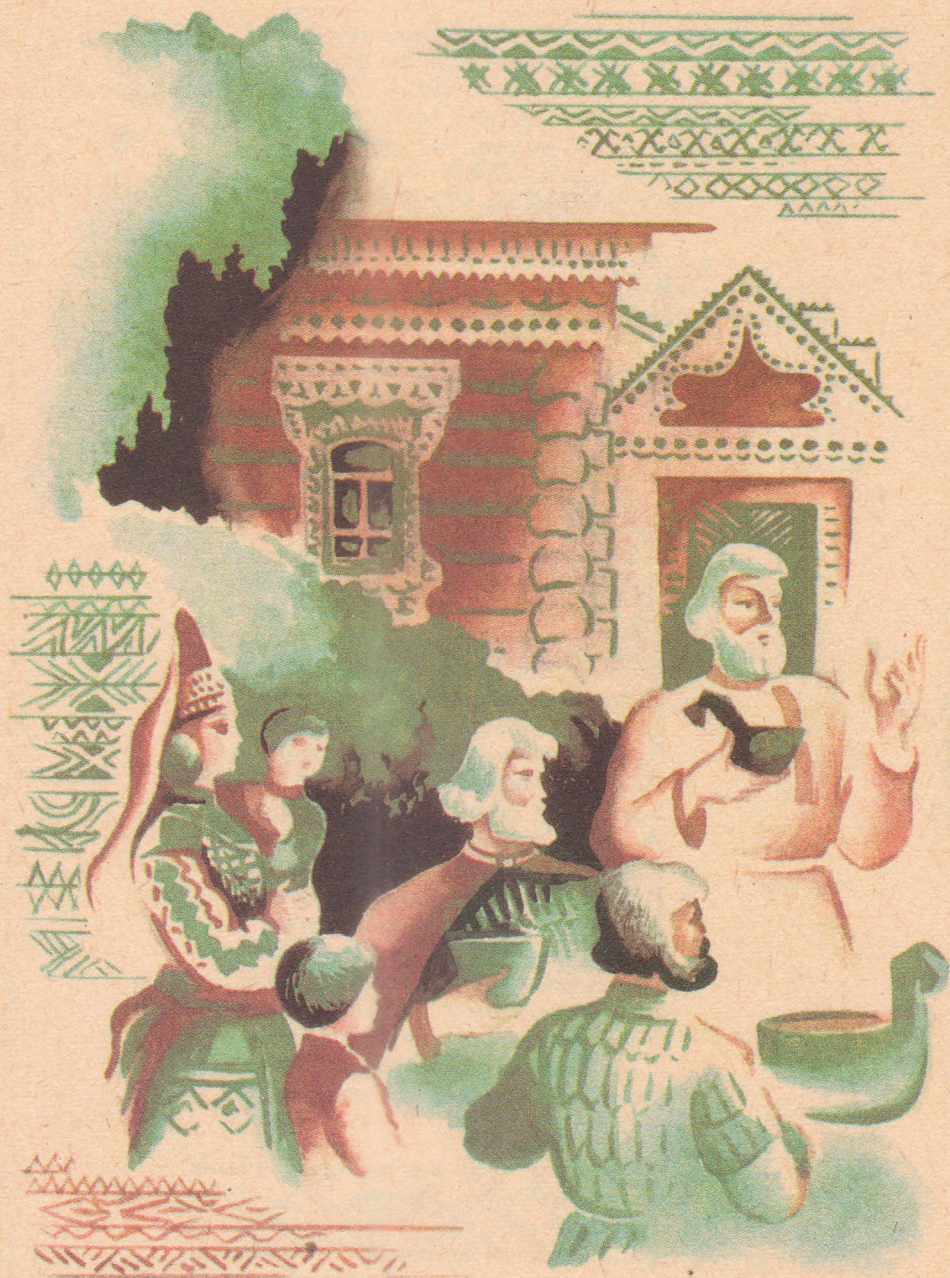

СКАЗ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

В Гайрусе хорошей, хлебосольной
Праздничная нынче суматоха.

До восхода поднялись сельчане,
На просторной площади народной
С вековой вечевой сосною,
Споро ставили столы и лавки,
Снедь, убоину и караван
На телегах прочных привозили,
И подкатывались бочки с пуре,
Подпоясанные обручами,
На столы ковши со стуком мягким
Стаями веселыми садились.
В стороне под емкими котлами
Заработало прилежно пламя.
Солнце вышло из-за горизонта,
Будто девушка весной из рощи,
Лес, поля окидывало светом,
Грело мир осенним тихим жаром.
А из сел и деревень окрестных
По проселкам и тропам Присурья
Шли и шли разряженные люди
Вот сюда, на площадь вечевую,
Встретить отличившихся в сраженье
С подлыми ногайцами в Казани,
Встретить, может быть, родных, любимых,
Увезенных недругами в рабство...
Слух прошел: освобожденных много
Возвращается в места родные.

Люди шли и шли в нарядах лучших —
Вышитые белые рубахи,
Кисти поясов слегка играли
При мужском широком быстром шаге,

Высились на головах у женщин
Звездами мерцающие панги¹,
Шевелились на ветру панары²,
Бисером сверкали пулагаи³.

На просторной площади народу
Видимо-невидимо скопилось,
Ожидают, смотрят на дорогу.
— Едут, едут! — где-то закричали.
Вот они уже и показались.
Сотни рук им поднялись навстречу,
Трепетными птицами взлетели,
Белые платочки замелькали
В сини лебедиными крылами.
Люди песнь хвалебную запели,
И под эту песню приближались
Добрый Слава и Вольга могучий,
Доблестный Гамзур, Бурнай отважный;
Кони их стучали горделиво,
Челками потряхивали часто,
Следом — вместе, рядом, вперемежку, —
Воины прекрасного Присурья,
Ратники Московии великой,
Доблестно сломившие ногайцев.
А за ними — выжившие в рабстве
И освобожденные из плена,
Угнанные молодцы когда-то,
Девушки похищенные, дети...
Кто на лошади верхом, кто — пеший,
А ослабленные — на телегах.

Как подъехали они — народ весь
Поклонился поясным поклоном,
Умница-разумница Любава
Встала впереди, запела звонко:
— Умные старейшины,
Наши прародители,
Наперед ступайте вы,
Хлеб-соль подносите вы
Славным добрым молодцам,

¹ Панга — кокошник.

² Панар — рубашка.

³ Пулагай — юбка.

Славе, гостю русскому,
Да Вольге могучему!
Славьте, люди добрые,
Их победы ратные,
Славьте, люди, песнями
Сияжара нашего,
Силача-эрзянина,
Да Бурная смелого,
Да Гамзура храброго,
Их друзей-соратников!
Приглашайте к пиршеству
Всех героев-молодцев!

Мудрый Жуварма, белобородый,
Во все белое одетый старец,
И старейшины всего Присурья
Поднесли хлеб-соль Вольге и Славе.
И открылись бочки с крепким пуре,
Высоко-высоко в синь взлетели,
Как стрижи, дубовые затычки,
И в ковшах зазолотилось пуре,
Капли желтые в лучах сверкали.
Слава выпил ковш единым дыхом,
А Вольга — другой единым дыхом,
Шли ковши от одного к другому,
Осушали все ковши до капли,
Дно ковша показывая солнцу.
Между тем катились слезы счастья.
Матери, рыдая, обнимали
Дочерей, украденных когда-то,
Сыновей, врагами уведенных,
Встретились, оплаканные в прошлом,
Братья, сестры, и отцы, и дети...
Добрая красивая Уняша
Материнское лицо в морщинках
Исступленно все исцеловала.
А Вияна обняла Гамзура,
Девичью стыдливость позабыла;
Умница-разумница Любава
Прижимала к сердцу дочь и сына...

А в котлах уже еда поспела,
На скамьях на длинных за столами
Шумно все рассаживаться стали.

Славу посадили посередке,
На почетном месте посадили,
А Вольгу с ним рядом, одесную,
Сияжар ошую утвердился.
И, конечно, с ним — Бурнай с Гамзуром,
А вокруг товарищи и други,
Молодцы, творившие победу,
В Гайрусу доставившие радость.

А напротив за столом широким
Славной Гайрусы старшие сели:
Мудрый Жуварма — седое время,
Дуболго могучий, как сказанье,
Добрый Пичегай, сладкоголосый,
И властители других селений.

Не дотронулся никто до хлеба,
Ни за ложку, ни за ковш не взялся, —
Жувармы приветственное слово
Все благоговейно ожидали.
Встал он, в белое одетый, — ветер
Трогал рукава легонько, ветер
Белой бороды его касался,
Раздувал и завивал поземкой.
Он сказал: — Великое спасибо
Вам, спасители земли мордовской!
Пусть же, молодцы, оружие ваше
Будет зорким, острым и бесстрашным,
Исполать вам, воины родные! —
И добавил: — А теперь прошу я,
Приведите хвастуна Анжая
Вместе с отпрыском его трусливым —
Кажется, зовут его Андямо.
Пусть предатели перед народом
О своем расскажут преступленье.
Как он порешит — так и свершится. —
Несколько парней пошли за ними.
Возвратились, но с одним Анжаем.
— Где Андямо? — тут же их спросили.
— Он в своем амбаре удавился!
На аркане! — парни отвечали.
Не вздохнул о нем никто, не охнул,
Лишь Анжай уперся в землю взглядом,
Голову тяжелую повесил.

Встал Бурнай и рассказал, как было,
Как Анжай и сын его Андямо
Предали позорно Сияжара
И его друзей бесстрашных, верных,
Охранявших жизнь родного края
От завистливого Алаяра,
От лихих захватчиков-ногайцев.
Это обвинение Бурная
Подтвердил сам Сияжар, выдавший
Рядом с ханом гнусного Андямо,
Добрый словом помянул Лутмая,
Совершившего бессмертный подвиг.

И тогда Анжай сказал народу:
— Добрые старейшины, я знаю,
Велика вина и преступленье...
Я прошу: быстрее предайте смерти,
Не хочу я больше жить на свете,
За вину такую — нет прощенья.

Старый славный Пичегай поднялся.
— Незачем нам с ним, друзья, возиться,
Не к чему марать нам руки кровью...
Пусть живет. Пусть ходит одиноко.
Если встретится — не говорить с ним,
Стороною обходить, не видеть...—
Так вот сходкой праздничной решили,
Сделали по слову Пичегая.
И Анжай, как говорили после,
Подошел к Суре, забытый всеми,—
В омуте вода заколебалась...

Допоздна на площади гуляли,
Пили, ели, веселились вволю.
Встречи. Вздохи. А воспоминанья
И уста и души бередили.
О Вольге, о воеводе Славе,
О герое Сияжаре пели
Песни, подымавшиеся к звездам,
Слышались во всех концах Присурья;
Тут и начинались сказанья...
Расходились под луной полневшей,
Весело над Гайрусой прекрасной,
Спать ложились во хмелю горячем,

Сны вились счастливые над ними...
На второй день солнцу рассияться
Дали — и опять пошло веселье,
Звон бубенчиков и колокольцев
Полетел по улицам селенья.
Все догадывались: едут сваты!
Едут сваты,— значит, будет сговор.
Перед ними раскрывались двери
И столы от угощений гнулись.
И от дома к дому — вести, вести,
Неожиданные разговоры:
— Ную выдают за Сияжара!
— Батюшки, сосватали как скоро!
— Сильный Дуболго-то с Пичегаем
Породнились. И не плачет Нуя.
Только улыбается да песни
Голосом грудным поет, медовым.
— Пиршество теперь не за горами!..
— Эх, попьем на богатырской свадьбе!
— Мудрый Жуварма нам на нудее
Так сыграет, что зайдутся ноги,
Как зайдутся, так полы прогнутя,
Как прогнутя — так столы запляшут,
Как столы запляшут, так и лавки
Во густом хмелю пойдут вприсядку.
— Столько песен будет перепето!
— Песен, милые, не оберешься,
Дуболго-то две справляет свадьбы.
— Неужели женится и Сырезь?
— Нет. У Дуболго сестра Кемаша,
Пропадавшая, нашлась недавно;
Вот она-то на какой-то Заре
Сына своего Сафара женит.
— Значит, больше пуре разольется.
— Всласть попьем да попоем досыта!

И по улицам другим подводы —
Тоже сваты, сваты,— нет отбою,
Звон бубенчиков летит далеко,
А молва летит быстрее и дальше,
Весть стучится в каждое окошко,
Перед нею не закроешь двери,
Весть все улицы перебегает,
Через буераки и овражки:

— Воевода русский, звать Вольгою,
Женится на ласковой Витове!
Дом Сияржи от окон до печки
Ходит ходуном от буйной пляски,
Переваливается по-медвежьи,
Говорят, стропила закачались!
— Нишке паз, да как не закачаться!
Краденая дочка их, Уняша,
Воротилась тоже из Казани
С женихом-ногайцем, Ибрагимом,
Навсегда он в Гайрусе остался.
Все, видать, везде перемешалось!

Не забыт был воевода Слава,
Оженить хотели — не сумели.
Он сказал — в Московии далекой
Ждет его боярышня-невеста,
Скоро царь его домой отпустит
Справит свадьбу. А пока он гостем
Погуляет в Гайрусе хорошей.

Видно, в мире так всегда бывает,—
Свадьбами кончаются победы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказ первый	17
Сказ второй	25
Сказ третий	40
Сказ четвертый	46
Сказ пятый	53
Сказ шестой	63
Сказ седьмой	70
Сказ восьмой	76
Сказ девятый	81
Сказ десятый	85
Сказ одиннадцатый	92
Сказ двенадцатый	103
Сказ тринадцатый	108
Сказ четырнадцатый	114
Сказ пятнадцатый	119
Сказ шестнадцатый	131
Сказ семнадцатый	138
Сказ восемнадцатый	144
Сказ девятнадцатый	149
Сказ двадцатый	160
Сказ двадцать первый	165
Сказ двадцать второй	170
Сказ двадцать третий	175
Сказ двадцать четвертый	180
Сказ двадцать пятый	185
Сказ двадцать шестой	189
Сказ двадцать седьмой	196
Сказ двадцать восьмой	202
Сказ двадцать девятый	206
Сказ тридцатый	213
Сказ тридцать первый	225
Сказ тридцать второй	230

Сказ тридцать третий	234
Сказ тридцать четвертый	247
Сказ тридцать пятый	260
Сказ тридцать шестой	272
Сказ тридцать седьмой	278
Сказ тридцать восьмой	293

СИЯЖАР

Сказания мордовского народа

Собрал
и литературно обработал
ВАСИЛИЙ РАДАЕВ

Редактор **В. П. Евпатов**
Художник **Н. Г. Протасов**
Художественный редактор **О. Г. Червецова**
Технический редактор **В. М. Котова**
Корректоры **Г. П. Панова, Г. В. Селецкая**

ИБ № 5457

Сдано в набор 09.09.88. Подписано к печати 12.06.89. Формат 70Х90/16.
Гарнитура Акад. Печать офсет. Бумага офсет. № 2. Усл. краск.-отт. 70,79.
Усл. печ. л. 22,23. Уч.-изд. л. 17,33. Тираж 10 000 экз. Заказ 134.
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писа-
телей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного ко-
митета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

3

1 р. 80 к.

СОВРЕМЕННОСТЬ